

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

**Кто близ небес,
тот не сражен земным...**

*Материалы
Восьмых Лермонтовских чтений*

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

Кто близ небес, тот не сражен земным...

Материалы

Восьмых Лермонтовских чтений

ЯРОСЛАВЛЬ
РИКО-ПРЕСС
2009

83.3Р1

К 87

Кто близ небес, тот не сражен земным...: материалы Восьмых Лермонтовских чтений. 20-21 октября 2008 г./ Упр. культуры мэрии г. Ярославля, МУК «ЦБС г. Ярославля», ЦБ им. М.Ю. Лермонтова. Ярославль: Рико-Пресс, 2009. - 108 с.

Сборник издан в рамках городской целевой программы
«Развитие культуры в городе Ярославле» на 2009-2011 годы

© Центральная библиотека имени М.Ю. Лермонтова
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»
© Текст – авторы статей

Содержание

Ямадзи А. Интерес к произведениям Лермонтова в Японии	5
Черноусова И. Г. От «русского Востока» к «Кавказу родному» (лермонтовский контекст)	12
Виноградов В. Б., Люфт Е. Г. А.А. Бестужев (Марлинский) и М.Ю. Лермонтов: потребность переоценки соотнесённости: (проблемно-библиографический этюд)	15
Шихваргер И. Х. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Родина»: ещё один опыт прочтения	17
Харчева И. Ю. М.Ю. Лермонтов на страницах журнала «Сура»	20
Русанов А. В. О влиянии поэзии М.Ю. Лермонтова на творчество И.С. Никитина: по материалам журнала «Филологические записки» за 1912 год	28
Рассказова Л. В. «Прощать святое право...»: (М.Ю. Лермонтов и В.А. Лопухина)	45
Коваленко А. Н. Из рода Столыпиных	54
Левагина С. Н. Император Андроник Комнин – предок князей Андронниковых: к 100-летию представителя этого рода И.Л. Андроникова	67
Дружнева Н. А. Григоров Александр Александрович (1904-1989) – краевед, генеалог, историк военно- морского флота, Почетный гражданин города Костромы	74
Блохина И. В., Калинина Е. А. Бывал ли Лермонтов в Ярославском крае: размышления ярославского писателя, краеведа и библиотекаря Бориса Павловича Комарова	79
Скафтымова Л. А. М.М. Уманская и ее монография «Лермонтов и романтизм его времени»	83
Баранов В. Н. Учитель, перед именем твоим...: страницы жизни профессора Иванова Анатолия Николаевича	89
Попов А. А. Литераторы, прошедшие лагеря в Коми АССР	94
Сведения об авторах	107

*Я рассказать хотел о нем,
Храбрейшем среди всех честнейших,
Честнейшем среди всех храбрейших,
Я рассказать хотел о нем.*

*Я рассказать хотел о том,
Как он вставал, как он ложился.
Как свет в глазах его двоился
И как раздваивался в нем.*

*Как грозно бедствовал поэт,
И как Грушницкий и Печорин,
Пот робок, этот непокорен,
Явились в лад на белый свет.*

Владимир Соколов

Интерес к произведениям Лермонтова в Японии

Ямадзи Асута

(Япония)

Переводы произведений Лермонтова на японском языке

Настоящие чтения говорят о том, что творчество М.Ю. Лермонтова волнует читателей и по сей день. А я рад засвидетельствовать тот факт, что интерес к его произведениям не ограничивается только Россией или русскоязычной аудиторией.

Так, в Японии первые переводы отдельных произведений Лермонтова были сделаны уже в конце девятнадцатого столетия. Некоторые могут удивиться: «Почему так поздно?» Но нельзя забывать о том, что до 1850-х годов Япония была закрытой страной, не поддерживающей практически никаких связей с внешним миром. После снятия запретов на контакты с иностранцами, особенно с началом эпохи Мэйдзи, интеллигенция Японии стала жадно интересоваться европейской культурой и быстро переводить европейскую литературу. По сравнению с переводами произведений английских, французских, немецких авторов, перевод работ с русского языка начался несколько позже. Но русская литература, тем не менее, пользовалась большой популярностью.

Здесь необходимо отметить, что с тех времён и до сих пор для японского читателя русская литература – это Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Последнего, правда, сейчас читают гораздо меньше. А вот Пушкин, Гоголь, Лермонтов – и по сей день как бы ответвление от основного течения.

Одна из причин сложившейся ситуации заключается в том, что Япония была лишена возможности воспринимать русскую литературу по мере её развития. После открытия страны произведения разных эпох воспринимались вперемежку. Более того, в основном, наибольшим спросом пользовалось то, что было актуально для Японии той эпохи. Японская литература в своём нынешнем виде зарождалась именно в эпоху Мэйдзи. Тогда роман и рассказ осмысливались как литературные жанры. И, прежде всего, интерес вызывали зарубежные писатели, которые работали в этом жанре, в Европе уже полностью сложившемся и оформившемся. Особенно привлекали внимание такие явления, как психологический роман, приёмы создания литературного стиля и т. д. Возможно, именно поэтому произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова были менее популярны. Ведь эти русские писатели стояли у истоков жанра, являлись его создателями. Их работы были в некотором смысле экспериментами, началом русского романа и рассказа.

Итак, как мы уже указали, для японского читателя Лермонтов не входит в число самых «узнаваемых» русских авторов. Тем более вызывает удивление количество переводов его произведений, сделанных в эпоху Мэйдзи. Кроме того, в среде японских русистов этот автор пользуется неизменным вниманием и интересом. Лермонтов оказал большое влияние на известного писателя Масамунэ Хакутё, а один из самых выдающихся писателей этой эпохи – Мори Огай – перевёл «Тамань» и «Фаталист» (правда, с немецкого перевода).

Объектом одного из первых поэтических переводов является «Казачья колыбельная песня».¹ В 1891 году Саганоя Омура напечатал его в журнале «Сёнэн эн». Интересно отметить, что поэтические системы

русского и японского языков очень сильно отличаются. И, тем не менее, переводчик смог довольно точно передать колыбельный напев стихотворения Лермонтова в совершенно естественной для японского языка манере.

Если рассматривать хронологию переводов произведений Лермонтова, бросается в глаза особое внимание к «Герою нашего времени». Этот роман переводили представители различных поколений, некоторые из них шлифовали переводы одних и тех же глав по нескольку раз. По нашим неполным сведениям, «Героя нашего времени» в общей сложности перевели 20 человек, это произведение выдержало 37 изданий, включая издания отдельных глав. Кроме того, зачастую различные авторы переводили одни и те же главы. Такие повторные переводы не только свидетельствуют о глубоком интересе к произведению, но и заставляют задуматься о некоторых особенностях мира японской литературы. Во-первых, прослеживается большое влияние проблем стиля. Для того, чтобы сделать текст более «читабельным», в эпоху Мэйдзи возникло движение по приближению высокого литературного стиля к повседневному разговорному языку. Позднее, после второй мировой войны, была проведена реформа по упрощению иероглифов. Во-вторых, нельзя забывать и о конкуренции издательств. В 1950-1960-х годах несколько издательств стали выпускать сборники произведений мировой литературы. Лермонтова в таких сборниках представляет в большинстве случаев «Герой нашего времени». Обычно его включают в один сборник с Пушкиным или Гоголем. В настоящее время бум на такие сборники прошёл, и сейчас, наоборот, переводят различные отдельные произведения. Иногда отдельные главы романа входят в состав собраний известных произведений русской литературы, как было в 1953 году с «Таманью». Бывает, что их публикуют в книгах для детей как короткие рассказы, а не как «Героя нашего времени». В 1968 году так была издана «Бэла». Кстати, в таких книгах для детей в 1951 был напечатан «Кавказский пленник», а в 1968 – «Ашик-Кериб».

Между прочим, если говорить о работах Лермонтова в целом, нужно остановиться на некоторых интересных фактах. Во-первых, среди немногих, переведённых в эпоху Мэйдзи произведений, «Ашик-Кериб» был переведён дважды. Можно допустить, что причина этого, как и причина перевода в ту же эпоху лишь отдельных глав «Героя нашего времени», заключается в том, что переводчики выбирали короткие и при том полностью законченные произведения. Ещё одно вероятное объяснение базируется на том, что второй переводчик «Ашик-Кериба» – Саганоя Омуро – изменил заглавие с «Ашик-Кериб: турецкая сказка» на «Восточная сказка». Возможно, он пытался передать представления России о востоке, о восточных странах. С 1905 года это произведение было переведено лишь один раз в 1968 году (для детской книги). В связи с этим поиск причин столь пристального внимания к данному произведению в эпоху Мэйдзи кажется достойной задачей для дальнейших исследований.

Издание «Бородина» – произведения о войне – 8 мая 1904 года может быть естественным продолжением интереса к военной тематике, вызванного Русско-Японской войной, которая разразилась в феврале того же года. Но хотя в «Кавказском пленнике» тоже присутствует война, мы не можем с уверенностью утверждать ту же причину в связи с опубликованием в феврале 1904 года перевода этого произведения.

По сравнению с «Героем нашего времени», пусть переведённым в виде отдельных глав, и с короткими произведениями вроде «Ашик-Кериб», (которого мы не относим к наиболее узнаваемым произведениям Лермонтова), другие, более известные, работы этого автора были переведены гораздо

позднее. «Демона» с 1933 года перевели 4 человека и издали 6 раз. «Мцыри» был впервые переведён в 1948 году, а затем последовало ещё 3 перевода для 5-ти изданий. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» впервые появилась в 1958 году и выдержала 3 издания. А «Маскарад» был опубликован лишь один раз, да и то уже в 1974 году.

Лермонтоведение в Японии

Интерес к произведениям Лермонтова был не только у читающей публики. Многие японские литературоведы уделяли большое внимание этому автору. Тут следует оговориться, что лермонтоведение в Японии развивалось не изолированно. Не только русская научная мысль, но и тенденции Европы и Америки оказывали на него заметное влияние.

Говоря о Лермонтове, у нас часто ссылаются на Кимуру Такаси и Идэ Кадзуко. Круг интересов Кимуры Такаси очень широк. Он включает в себя теорию перевода и литературоведение, частотный анализ произведений и ориентализм. Объектами анализа в работах этого учёного, в основном, являются произведения Лермонтова. В названиях его статей, например, фигурируют «Герой нашего времени», «Вадим», «Маскарад», «Спор», «Прощай, немытая Россия», «Кавказский пленник» и т. д.² Работы Кимуры Такаси характеризует критический подход к трудам предшественников, основанный на собственном анализе текста. Кто бы ни был его оппонентом – Эйхенбаум или Герштейн, Андроников или редактор «Сочинений в шести томах М.Ю. Лермонтова» – этот японский литературовед освещает сильные стороны их работ, а затем аргументированно критикует подлежащие критике позиции. И всегда предлагает своё решение рассматриваемой проблемы. Такой подход – очень стимулирующий пример научной деятельности. Каждая из его работ очень интересна, характеризуется отточенной логикой. У Кимуры Такаси есть и библиография литературы о Лермонтове. Японский литературовед, признавая влияние Ольги Валентиновны Миллер и ссылаясь на её работы, сделал системную подборку произведений.³ Некоторые из его работ написаны на русском языке.⁴

В противоположность статьям Кимуры Такаси, тексты Идэ Кадзуко отличаются некоторой лиричностью, дышат спокойствием. Она опирается не только на работы русских авторов (В. Белинского, Б. Эйхенбаума, Е. Михайловой, В.В. Виноградова, Б. Удодова, Н. Тмарченко и т. д.), но и на труды англоязычных учёных (R. A. Pease`a, Freeborn`a, J. Mersereau и других). Эта исследовательница аккуратно рисует целостную картину, используя широчайшую палитру литературоведческого наследия. Она очень логично и последовательно излагает свою точку зрения. Идэ Кадзуко начинала свою деятельность с Чернышевского, занималась Тургеневым. Однако наиболее волнующие и интересные свои работы она написала о Лермонтове. К сожалению, период её активного литературоведческого творчества был недолог – 1970-1980-е годы.

Мы смогли найти только 3 статьи о «Герое нашего времени» и по одной статье, посвящённой «Тамаре»⁵ и «Княгине Лиговской». В своей работе о Печорине литературовед попыталась пролить свет на противоречивую сущность нескольких «правд» в характере главного героя романа.⁶ Рассматривая «Фаталиста», она уделяет особое внимание раздумьям Печорина на ночной дороге.⁷ Рассматривая их в контексте всей литературной деятельности Лермонтова, Идэ Кадзуко размышляет о восприятии и преодолении судьбы героем и автором. В «Тамани» её привлекает реалистичность изображения романтической сущности Печорина.⁸ Для обоснования своей точки зрения автор статьи приводит

различные аргументы, вплоть до лингвистического анализа. Она цитирует множество наполненных лиризмом романтических элементов разных уровней и тщательно их рассматривает, привлекая литературоведческие работы других авторов. Таким образом, ей удалось всесторонне осветить красоту этой повести.

Наиболее ярко талант Идэ Кадзуко проявляется в статье ««Княгиня Лиговская» Лермонтова: анализ творческих приёмов».⁹ Опираясь на примеры, она в этой работе утверждает, что «Княгиня Лиговская» является предвестником светского психологического романа, пародирующим весь жанр светской повести. Литературовед подчёркивает, что, несмотря на свою незаконченность, роман очень ценен. Лично для меня в этой статье особенно интересно то, как Идэ Кадзуко анализирует манеру рассказчика вести повествование.

Произведения Лермонтова, интересующие исследователей, не всегда совпадают с теми, что привлекают широкий круг читателей. Так, например, литературоведы, помимо «Героя нашего времени», рассматривают и работы, известные лишь узкому кругу любителей русской литературы. Но и поиски красоты и её истоков в творчестве Лермонтова, предпринятые Идэ Кадзуко, и неприятие на веру общепризнанных мнений авторитетных авторов, характерное для Кимуры Такаси, вызваны огромным интересом японских учёных к Лермонтову.

О Лермонтове в Японии пишут не только те специалисты, которые посвятили свою карьеру этому русскому писателю. Так, например, исследовательница Татэока Куми занимается проблемами русского театра. Она недавно написала интересную статью «О метатеатральной структуре лермонтовского «Героя нашего времени»».¹⁰ В этой работе Татэока Куми опирается на теорию Лайонела Абела, который проанализировал отношения между героями «Гамлета» с точки зрения метатеатральности структуры произведения. Японский литературовед попыталась пересмотреть лермонтовский роман, сопоставив взаимоотношения между героями со взаимоотношениями между режиссёром и назначенными на роли актёрами.

В последние годы Лермонтов рассматривается с позиций ориентализма. Причём основной предмет интереса не в том, «виновно» или нет произведение в принадлежности к данному направлению. Главный вопрос в том, есть ли в рассматриваемом произведении элементы, преодолевающие ориентализм, и если есть, то какова причина их появления. Именно с этой точки зрения и обсуждались работы Лермонтова. Например, уже упоминавшийся нами Кимура Такаси проследил изменения ориенталистической лексики в трёх «Кавказских пленниках» – Пушкина, Лермонтова и Толстого. Он указывает на то, что у Лермонтова меньше подобных элементов, чем у Пушкина, поэтому можно вести речь о том, что в произведениях первого наличествуют зачатки преодоления ориентализма.¹¹

В русле того же направления Норимацу Кёхэй рассматривает представления о Кавказе в литературе 19-го века. В своих статьях о Толстом, Пушкине, Марлинском он часто упоминает Лермонтова.¹² Таким образом, Лермонтов и по сей день часто появляется в многочисленных исследованиях, посвящённых самым разным темам.

В заключение хотелось бы сказать, что в Японии трижды издавалась биография Михаила Юрьевича Лермонтова. В 1981 году её написал Окадзаки Тадахиро,¹³ а в 2004 году – Имаи Хироси.¹⁴ В 2003 году вышел перевод биографии Лермонтова, написанной Генри Троят`Ом.¹⁵ Во всех трёх биографиях отмечается особое внимание авторов к бунтарскому духу великого русского писателя и поэта.

Примечания:

1. Тут и далее переводы произведений Лермонтова указаны в Приложении.
2. Кимура Такаси. Циклическая структура «Героя нашего времени» : в частности, о месте Максима Максимыча в романе («ГЕНДАЙ НО ЭЙЮ» НО РЭНСАКА НО КОДЗО) // Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts, Vol.16, No.1 (1975), pp. 171-214 ;Тот же: Демонический характер Вадима (ВАДЗИМ НО АКУМАТЭКИ СЭЙКАКУ) // Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts, Vol.17, No.3 (1976), pp. 719-759 ; Тот же: Драма «Маскарад» I, II : поверхностный и глубинный слои авторского сюжета (ГИКЁКУ «КАМЭНБУТОКАЙ»), Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts, Vol.18, No.4(1978), pp.765-789. и Vol.19, No.1(1978), pp. 101-171 ; Тот же: Полемика о «Тамани» («ТАМАНИ» РОНСО) // Бюллетень Японской ассоциации русистов, №11 (1979), С. 1-14 ; Тот же: Возражение против общепризнанного мнения – исходного положения «Прощай, немытая Россия» (ТЭЙСЭЦУ НИ ТАЙСУРУ ИГИ) // Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts. Vol.22, No.3(1982), pp. 635-697 ; Тот же: Камень преткновения в балладе М. Ю. Лермонтова «Спор» (РЭРУМОНТОФУ НО БАРАДО «РОНСО» НО СОУТЭН) // Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts. Vol.27, No.3(1986), pp. 689-723 ; Тот же: Сравнение лексики в трех «Кавказских пленниках» по конкордансу: один из способов определения различий в «уровне ориентализма» у Пушкина, Лермонтова, Толстого («КАФУКАЗУ НО ХОРЁ» САНСАКУ НО КОНКОДАНСУ НИЁРУ ГОЙХИКАКУ) // Slavonic studies (СУРАВУГАКУ РОНСО): the journal of the Russian Department, Faculty of Letters, Hokkaido University, Vol.5(2), 2001, pp. 265-276.
3. Тот же: Системная библиография литературы на русском языке о М.Ю. Лермонтове (РЭРУМОНТОФУ КАНКЭЙ РУЙБЭЦУ РОБУН БУНКЭН МОКУРОКУ) // Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts. Vol.21, No.3(1980), pp. 563-813.
4. Тот же: Авторское «я» в романе «Герой нашего времени» // Chukyo University bulletin of the Faculty of Liberal Arts. Vol.21, No.1 (1980), pp. 133-155 ; Тот же: Грузинский вопрос в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» // Japanese Slavic and East European Studies, Vol.3, 1982. pp. 57-72 ; Тот же, Лермонтоведение и присоединение Грузии к России // Japanese Slavic and East European Studies, Vol.6, 1985. pp. 87-106.
5. Идэ Кадзуко. Баллада Лермонтова «Тамара». (РЭРУМОНТОФУ НО БАРАДО «ТАМАРА» // Slavic studies (СУРАВУ-КЭНКЮ), № 23, Саппоро, 1979. С. 53-85.
6. Та же: Противоречивые правды в Печорине. (ПЕЧОРИН НИОКЭРУ «МУДЖУНСИТА» СИНДЗИЦУ) // Slavic studies, № 20, Саппоро, 1975. С. 11-24.
7. Та же: Размышления Печорина на ночной дороге (ПЕЧОРИН-НО ЁМУТИ-НО МЭЙСО) //«РОСИЯ, СЭЙО, НИППОН». Асахи-сюппанся, 1976. С. 284-304.
8. Та же: Рассказ «Тамань»: ирония Лермонтова (ТАНПЭН «ТАМАНИ») // Slavic studies, № 21, Саппоро, 1976. С. 1-29.
9. Та же: «Княгиня Лиговская» Лермонтова: анализ творческих приёмов (РЭРУМОНТОФУ «РИГОФСКИЙ КОУСЯКУ ФУДЗИН» КОУ) // Slavic studies, №30, Саппоро, 1982. С. 1-32.
10. Татэока Куми. О метатеатральной структуре лермонтовского «Героя нашего времени» (РЭРУМОНТОФУ «ГЭНДАЙ НО ЭЙЮ» НИОКЭРУ МЭТАСИАТАТЭКИ КОДЗО) // Бюллетень Японской ассоциации русистов, №39, Токио, 2007. С. 100-107.
11. Кимура Такаси. Сравнение лексики в трех «Кавказских пленниках» по конкордансу. С. 265-276.

12. Норимацу Кёхэй. «Реальность» представления Кавказа в «Казаках» Толстого (ТОРУСТОЙ «КОСАККУ» НИОКЭРУ КАФУКАСУХЁСЁ НО «ГЭНДЗИЦУСЭЙ» // Slavic studies, №51, Саппоро, 2004. С. 295-320 ; Тот же: Пародия и реализм в «Путешествии в Арзрум» Пушкина («Азия» как текстовое пространство) (ПУШКИН «ЭРУЗРУМ КИКО» НИОКЭРУ ПОРОДИ ТО РИАРИДЗУМУ) // Бюллетень Японской ассоциации русистов, №36, Токио, 2004. С. 1-8 ; Тот же: Россия – неоднозначная империя? : читая «Аммалат–бек» Бестужева-Марлинского (РОСИЯ ВА «АИМАИ»НА ТЭЙКОКУ КА?)// «Кавказ: На стыке двух цивилизаций», Сайрю-ся, Токио, 2006. С. 283-310.

13. Окадзаки Тадахико. Жизнь и творчество Лермонтова. («ХЁДЭН РЭРУМОНТОФУ»). Токио: Ситигацу-до, 1981, 325 с.

14. Имаи Хироси. Лермонтов: след кометы. («РЭРУМОНТОФУ: СУЙСЭЙ-НО КИСЭКИ»). Токио: Гундзо-ся, 2004, 237 с.

15. Troyat, Henri. L'étrange destin de Lermontov. («РЭРУМОНТОФУ НО СУУКИНА УНМЭЙ»), (перевод Фукудзумы Макото). Токио: Синдокусёся, 2003, 348 с.

Приложение:

Переводы произведений Лермонтова на японском языке

1891 год, «Казачья колыбельная песня» перевод Саганоя Омуро (журнал «Сёнэн эн»)

1892, «Записки в источниках» («Княжна Мери») Коганэй Кимико («Сигарами зоси»)

1892, «Контрабандисты» («Тамань») Мори Огай («Сигарами зоси»)

1895, «Ашик-Кериб» Кагэ Такэко («Ура-нисики»)

1903, «Сонет» Касима Тэйгэцу («Синсэй»)

1903, «Двое суток на расположении» («Тамань») Юкико («Гундзикай»)

1904, «Кавказский пленник» Касима Тэйгэцу («Бунгэйкай»)

1904, «Бородино», Нобори Сёму, (газета «Ёмиури»)

1905, «Восточная сказка» («Ашик-Кериб»), Саганоя Омуро («Бунгэй круб»)

1905, «Фаталист», Курибаяси Косон («Синкобунрин»)

1906, «Портрет» (?)

1907, «Фаталист», Мори Огай (Мёдзё)

1920, «Герой нашего времени» Косака Ёсиюки (Эцудзандо)

1922, «Отрывок из едва начатого романа» (?) Кикиути Масаясу (Дзэнбунся)

1924, «Герой нашего времени», Накамура Хакүё (Кинсэйдо)

1925, «Тамань» Накамура Хакүё (Киндайся)

1928, «Герой нашего времени», Накамура Хакүё (Иванами)

1933, «Демон» «Стихотворения Лермонтова» Курахара Корэхито (Кайдзося)

1936, «Тамань» Ёнкава Масао (Кавадэ-сёбо)

1938, «Герой нашего времени» Умэда Кан (Кайдзося)

1939, «Стихотворения Лермонтова» Окудзава Бунро, Ниситани Ёсио (Хакусуйся)

1942, «Эпизод в пути» Суга Кансэй (Хакусёся)

1948, «Герой нашего времени» Накамура Хакүё (Иванами)

1948, «Герой нашего времени» Умэда Кан (Косэйся)

1948, «Мцыри» «Демон» Китагаки Нобуюки (Нихон-хёронся)

1948, «Мцыри» «Демон» Итидзё Масами (Асама-сёбо)

1948, «Вадим» Итидзё Масами (Якумо-сётэн)

1948, «Герой нашего времени» Накамура Хакүё (Сисакүся)

1949, «Герой нашего времени» Такахаси Сёхэй (Акацуки-сёбо)

1950, «Герой нашего времени» Китагаки Нобуюки (Нихон-хёронся)

1951, «Мцыри» «Демон» Итидзё Масами (Иванами)

1951, «Кавказский пленник» Канэко Юкихико // Всемирная литература – детям. (Коминэ-сётэн)

1951, «Княжна Мери» Накамура Хакүё (Хата-сётэн)

1952, «Стихотворения Лермонтова» Инада Садао (Согэнся)

1952, «Герой нашего времени» Сибата Рэндзабуро (Хобункан)

1953, «Контрабандисты» («Тамань») Мори Огай (Согэйся)

1953, «Тамань» Накаяма Сэйдзабуро (Кавадэ-сёбо)

1954, «Герой нашего времени» Итидзё Масами (Кадокава)

1957, «Герой нашего времени» Накамура Хакүё (Сюдося)

1958, «Герой нашего времени» Накамура Тору, «Песня про царя Ивана Васильевича ...» Дзиндзай Киёси (Кавадэ-сёбо)

1961, «Тамань» «Фаталист» Канэко Юкихико (Гакусэйся)

1962, «Герой нашего времени» «Демон» Китагаки Нобуюки, «Кавказский пленник» «Беглец» «Мцыри» Канэко Юкихико, «Песня про царя Ивана Васильевича ...» Итидзё Масами, «Стихотворения» Инада Садао, Одзава Масао, Белинский «Про Лермонтова» Иида Норикадзу (Тикума-сёбо)

1964, «Герой нашего времени» Накамура Хакүё (Хэйбонся)

1964, «Герой нашего времени» Накамура Тору (Гакусюкэнкюся)

1966, «Сборник стихотворений» Инада Садао, Дзиндзай Киёси, Итидзё Масами (Хэйбонся)

1968, «Девочка Бэла» («Бэла») Накамура Хакүё (Сёгакукан)

1968, «Ашик-Кериб» Дзиндзай Киёси (Кэнсю-сюппан)

1969, «Герой нашего времени» Китагаки Нобуюки (Коданся)

1969, «Стихотворения Лермонтова» Дзюгэ Такаси (Кавадэ-сёбосинся)

1969, «Сборник стихотворений» Кимура Хироси (Синтёся)

1971, «Герой нашего времени» Накамура Ёсикадзу (Тюо-коронся)

1973, «Герой нашего времени» Китагаки Нобуюки, Анненский «Юмор Лермонтова» Кавабата Каори (Тикума-сёбо)

1974-1976, «Герой нашего времени» «Панорама Москвы» «Маскарад» «Письма Лермонтова» Окабаяси Куми, «Стихотворения первой половины творчества Лермонтова» «Песня про царя Ивана Васильевича ...» «Тамбовская казначейша» «Беглец» Мурай Такаюки, «Стихотворения второй половины творчества Лермонтова» Оохаси Тиак, Кусака Сотокити, «Кавказский пленник» «Исповедь» «Хаджи Абрек» Кусака Сотокити, «Демон» «Мцыри» Икэда Кэнтаро, Оохаси Тиак (Коува-до)

1978, «Герой нашего времени» Накамура Тору (Гакусюкэнкюся)

1979, «Герой нашего времени» Кавабата Каори (Коданся)

1980, «Герой нашего времени» Эгава Таку (Сюэйся)
1981, «Герой нашего времени» Накамура Тору (Иванами)
1984, «Штосс» Мацухаси Каору (Тосё-канкоукай)
1991, «Герой нашего времени» Эгава Таку (Сюэйся)

От «русского Востока» к «Кавказу родному» (лермонтовский контекст)

Черноусова Инга Геннадьевна
(г. Армавир Краснодарского края)

Современный исследователь констатирует, что «к концу 20-х годов XIX века Кавказ в большей своей части юридически оказался российской территорией», собирательный образ которой «закреплялся в русском общественном сознании как «дикий Восток».¹ Однако проникновенно-глубокие раздумья и высказывания В.Г. Белинского о Кавказе как «русском Востоке», колыбели и родине «наших поэтических талантов, вдохновители и пестуне их музы»² позволяют совсем в другом ключе рассматривать историю формирования российских «образов Кавказа и горцев»,³ существенно пополняющих культурное поле многонациональной России как «примера положительной интеграции, позволяющей добиваться культурно-нравственного взаимообогащения людей».⁴

Общая актуальная дискуссия обострилась в последнее время привнесением в неё элементов острой полемики вокруг попыток навязать отечественному мировоззрению сомнительные ценности западнически-либеральных ценностей зарубежного «ориентализма».⁵

В этой связи весьма уместно предпринять соответствующий обзор в контексте лермонтовского осмысления специфики русско-кавказского срачивания в кризисной обстановке первой половины XIX века.⁶

Непревзойдённая роль пушкинского «Кавказского пленника» в становлении взглядов на Кавказ юного Лермонтова. В многоплановом поэтическом произведении впервые была показана не только всяческая экзотика прямой встречи «европейца» с далеко не дружественными черкесами в «пределах Азии», которые аттестуются, как «народ сей чуждый». Но именно он «привлекал всё внимание» героя, будил пристальную пытливість, непредвзятое стремление проникнуть в суть системы горской ментальности, отнюдь не заданно враждебно оценить её.⁷

Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту...
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой...

Из этих искренних строк, помноженных на богатые и яркие личные впечатления подросткового возраста, уже в начальном творчестве М.Ю. Лермонтова прочно угнездились образы душевно-умственного породнения с диковинным, заповедным краем:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я *путник не чужой!*
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

.....
Тебе, Кавказ, – суровый царь земли –
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой, – всегда и всюду твой!..

Апофеозом мотива являются исповедальные и бесконечно глубокие по смыслу строки – заклинание:

Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

До поры до времени благоговейное восхищение этим феноменом находило своё выражение в попытках осмысления его как воплощения азиатскости, Востока на конкретном рубеже российских пределов.

Однако в ходе двух последовательных ссылок, увенчавших судьбу поэта и мыслителя в 1837-1841 гг., возникли новые оценки, ассоциации, обобщения. Их выразительнейшие примеры и итоги воплотились в таких шедеврах художественного слова и оригинальной историософии М.Ю. Лермонтова, как «Герой нашего времени», «Мцыри», «Валерик (Я к вам пишу случайно, право...)», «Кавказец», «Спор», «Родина» и др. Именно они с недавнего времени находятся в фокусе особенно пристального, даже пристрастного, анализа и толкования лермонтоведов в контексте непрерывного нарастания объективных знаний и глубокого понимания многомерной и противоречивой кавказской действительности как самобытного (но уже органичного!) сегмента общероссийской панорамы с труднодостижимой, но вполне закономерной спецификой основополагающего формирования «российскости».⁸

Традиция эта питается лучшими образцами отечественной науки⁹ и постоянным пополнением источниковой, в том числе историко-культурной базы, существенно определяющей идейно-творческим наследием М.Ю. Лермонтова.

В качестве единственной здесь иллюстрации можно вспомнить стихотворение А. Котлова «Кавказ»,¹⁰ пронизанное лермонтовским видением местного бытия в роскошном и правдивом природно-этническом ландшафтном многообразии:

*Люблю тебя, воинственный Кавказ,
Простор твоих степей, твои леса и горы...
Люблю твоих равнин молчанье и простор,
Когда по ним чеченец едет важно
Или казак – гроза враждебных гор,*

Не торопя коня – поёт протяжно...

Кавказ родной, тебе я верен буду!

Я сердцем твой отныне навсегда...

Взлелеянная и выстраданная преданность, клятвенная приязненность к Российскому Кавказу является одним из величайших заветов жизни и интеллектуально-художественного наследия М.Ю. Лермонтова.

Примечания:

1. Саблин, Д.В. В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIX в. // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 54-59.
2. Белинский, В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти томах. М., 1974. Т.IV. С. 543-544.
3. См., например: Виноградов, В.Б. Из плена односторонности и иллюзий относительно российских «образов Кавказа и горцев» // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 9. Пятигорск, 2008. С. 196-204; Захаров, В.А. Образы Кавказа и русское общественно-политическое сознание XVIII-XX вв. в исследованиях В.Б. Виноградова // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы Межрегиональной научной конференции: (к 70-летию В.Б. Виноградова). Армавир, 2008. С. 16-22.
4. Клычникова, М.В., Клычников, Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг.). Пятигорск, 2006. С. 6-7.
5. Виноградов, В.Б., Черноусова, И.Г. М.Ю.Лермонтов: «Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ»: (фарс «ориенталистских клише») // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Вып. 11: (материалы научно-педагогического семинара). М.: Армавир, 2008. С. 33-37. Кроме того, например: Захаров, В.А. Лермонтов и Кавказ – рождение темы // Кавказ в российской политике: история и современность: материалы международной научной конференции. Москва: МГИМО (У) МИД России, 16-17 мая 2006 г. М., 2007. С. 99 – 114.
6. Дударев, С.Л. К итогам Круглого стола «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе». (Ростов-на-Дону, апрель, 2007 г.) // Материалы Межрегиональной научной конференции..., С. 87-88.
7. Виноградов, В.Б. Пушкинская Кубань: (историко-литературоведческие этюды). Армавир, 1999.
8. Захаров, В.А. Проблемы современного лермонтоведения // Его отчизна в небесах: материалы шестых Лермонтовских чтений. Ярославль, 2007. С. 20-33 ; Виноградов, В.Б., Черноусова, И.Г. Из эпизодов «лермонтовского Кавказа» М.: Армавир, 2007 ; Черноусова, И.Г. «Спор» о судьбе Кавказа // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: материалы 10-й всероссийской научно-практической конференции. М.: Армавир, 2007. С. 112 ; Виноградов, В.Б., Люфт, Е.Г. Этюды о А.А. Бестужева-Марлинском на Кавказе. М.: Армавир, 2008 ; Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления: (материалы региональной научно-практической конференции). Краснодар, 2008 ; и др.
9. Они представлены в составе фундаментального продолжающегося с 1980 г. издания «Литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: библиогр. указ.» – драгоценного детища О.В. Миллер.
10. Опубликовано впервые в тифлисской газете «Кавказ» (№37. 13 мая 1850 года).

*А.А. Бестужев-Марлинский и М.Ю. Лермонтов:
потребность переоценки соотнесённости
(проблемно-библиографический этюд)*

Виноградов Виталий Борисович,

Люфт Елена Гейнриховна

(г. Армавир Краснодарского края)

Более полутора веков длится сравнение судьбы и творчества прославленных «певцов Кавказа», редко вырываясь из тенет крайностей и противопоставлений.¹ Традиционным полем оценок является «переходная эпоха» русской прозы от романтизма к реализму с позиций утверждения жёсткой несовместимости этих идейно-художественных методов.²

Воздавая должное заслугам отечественного литературоведения, следует, тем не менее, считаться с остро назревшей необходимостью возможно более полного использования исторической составляющей для исследования обозначенной проблемы. Актуальность данного подхода особенно возросла в связи с юбилейными обстоятельствами последнего времени, отразившимися в 210-лети со дня рождения и 170-летию гибели А.А. Бестужева (Марлинского) и вековой датой выдающегося лермонтоведа И.Л. Андроникова.³

Именно эта парадигма присуща многолетней деятельности нашего грозненско-армавирского кавказоведческого коллектива, в котором обширный круг литературных произведений XIX века «рассматривается на широком культурном фоне, в историческом и этнографическом контексте», что «весьма плодотворно и приводит порой к неожиданным результатам».⁴

Ведущий современный специалист, касаясь конкретной проблематики, подчёркивает исключительное место А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского в разработке кавказской темы для российского читателя.⁵ И эта литературная «триада» отнюдь не случайна!

В итоговом материале о 7-х «Кожиновских чтениях», только что состоявшихся в г. Армави́ре, акцентируются «наши русские кавказцы – Лермонтов и Пушкин, Лев Толстой и Бестужев-Марлинский».⁶ Всё чаще из векового прошлого привлекается основополагающий и целеформирующий труд, поставивший на повестку дня вопрос о непосредственной преемственности творчества и мировоззрения столь разных на первый взгляд художников слова.⁷

Вполне улавливаемая, по нашему мнению, корректировка прежних, настойчиво дистанцирующихся друг от друга, позиций представляется весьма многозначительной. Особенно в увязке с активно разрабатываемой на рубеже XX-XXI вв. историко-культурной концепцией «русскости» как генерального проявления структурообразующей интеграции, осязаемого единства России и Кавказа.⁸

Новаторский и плодотворный подход к реконструируемому процессу складывания, строительства собственно Российского Кавказа,⁹ т. е. глубоко и всесторонне мотивированной солидаризации многих поколений разноязыких, полиэтнических соотечественников,¹⁰ уже плотно вывел историко-литературоведческий аспект в тематике нашей кавказоведческой Школы¹¹ на стезю уверенного осознания Лермонтова и Бестужева-Марлинского как ярчайшего олицетворения кавказской «русскости» – движителя многофункционального прогресса на южных пределах общего государства.¹²

Оставляя пока в стороне всё другое, подчеркнём: само время, как и жизненный антураж кавказских биографий и творчества двух литературных гениев не просто соприкасаются, но и сущностно близки, даже совпадают. Их художественный метод при достаточно видимом несхождении объективно имеет много общего в стремлении дать истинную картину в русле глубокого понимания реальной действительности, что подразумевает, между прочим, «помимо правдивости деталей, правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах» (Ф.Энгельс).

Пытаясь обосновать и применить такие критерии к оценке бьющей в глаза историко-творческой соотнесённости обоих радетелей сложившегося и перспективно (хотя и противоречиво!) развивающегося русско-кавказского единства, следует опираться на мобилизацию бесчисленных примеров того идейно-художественного «совместничества», которое, в частности, в условиях регионального кризиса середины XIX века¹³ подразумевало широчайшую гамму смыслов и оттенков,¹⁴ далеко ещё не учитываемую в диалектическом контексте завершающей эпохи обретения и обживания органической части Российской империи в лице Кавказа.¹⁵

Назревшее уяснение этого феномена видится нам первоочередной задачей историко-литературоведческого анализа наследия А.А. Бестужева-Марлинского и М.Ю. Лермонтова под углом зрения естественной перебалансировки привычных взглядов и интерпретаций.

Примечания:

1. Опорную библиографию см. в статье В.Э. Вацура // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981 (1989). С. 57-58.
2. См. об этом, например: Виноградов, Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н.Толстого. Чечено-Ингушское кн. изд-во. 1959. С.7-16 ; Он же: Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. Грозный, 1966. С. 126-181. Из новейших публикаций см.: Саблин, Д.В. В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIXв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. Москва, 2006.
3. Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления: материалы региональной научно-практической конференции (14 декабря 2007 года). Краснодар, 2008 ; Виноградов, В.Б., Люфт, Е.Г. Этюды о А.А. Бестужева-Марлинском на Кавказе. Москва: Армавир, 2008 ; Виноградов, В.Б., Черноусова, И.Г. Феномен Ираклия Луарсабовича Андроникова: (к 100-летию со дня рождения). Москва: Армавир, 2008.
4. Белецкая, Е.М. «Приязни добрые плоды...» // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические выводы: (к 70-летию В.Б.Виноградова): материалы Межрегиональной научной конференции. Армавир, 2008. С.12-15.
5. Захаров, В.А. Образы Кавказа и русское общественно-политическое сознание в XVIII-XX вв. в исследованиях В.Б. Виноградова // Там же. С.16-22.
6. Завтра [Газета]. 2008. № 23 (759). (июнь).
7. Семёнов, Л. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филологические записки. 1914. № 5-6. С. 604-619.
8. Обзоры библиографии и коренного содержания см., например: Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. Армавир, 1994 ; «Российскость» в истории Северного Кавказа //

Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. Армавир, 2002 ; Великая, Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д., 2007.

9. Виноградов, В.Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. Армавир. 2003 ; Манылов, Ю.П., Серова, М.И. Принцип «российскости» в системе кавказоведения // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 9. Пятигорск, 2008. С. 204-208.

10. Матвеев, В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. Ростов н/Д., 2006.

11. Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов: (штрихи к профессиональному портрету). Москва: Армавир, 2006 ; Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы. Армавир, 2002 ; Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: к 15-летию деятельности на Кубани. Москва: Армавир, 2007 ; и др.

12. Виноградов, В.Б. М.Ю.Лермонтов в контексте «российскости» // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск. 2005. № 1(5) ; Виноградов, В.Б., Черноусова, И.Г. Бестужев-Марлинский и Лермонтов как выразители кавказской «российскости» // Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского)... Краснодар, 2008. Библиогр.

13. Виноградов, В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения. Москва: Армавир, 2007. С.6 и сл.

14. См.: «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля», чьё первое издание вышло в свет в 1863-1866 гг.

15. Муханов, В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. Москва, 2007. Библиогр.

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Родина»: ещё один опыт прочтения

Шихваргер Ирина Хоновна

(г. Ярославль)

В настоящей поэзии, в её сути, всегда живёт невыразимая до конца тайна. Иногда в самом, казалось бы, ясном по смыслу стихотворении она, эта тайна, мелькнёт вдруг загадочной строкой и уйдёт в глубину, оставив читателя наедине с его волнением и раздумьями. Так происходит со мной каждый раз, когда я читаю или вспоминаю всем известное, хрестоматийное стихотворение Лермонтова «Родина».

Загадка начинает волновать меня с первых же строк:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

И вот эта загадочная строчка:

«...полный гордого доверия покой».

Гордое доверие – что это такое? Ведь гордость и доверие по сути своей противоположны. Доверие предполагает открытость миру, безбоязненное его приятие. А гордость – это всегда большая или меньшая отъединённость, автономность личности (или страны). Доверие – это как бы открытые миру ладони. Гордость – кольцо рук человека, обхватившего себя за плечи: кольцо, ограждающее и отстраняющее его от внешнего мира. Так что же это за покой, «полный гордого доверия»?

Читаем дальше:

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...

А разве эти огромные леса, реки и особенно «холодное молчанье» степей не полны в стихотворении того всеобъемлющего, величавого покоя, о котором, как кажется, и говорится в предшествующей, загадочной строчке? Так почему же Лермонтов разводит их в разные стороны?

Думаю, дело в том, что строка о покое идёт сразу после строки о славе, добытой кровью. «Полный гордого доверия покой» рождён тем, что тоже добыто кровью: силой и мощью державы Российской. Это то самое ощущение державности, к которому очень многие сейчас стремятся, как к потерянному раю. Державное мироощущение, конечно же, гордое – оно и не может быть иным. А доверие? Оно тоже возникает из ощущения силы и мощи державы. Эти сила и мощь так надёжно и прочно защищают от внешнего мира, что он, этот мир, не таит больше опасности для отчизны. Этому миру можно безбоязненно доверять – но доверять с величественной высоты своей мощи. Да, это, безусловно, **гордое доверие**, рождающее незыблемый **покой**. И это прекрасно – вот только Лермонтов этого не приемлет... «Не шевелят во мне отрадного мечтанья», – пишет он и об этой державной незыблемости, и о кровавой цене воинской славы (уж он-то, боевой офицер, доподлинно эту цену знал), и даже о дорогих нашему сердцу заветных преданиях «тёмной старины» – кто знает, может быть, потому и тёмной, что в её глубине не всегда бывает различима грань между добром и злом...

На этом загадки стихотворения «Родина» для читателя не заканчиваются. В беловом автографе этого произведения, созданного, как известно, в 1841 году, стихотворение названо «Отчизна». А при первой публикации («Отечественные записки», 1841 год, №4) стихотворение получило название, какое носит и поныне – «Родина». Почему? Это изменение названия заслуживает внимания. Прежде всего, по той причине, что оно, видимо, сделано самим Лермонтовым (или с его согласия), поскольку стихотворение было напечатано в то время, когда поэт имел возможность общаться с редакцией журнала, находясь в Петербурге: это был краткий период последнего года жизни Лермонтова, когда его отпустили из кавказской армии для свидания с родными.

Название произведения – как имя ребёнка: тут всё важно. Казалось бы, слова «отчизна» и «родина» – почти синонимы. Но воспринимаются они по-разному. Слово «отчизна» несёт в себе отцовское, мужское, героическое начало. «Родина» – материнское, связанное с рождением. За отчизну – сражаются. Родину – просто любят («за что, не знаю сам», – признаётся Лермонтов). Отчизна – понятие социальное. Родина – скорее, природное. «Люблю отчизну я, но странною любовью!» – восклицает Лермонтов в самом начале, и в этой строчке явно слышится то ли самоирония, то ли полемика с принятыми взглядами. И больше слово «отчизна» в стихотворении не возникает, а суть произведения, обозначенная названием,

выражена словом «родина». Значит, Лермонтов, мужественный, храбрый человек, знавший толк в сражениях и героизме, в родной своей земле любил, прежде всего, начало материнское. Но не тёплое и ласковое – совсем другое...

Первая же строчка, говорящая о подлинной любви поэта к родине: «Её степей холодное молчанье»... Что-то изначальное, как будто первым человеком на Земле воспринятое, чувствуется в этом великом и таинственном, холодном молчании непостижимой природы... Такое восприятие родины возникает у Лермонтова ещё в раннем, юношеском стихотворении 1831 года:

Прекрасны вы, поля земли родной,
Ещё прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми её народы!..

Материнское начало, рождающее всё и вся, связано с ощущением изначальности...

В стихотворении «Родина» это чувство изначальности выражено ещё и тем, что самый первый взгляд поэта на родную землю охватывает её сразу всю, целиком:

Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям.

Лермонтов смотрит на свою родину как будто бы с очень высокой – даже высочайшей – точки: может быть, из космоса – вечной, изначальной Вселенной...

Потом взор приближается к Земле – и вот поэт уже на российской деревенской дороге. Но душа, вернувшаяся с такой высоты, не решается сразу увидеть родную землю при обычном дневном свете – и строки идут «ночные»:

Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Начальные строчки здесь, с их вздохами о ночлеге, только на первый взгляд кажутся бытовыми. На самом деле, они готовят сердце поэта к проникновению в самую суть тончайшей и неизбывной русской печали: «Дрожащие огни печальных деревень»...

И только после такого проникновения поэту дано увидеть родину при свете дня. Душа хранит открывшуюся ей тихую нежность, и поэт, оставаясь странником, смотрит вокруг ясным, благословляющим взглядом:

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.

Движение странника замедляется, он всматривается пристально в обыденную жизнь, в её детали и приметы. Взгляд его прост, спокоен и глубоко человечесен:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно.

Он уже совсем сроднился с землёй, с русской деревней – этот странник, так недавно ещё видевший свою родину из звёздных далей. Да и не странник он уже вовсе – остановился, полюбив жизнь такой, какая она есть:

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Только вот мягко-ироничный оттенок последнего слова: «мужичков» (а не мужиков) говорит о некоей отстранённости: как будто лёгкая, едва заметная печальная улыбка тронула уголки губ... Душа поэта, полная любви и грусти, осталась страннической.

Это путешествие души, которое, благодаря поэту и мы можем совершить, зрительно передано в стихотворении «Родина» движением взгляда: от самой высокой точки, когда мы видим всю огромную панораму России, – затем всё ближе и ближе, с постепенным укрупнением деталей – до абсолютной конкретности росистого вечера и грубоватого деревенского праздника. Что это напоминает? Ну, конечно же, кино! Задолго до его появления Лермонтов обладал способностью мыслить кинематографически. Недаром Анна Ахматова, пусть и не это имея в виду, свой очерк о Лермонтове назвала: «Всё было подвластно ему». Действительно, всё!

А нам досталось счастье читать Лермонтова – внимательно и с любовью. Как сказал уже в наше время прекрасный поэт Юрий Левитанский:

Всего и надо, что вчитаться, – боже мой,
всего и дела, что помедлить над строкою –
не пролистнуть нетерпеливою рукою,
а задержаться, прочитать и перечесть.

М.Ю. Лермонтов на страницах журнала «Сура»

Харчева Инна Юрьевна
(г. Пенза)

*Ветры, годы, забвение – мимо!
Не уходит из жизни поэт.
Так он страстно мечтал
Быть любимым,
И любовью наполнился свет!*

Л.И. Яшина

*Поэта грудь – что сына Бога грудь:
Копьё иль пуля жизнь не остановит.
Окончил путь земной, и снова в путь
К неясной, дольней и прекрасной нови.*

Б.В. Шигин. Письмо Лермонтову

Более ста лет работает для своих дорогих читателей Государственное бюджетное учреждение культуры «Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова». За эти годы она стала центром культуры Пензенской области, направив свою разностороннюю деятельность на воспитание образованной, высоконравственной и высококультурной личности.

Достижению этой цели служит журнал современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура», влившийся в структуру библиотеки в 2003 году.

Этот замечательный и в своём роде уникальный журнал впервые вышел в свет в октябре 1991 года.

На страницах журнала печатаются художественные произведения профессионалов и начинающих авторов, литературно-краеведческие исследования, статьи о пензенских художниках, архитекторах, скульпторах; в последнее время приобретают популярность журнальные рубрики, посвященные детскому творчеству.

Ныне «Сура», безусловно, является изданием, консолидирующим литературные силы области. Журнал по праву считается «визитной карточкой» культурной жизни Пензы и Пензенской области.

Пенза является благодатным литературным и культурным краем: она дала миру великие имена, чьё творчество стало эталоном высокого искусства. Радищев, Белинский, Лермонтов, Мейерхольд – при упоминании этих имён каждому ясно, о ком идёт речь.

Жизнь и творческое наследие великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова продолжают волновать современных литераторов, научных деятелей, краеведов. Не иссякает интерес к личности и гению Лермонтова у его земляков-пензенцев. Этот интерес щедро выливается в замечательные стихи и прозу, глубокомысленные научные исследования и другие литературоведческие работы, которые находят своё отражение на страницах журнала «Сура».

Великому Лермонтову посвящают свои работы известные пензенские краеведы, чьи имена являются авторитетными в литературоведении и в лермонтоведении в частности.

В журнале постоянной стала рубрика «Под Лермонтовской звездой»; по традиции каждый третий номер приурочен к празднованию Лермонтовского дня поэзии в Тарханах и полностью посвящается поэту.

Рамки доклада, к сожалению, не позволяют обратить внимание на все достойные работы, и мы вынуждены ограничиться представлением лишь некоторых из них, вернее, той части, которая, на наш взгляд, вызывает особый интерес в силу оригинальности затронутой тематики, раскрытия содержания, уникальности и значимости для современного лермонтоведения.

Работы о Лермонтове отличает разнообразие тематики и жанровых форм. Как известно, в с. Лермонтово Белинского района Пензенской области расположен Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», место, где прошли детство и юность поэта. В связи с этим в журнале постоянно публикуются статьи, рассказывающие об истории и жизнедеятельности музея, о научных изысканиях его сотрудников.

Тему важности музееведения и создания необходимых условий для сохранения всего, что связано с жизнью и творчеством великого Лермонтова, развивает известный пензенский журналист, культуролог, краевед Н.М. Инюшкин в статье «Музей – пространство диалога». Автор рассматривает музей как средство общения читателя с любимым художником. Это общение обеспечивают правильно поставленная деятельность работников музея и достойное финансирование.

Зачем этот диалог? Автор исследования на этот вопрос отвечает следующим образом: «Преодолев границы своего времени, наследие поэта раскрывается в последующих эпохах, помогая понять не только недопонятое современниками, но и духовно необходимое именно все новым поколениям потомков. «Большое видится на расстоянии», и спустя многие годы Лермонтов остается как духовной опорой для вновь осваивающих меняющийся мир, так и манящей тайной, смысловые глубины которой еще предстоит открыть, и которые откроются по мере соответствия потребностям эпохи».

В другой статье «Тарханские годы отца» автор Н.П. Вырыпаев делится воспоминаниями о музее середины XX века, рассказывает о судьбе Тархан в контексте судьбы своего отца Петра Андреевича Вырыпаева, сначала просто сотрудника, а с 1954 по 1966 год и директора музея-заповедника «Тарханы».

Сценический диалог

(Отец сидит за столом, пишет, произнося фразы вслух;

сын стоит поодаль, рассказывая о своем отце)

Сын: Отец вспоминает о том, как и чем жил музей в самом начале своего существования, в каких условиях ему приходилось «директорствовать».

Отец: «Музей, организованный незадолго до начала войны, первоначально не был самостоятельной организацией, и первый его директор Александр Иванович Храмов так и именовался – директор домов-музеев Лермонтова в Тарханах и Белинского в Чембаре. Краткость времени до начала Великой Отечественной войны не дала этим музеям встать на ноги. (...) Короткая, но бурная жизнь Лермонтова рассеяла его следы по городам и весям, а нежелание отдельных музеев поступиться известными раритетами для новорожденного музея в пензенской глуши создавало большие трудности. (...) Вскоре после начала войны музей Лермонтова вообще хотели закрыть, законсервировать до ее окончания. К счастью, этот режим, предложенный чиновниками, удалось преодолеть».

Сын: С того момента, как директором музея становится мой отец, начинается качественно новый этап в жизни Тархан: было построено новое административное здание, была расширена экспозиция музея (в нее включили домовую церковь Марии Египетской), привезена была новая мебель и мн. др.

Отец пишет обо всех, кто помогал музею в это сложное время.

Отец: «Ну, вот начал я рассказ о себе, «а собрал целый сонм людей, так или иначе причастных к событиям того времени. Многих нет уже в живых, и, вспоминая их добрые дела, призовем нашу благодарную память. Подобно свету погасших звезд свет их добрых дел и имен светит нам и согревает душу».

Невероятными усилиями целых поколений музей Лермонтова был выведен на орбиту первоклассных музеев страны.

И, я уверен, теперь славы этой не уронит!»

Частым гостем страниц журнала является Т.М. Мельникова, литературовед, музеевед, директор музея-заповедника «Тарханы» в настоящее время.

Читатели журнала из первоисточника узнают о новинках музея, уникальных экспонатах, исследованиях музейных работников. Так, в 2006 году была проведена реконструкция церкви Марии Египетской – памятника архитектуры, находящегося на территории барской усадьбы. Об этом первыми узнали читатели журнала из статьи научного консультанта музея Л.В. Полукаровой «Но чувство есть у нас святое...».

В последние годы увеличилось число работ, представляющих на суд читателей новое прочтение художественных произведений Лермонтова, а значит, новое понимание личности, внутреннего мира поэта.

Например, в статье Г.Е. Горланова, литературоведа, краеведа, поэта, которая носит название «Мой дух бессмертен силой...», рассматривается проблема мистики в творчестве М.Ю. Лермонтова. С этой целью автор обращается к анализу мистицизма, фатализма, присущих характеру великого поэта.

Горланов проводит мысль о том, что Лермонтов – это загадка, тайна, которую мы только вот-вот начали постигать.

Загадочен облик поэта. Если обратиться к воспоминаниям современников, то мы не найдем среди них однозначного описания его внешности. «Одних поражали большие глаза поэта, другие запоминали выразительное лицо с необыкновенно быстрыми маленькими глазами. (...) Ивану Сергеевичу Тургеневу они кажутся большими и неподвижными: «Задумчивой презрительностью и страстностью веяло от его смуглого лица, от его больших неподвижно-темных глаз». Но один из юных почитателей Лермонтова, которому посчастливилось познакомиться с поэтом в последний год его жизни, был поражен: «То были скорее длинные щели, а не глаза, – пишет он, – и щели, полные злости и ума».

Внешность, как нам известно, есть отражение внутреннего мира, души человека. Внутренний мир поэта был не менее загадочен и противоречив, чем его внешний облик.

Пытаясь разобраться в духовных исканиях поэта, Геннадий Елизарович обращается к его стихам и отмечает, что слово «душа» – одно из наиболее часто употребляемых им слов, как в поэзии, так и в прозе. Почему? Автор статьи отвечает на этот вопрос так: «Как известно, поэты острее, чем кто-либо, ощущают себя связанными с загадками космоса: одним они нашептывают некие строки, подсказывают сюжеты и ритмы, другим – советуют выбрать темы, третьим предлагают принять те или иные решения... Интуиция развивается нередко до такой степени, что они могут предсказывать судьбы близких людей и свои. Лермонтов в этой связи – гений особенного рода. Слово «душа»... употребляется им не как поэтический прием, ..., а как жизненный факт, свидетелем которого он был сам».

То есть, Лермонтов чувствовал свое назначение в том, чтобы раскрыть человечеству смысл души, ее назначение. Душой мы говорим с Богом, она способна постичь неземное, святое, только надо почаще прислушиваться к ней, как это делал сам поэт.

Лермонтов – великий мистик, созерцатель «обеих бездн». Он обладал даром предвидения. Он предчувствовал свой жребий:

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод...

М.Ю. Лермонтов. 1831-го июня 11 дня.

Я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшийся с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

М.Ю. Лермонтов. Я видел тень блаженства; но вполне...

Геннадий Елизарович делает попытку раскрыть причины «дара ясновидения» и мистицизма поэта и пишет: «Раз предузнавший свой жребий или картинно придумавший силой своего воображения, он сам поверил в его существование и постоянно утверждался в своей исключительности. Мощь его духовной энергетики была настолько сильной, что стала, по крайней мере, для него, истиной. Если эту истину повторять в стихах много раз, постоянно думать о ней, то озвученная мысль может трансформироваться в материальную силу».

Забегая вперёд, добавим, что перу Г.Е. Горланова принадлежит полемическая повесть, в которой он выдвигает версию о преднамеренном убийстве Лермонтова. Геннадий Елизарович приводит убедительные аргументы, доказывая, что дуэль с Мартыновым была лишь предлогом и удобным моментом для убийства поэта.

Большое влияние оказало творчество Лермонтова на поэтов, пришедших в русскую литературу после него. Связь, преемственность, созвучие стихотворного творчества Лермонтова с поэзией XX века стали темой изучения для многих лермонтоведов, в том числе и пензенских.

Так, поэт и литературовед М.Е. Вишняков в исследовании «Самовластья парус одинокий» проводит параллели между Лермонтовым и Тютчевым. Автор утверждает родственность душ двух, казалось бы, разных поэтов. Общее между ними – это скептицизм, с которым они относились к жизни.

Как известно, Лермонтова разочаровывала окружающая его действительность – он не верил в высокие порывы своего поколения. «Лермонтов прямо резал секирой рассудка по живой душе:

А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, –
Такая пустая и глупая шутка...»

Так же поступил Тютчев, осудивший, вернее, не поверивший в высокий порыв участников восстания 1825 года и отразивший свои чувства в стихотворении «Вас развратило Самовластье». Поэт обвинил декабристов в самовластии и безрассудстве.

«Лермонтов в жизни Гумилёва» – так названы воспоминания Ирины Одоевцевой. Николай Степанович преклонялся перед Лермонтовым как поэтом и чувствовал неразрывную связь с ним как личностью. Гумилёв обладал той же способностью предугадывать свою судьбу, «чувством рока». Миропонимания поэтов тесно соприкасались и дополняли друг друга.

Проблеме развития лермонтовских традиций посвящена статья поэта, есениноведа В.А. Сухова «Образ паруса в творчестве М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина». Особенность исследования заключается в том, что автор обращается к малоизученной теме – теме сходства и различия образных систем поэтов.

Пензенские лермонтоведы и сегодня, по прошествии двух столетий, продолжают открывать неизвестные или исследовать малоизвестные, и оттого малоизученные, факты о жизни поэта, его

окружении, сведения об эпохе, в которую он жил.

Статья Н.М. Инюшкина «Любезный Святослав...» прослеживает этапы дружбы М.Ю. Лермонтова с общественным деятелем С.А. Раевским. Знакомство завязалось еще в Тарханах. Своё развитие оно получило в Петербурге, в годы пребывания поэта в юнкерской школе. Раевский «открыл дверь в мир, который младоофицерскому окружению Лермонтова был и неизвестен, и чужд. В большой степени с помощью Святослава Афанасьевича в досуге корнета лейб-гвардии гусарского полка помимо светских контактов появились ещё и литературные. (...) Святослав Афанасьевич с удовольствием сообщал Лермонтову о важнейших литературных новостях и проектах».

Рассказывая о дружбе Лермонтова и Раевского, автор обращает внимание не на фактически известные, а на психологические детали, которые несут письма. Из них мы узнаём, насколько высоко Михаил Юрьевич ценил дружбу Святослава Афанасьевича и как корил себя за то, что невольно стал причиной ссылки любимого друга в Олонецкую губернию.

Многое в Пензе и Пензенской области служит напоминанием о Лермонтове. Благодарные потомки увековечили память о великом земляке. Именем Лермонтова названы улицы, скверы. Город украшают и облагораживают памятники поэту.

В статье «...Внёс вклад в отечественное искусство»: к 145-летию скульптора И.Я. Гинцбурга» отражена история создания и открытия в нашем городе памятника М.Ю. Лермонтову в конце XIX века в сквере, носящем его имя.

Этот бронзовый бюст был создан известным художником И.Я. Гинцбургом. «Илья Яковлевич изобразил автора «Демона» и «Мцыри» в мундире Тенгинского пехотного полка, установив памятник на четырёхугольный гранитный пьедестал».

Поставить на главной площади города памятник поэту вознамерился кружок почитателей М.Ю. Лермонтова. Эту задачу предполагалось решить главным образом на средства, собираемые по подписке.

Почитатели поэта хотели поставить бюст ко дню рождения М.Ю. Лермонтова, 2 октября 1891 года, но к этому дню не была собрана должная сумма, не были готовы необходимые документы.

Памятник был открыт лишь 17 мая 1892 года, после того, как 15 мая в городе была основана усилиями того же общества почитателей Лермонтова общественная библиотека его имени. Интерес к этому событию был велик – на открытии присутствовало много народу.

Вот что было напечатано на страницах «Ведомостей»: «С каким восторгом был встречен учащимся юношеством памятник Лермонтову! Та часть сквера, где поставлен бюст, сделалась излюбленным местом прогулки молодёжи, точно там поселилось что-то родное, любимое... Обращали ли вы внимание на толпу, собравшуюся на открытие памятника? Что это за толпа! Какие все славные, оживлённые, необыкновенно интеллигентные лица! Мы видели все лица и раньше, но почти не узнаём их теперь: так красит их этот подъём духа; а молодёжь, дети? Разве не оставляют эти торжественные дни светлых пятен в их будничной жизни, разве не остаётся воспоминание об этих великих моментах навсегда согревшим и подбадривающим лучом в их сердцах?»

Наверное, в Пензенском крае не найдётся ни одного поэта и писателя, которого бы не волновали гениальная личность и судьба М.Ю. Лермонтова. Так появляются художественные произведения: стихи, повести, рассказы, романы, – посвящённые поэту.

Известные пензенские поэты Л.И. Яшина, Б.В. Шигин, Л.И. Терёхина, В.А. Сухов, Г.Е. Горланов и др. воссоздали в своих стихах неповторимый образ Тархан, раскрыли читателю своё понимание Лермонтова.

Сомлевших лип на землю каплет мёд,
пью воздух горьковатого настоя.
А в небесах, расплавленных от зноя,
единственное облачко плывёт.
Как парус – всем послушное ветрам,
которые судьбой его играют.
Куда плывёт, откуда – знать не знает –
все небеса ему и дом, и храм.
Как дымка жизни, отряхнувши прах
остывшего земного пепелища,
в высотах горних счастья ли ищет,
приюта ли в неведомых мирах?
А может быть, оно – всего лишь тень
души давно убитого поэта,
отпущенная в твердь на этот день?
Тарханский парк. Июль. Макушка лета.

Л.И. Терёхина. В Тарханском парке.

Особо хотелось бы отметить рассказ Б.В. Шигина, главного редактора журнала «Сура», «День дарения». Писатель пытается по-своему решить проблему загадочности и внешнего облика, и внутреннего мира поэта.

День дарения для героя рассказа – это день, когда к нему приходит понимание того, каким же был Лермонтов на самом деле; это день откровения и познания истинного «Я» поэта. Герой намерен создать фотографию поэта, соединив в нём все портреты, написанные с него, воедино: «Очень важно, чтобы мы увидели настоящие глаза Лермонтова. Возможно, в этих глазах мы увидим то, чего не замечали раньше: прощение! Не гордость, не величие, не героизм, не грусть, а прощение!»

Приём ретроспекции позволяет автору более глубоко и выпукло изобразить связь времён, связь Лермонтова с современностью. Поэт как бы живёт в настоящем; он рядом с нами, пока нас волнуют и восхищают его замечательные творения, пока мы стремимся понять и постичь его тайну.

Переплетая прошлое и настоящее, автор рассказа выражает свою сокровенную мысль о том, каким он видит Лермонтова. Словами Лукерьи Шубениной, кормилицы маленького Лермонтова, он восклицает: «Он умел сильно любить, потому и страдал. Ведь кто больше любит одних, тот сильнее других ненавидит. Потому и смерть принять хотел: всех любить у него не получалось! Да и знал, что ни любовь его, ни ненависть мир не исправят... А вот с глазами вы угадали: не такими они были, как на портретах. Глаза его вам ещё надо будет рассмотреть как следует, разгадать, через них и душу его поймёте! Только любите его такого, каким он был! Любите!». Последние слова звучат заветом современному и последующим поколениям.

Вернёмся к упомянутой выше повести Г.Е. Горланова «Уготованный исход». Утверждая, что дуэль была преднамеренным убийством, автор обращает внимание на неестественную для дуэли траекторию

прохождения пули. Она позволяет предположить, что выстрел был сделан чуть ли не в упор, что противоречит правилам дуэли. «Врач, не дотрагиваясь до тела, всё внимание сосредоточил на огнестрельном пятне, а заглянув на рану с левой стороны, сделал удивлённое движение глазами: огнестрельная рана, начинавшаяся в нижней правой части грудной клетки, заканчивалась чуть ниже левого плечевого сустава. Пуля, выпущенная убийцей, прошла снизу вверх, прорвав по ходу раневого канала органы брюшной и грудной полостей».

В конце повести автор знакомит читателя с документами, раскрывающими работу следственной комиссии по случаю дуэли поэта с Мартыновым: вопросы следствия Н.С. Мартынову и ответы на них, рапорт о дуэли генерал-адъютанту Граббе, медицинское свидетельство, заключение следственной комиссии об осмотре места дуэли.

В 2004 году, в год празднования 190-летия со дня рождения поэта, журнал объявил детский конкурс на лучшее стихотворение.

Пью лермонтовский век минувший,
Шагая тихо по аллее.
Передо мною пруд уснувший,
В нем солнца яблоко алеет.
Ни звука... а закат пылает,
Тревожит оком красным воды.
Он день и ночь соединяет,
Как Лермонтово, наши годы.
И слышится: вздыхает громко
Под ветром вяз, шумя ветвями...
Звезда нам с неба шепчет звонко: –
Душой, стихами – вечно с вами.

Олеся Фирсова

Чистый, прозрачный ручей детского творчества влился в пензенскую литературную реку, текущую «под сенью» Лермонтова. Недаром на обложке журнала изображён профиль Лермонтова с рисунка художника Д. Палена как эталон литературного мастерства и символ стремления пензенских авторов соответствовать высокому уровню творчества поэта.

Итак, работы пензенских авторов отличают эксклюзивность тем и содержания, многогранность в изучение Лермонтова и его творений, бережное отношение к мельчайшим деталям, позволяющим глубже проникнуть в лермонтовскую эпоху, полнее осознать внутренний мир, душу гениального поэта.

Изыскания пензенских исследователей представляют собой ценный материал и приближают нас к разгадке Вселенной, имя которой – Лермонтов.

Поэт продолжает жить среди нас, делая нас счастливее, добрее, умнее, гуманнее. Его гений продолжает волновать лучшие умы России. Пока существует человечество, оно неизбежно будет стремиться к Лермонтову, пить, как освежающий родник, его поэзию и в этом стремлении духовно обогащаться, самосовершенствоваться, искать и находить гармонию.

Литература:

1. Венок Лермонтову. К празднику поэзии в Тарханах // Сура. 2008. № 3. С. 134-141.
2. Вишняков, М. Самовласть парус одинокий... / М. Вишняков // Сура. 2007. № 3. С. 143-147.
3. «...Внёс вклад в отечественное искусство»: к 145-летию скульптора И. Я. Гинцбурга // Сура. 2004. № 3. С. 202-212.
4. Вырыпаев, Н. Тарханские годы отца: воспоминания / Н. Вырыпаев // Сура. 2004. № 3. С. 143-149.
5. Горланов, Г. Е. Мой дух бессмертен силой... / Г. Е. Горланов // Сура. 2004. № 3. С. 155-168.
6. Горланов, Г. Е. Уготованный исход: повесть / Г. Е. Горланов // Сура. 2007. № 5. С. 11-99.
7. Инюшкин, Н. М. «Любезный Святослав...» / Н. М. Инюшкин // Сура. 2005. № 3. С. 155-164.
8. Инюшкин, Н. М. Музей – пространство диалога / Н. М. Инюшкин // Сура. 2004. № 3. С. 121-143.
9. Мельникова, Т. М. Тарханы: работа за «кадром» / Т. М. Мельникова // Сура. 2004. № 3. С. 83-91.
10. Одоевцева, И. Лермонтов в жизни Гумилёва: воспоминания / И. Одоевцева // Сура. 2008. № 3. С. 141-152.
11. Полукарова, Л. В. Но чувство есть у нас святое... / Л. В. Полукарова // Сура. 2006. № 3. С. 93-97.
12. Сухов, В. А. Образ паруса в творчестве М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина / В. А. Сухов // Сура. 2007. № 5. С. 160-166.
13. Тарханское попурри: стихи // Сура. 2006. № 3. С. 111-115.
14. Шигин, Б. В. День дарения: рассказ / Б. В. Шигин // Сура. 2004. № 3. С. 33-43.
15. Шигин, Б. В. Стихотворения и песни. П.: ООО ИРА «Комсомолка» ПЛЮС», 2002. 255 с.
16. Яшина, Л. И. Равновесие: избранное: стихи / оформ. В. Шапова. П.: Тугушев С. Ю., 2003. 328 с. : ил.

***О влиянии поэзии М.Ю. Лермонтова
на творчество И.С. Никитина:
по материалам журнала
«Филологические записки» за 1912 год***

Русанов Алексей Владимирович

(г. Воронеж)

Произведения одного из крупнейших русских поэтов М.Ю. Лермонтова, в той или иной степени оказали влияние на творчество практически всех русских писателей и поэтов, как современников, так и авторов более позднего периода. Не было исключением в этом плане и выдающийся русский поэт середины XIX века И.С. Никитин. Его жизнь и творчество сегодня достаточно хорошо изучены, произведения издаются крупными тиражами, поэтому, говоря о личности И.С. Никитина, ограничимся здесь лишь краткой биографической справкой.

И.С. Никитин родился 21 сентября 1824 года в Воронеже, из мещан. В 1839 г. окончил Воронежское духовное училище, с 1839 по 1843 обучался в Воронежской духовной семинарии. С 1844 г. – содержатель постоянного двора. Литературный дебют И.С. Никитина состоялся в 1853 г., когда его стихотворение «Русь» было опубликовано в «Воронежских Губернских ведомостях» и перепечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях». Автор сборников стихотворений, изданных в 1856 г. в Воронеже и в 1859 г. в Санкт-Петербурге, поэмы «Кулак», изданной в 1858 г. в Москве. В 1859 г. И.С. Никитин открыл в Воронеже книжный магазин с кабинетом для чтения, ставший одним из культурных центров города. В сборнике «Воронежская беседа на 1861 г.» была опубликована повесть И.С. Никитина «Дневник семинариста», отражавшая быт и нравы духовных учебных заведений. Умер И.С. Никитин 16 октября 1861 года в Воронеже. Его сочинения, снабженные критико-биографическим очерком М.Ф. Де-Пуле, многократно переиздавались с 1869 по 1916 гг. На стихи И.С. Никитина написано более 60 романсов и песен. В 1911 г. в Воронеже был открыт памятник И.С. Никитину работы скульптора И.А. Шуклина. С 1924 г. в городе существует мемориальный Дом-музей И.С. Никитина.¹ Сегодня имя И.С. Никитина носит одна из центральных улиц города, Воронежский областной литературный музей и Городская фундаментальная научная библиотека.

Критические статьи, посвященные творчеству И.С. Никитина, стали появляться в печати еще при жизни поэта, однако, более углубленное изучение творческого наследия И.С. Никитина началось уже после его смерти. Вопрос о воздействии произведений М.Ю. Лермонтова на творчество И.С. Никитина достаточно долгое время специально не исследовался, в критической литературе встречались лишь отдельные указания на наличие такого влияния. С большой долей вероятности можно утверждать, что первая попытка издания специального исследования на эту тему была предпринята именно в Воронеже. В 1912 году в журнале «Филологические записки» была опубликована статья Б.В. Неймана «Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина».

Автор статьи – известный литературовед Борис Владимирович Нейман, родился 2 (14) августа 1888 г. в городе Николаеве. В 1914 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Печататься начал с 1912 г. Основные его работы посвящены М.Ю. Лермонтову. Вел преподавательскую работу в вузах Москвы и других городов. Является автором книг о русских и советских писателях XVIII – XX вв.² Статья «Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина», очевидно, – его первая печатная работа. В библиографическом указателе «История русской литературы XIX века» данные о более ранних публикациях отсутствуют.³

Экземпляр вышеназванной статьи, хранящийся в фондах Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина, представляет собой отдельный оттиск из третьего и четвертого выпусков «Филологических записок» за 1912 год, в виде брошюры, объемом 52 страницы, отпечатанной в Воронеже в типографии Товарищества «Н. Кравцов и Компания» в том же 1912 году. Брошюра в хорошем состоянии, переплетена в картонную обложку с матерчатым корешком. На обложке фиолетовыми чернилами от руки написано название статьи, фамилия и инициалы автора. Судя по характеру надписи, она более поздняя и, как и сам переплет, скорее всего, относится к концу 20-х – началу 40-х годов. Согласно данным, имеющимся в книге поступлений музея, брошюра была приобретена в букинистическом магазине в 1946 году, кому принадлежала и где находилась до этого – неизвестно.

Аналогичный отдельный оттиск хранится в Воронежской фундаментальной научной библиотеке имени И.С. Никитина, он был передан в дар библиотеке воронежским краеведом О.Г. Ласунским.⁴ Этот экземпляр статьи любопытен тем, что на нем имеется дарственная надпись: «Глубокоуважаемому А. Назаревскому от автора», а также владельческая роспись: «А. Назаревский 20.12.1912 г.». Владелец этого экземпляра был Александр Адрианович Назаревский (1887-1977) – известный литературовед и педагог. В 1910 году окончил Киевский университет. С 1914 года до последних лет жизни преподавал в Киевском университете. С 1928 по 1950 гг. работал научным сотрудником АН УССР. Автор исследований по истории украинской и русской литературы, текстологии, библиографии, фольклористике и искусствоведению.⁵ (В 1911 году А.А. Назаревский посещал Воронеж, его отчет о работе в фондах Воронежского Губернского музея опубликован в «Университетских Известиях» Киевского университета за 1912 год).

Экземпляр статьи с дарственной надписью является своеобразным свидетельством общения двух молодых талантливых исследователей-литературоведов, стоявших тогда в самом начале творческого пути, и дает основание предполагать, что Б.В. Нейман и А.А. Назаревский, как представители одного поколения, обучавшиеся в одном вузе и объединенные общностью научных интересов, очевидно, поддерживали достаточно близкие взаимоотношения.

В 2008 году исполнилось 120 лет со дня рождения Б.В. Неймана. В связи с этой юбилейной датой обращение к первой публикации работы известного лермонтоведа представляется своевременным и актуальным.

Прежде всего, следует сказать о самом журнале «Филологические записки», поместившем на своих страницах статью тогда еще молодого, начинающего исследователя Б.В. Неймана. Журнал являлся местным, воронежским, изданием и, вряд ли, сегодня широко известен и доступен большинству специалистов. «Филологические записки» – научный журнал, издававшийся в Воронеже в 1860-1917 гг. Основателем и первым редактором журнала был воронежский педагог А.А. Хованский. В 1899-1917 гг. журнал редактировал С.Н. Прядкин. В журнале публиковались научные статьи по проблемам языкознания и литературы, в нем сотрудничали крупные ученые-языковеды: А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, И.А. Бодуэн-де-Куртене, И.И. Срезневский, болгарский ученый и писатель Любен Каравелов, известный педагог Н.Ф. Бунаков. Заметное место в журнале занимало изучение творчества поэтов и писателей Воронежского края: А.В. Кольцова, И.С. Никитина, А.П. Серебрянского. Журнал «Филологические записки» – своеобразный и яркий памятник культуры Воронежского края второй половины XIX-начала XX века.⁶

В книге Г.В. Антюхина «Печатное слово России» журналу «Филологические записки» посвящена отдельная глава. Автор уделяет много внимания истории журнала и наиболее интересным публикациям в нем. В частности, он отмечает: «Филологические записки» весьма часто печатали статьи и материалы о М.Ю. Лермонтове. Многие из них привлекают внимание исследователей творчества М.Ю. Лермонтова до сих пор. Большая и содержательная статья Б.Н. Скворцова «Жизнь и личность М.Ю. Лермонтова по его письмам» была опубликована в юбилейном 1914 г. В «Филологических записках» за 1913 г. была напечатана интересная статья П. Давидовского «Генезис «Песни о купце Калашникове». В последнем номере «Филологических записок» (это был 1-й выпуск за 1917 г.) опубликована насыщенная

интересными фактами и размышлениями статья Д.М. Павлова «Дуэль Лермонтова».⁷ Однако работа Б.В. Неймана не попала в поле зрения автора, и упоминаний о ней в книге Г.В. Антюхина мы не встречаем.

Более подробно о публикациях журнала, посвященных М.Ю. Лермонтову, пишет А.А. Слинько в статье «К оценке изучения биографии и творчества М.Ю. Лермонтова в «Филологических записках». Автор отмечает, что «воронежский журнал, особенно в последние десятилетия своего существования, уделял значительное внимание освещению фактов из жизни и творческой деятельности М.Ю. Лермонтова и в отдельных частных вопросах сумел внести определенный вклад в научное истолкование этих фактов».⁸ Наглядным доказательством такого утверждения служит указатель работ о Лермонтове, опубликованных в «Филологических записках» с 1860 по 1917 годы.⁹ Этот список включает 54 публикации, из которых 17 – научные и научно-популярные статьи о Лермонтове, в 14-ти имеются упоминания о личности и творчестве Лермонтова в связи с характеристикой других писателей и критиков, чаще всего современников великого поэта, и еще 23 публикации – «разборы и «объяснительные чтения» произведений поэта с учебно-методическими целями».¹⁰ В разделе «Славянские известия» нередко публиковалась информация об издании произведений Лермонтова в родственных славянских странах.

Впервые имя М.Ю. Лермонтова упоминается на страницах «Филологических записок» в 1868 году в статье Н.П. Рошупкина «О значении поэзии Кольцова», представлявшей собой изложение речи, произнесенной при открытии памятника А.В. Кольцову в Воронеже. Первая специальная работа, посвященная М.Ю. Лермонтову, была напечатана в журнале в 1896 году, это была небольшая библиографическая заметка-рецензия А. Флерова «Кондр. Новая любовь. Психологический анализ трагической поэмы М. Лермонтова «Демон». Рецензент выступал против «субъективистских попыток Гр. Кондра – автора книги о Лермонтове, изданной в Нежине, рассматривать Демона лишь как болезненную фантазию героини, а страсть Тамары – как ее стремление к идеалу, мечте. Разбирая историю создания «Демона», А. Флеров подчеркивает, что приписывать образ Демона лишь воображению Тамары «было бы грубейшей психологической ошибкой».¹¹

Интересующее нас влияние произведений М.Ю. Лермонтова на творчество И.С. Никитина было впервые отмечено на страницах «Филологических записок» в 1892 г. в статье Н.Ф. Бунакова «А.В. Кольцов как человек и как поэт. Значение его поэзии», позже об этом влиянии упоминалось в 1899 г. в библиографической заметке С.Н. Прядкина «Новое исследование о поэзии И.С. Никитина» и в 1911 г. в статье А.М. Путинцева «Романтические отзвуки в поэзии И.С. Никитина».¹²

Однако первым специальным исследованием на эту тему, как уже говорилось выше, явилась статья Б.В. Неймана, по поводу которой А.А. Слинько пишет: «... на наш взгляд недооценена интересная работа Б.В. Неймана «Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина». В этой работе проводятся скрупулезные сопоставления сходных поэтических образов в лирике Лермонтова и Никитина. Иногда эти сопоставления спорны, носят слишком отдаленный, формальный характер. Разумеется, влияние Лермонтова на Никитина нельзя сводить к поискам общих или близких обоим поэтам образов. Но без такой предварительной работы невозможно и приступить к рассмотрению данного вопроса. С этой точки зрения, статья Б.В. Неймана и в настоящее время представит интерес для каждого, кто захочет проследить влияние Лермонтова на формирование поэтической индивидуальности Никитина».¹³ Значение работы Б.В. Неймана, по мнению А.А. Слинько, состоит, прежде всего, в том, что: «Конкретный анализ позволил

Б.В. Нейману сделать шаг вперед по сравнению с предшествующими исследователями в оценке влияния Лермонтова на творчество Никитина».¹⁴

Прежде чем перейти собственно к статье «Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина», надо отметить, что сотрудничество Б.В. Неймана с «Филологическими записками» не ограничилось одной публикацией. Его работы, посвященные М.Ю. Лермонтову, печатались в журнале еще трижды – в 1913, 1915 и 1916 годах.

Свою статью Б.В. Нейман начинает с общего анализа критической литературы, посвященной И.С. Никитину, и описания истории вопроса, отмечая, что «уже не раз было указано на влияние Пушкина и Лермонтова, заметное в творчестве мещанина-поэта. В различных статьях, дающих, большей частью, общую оценку поэтической деятельности Никитина, мы не раз, порою совершенно неожиданно, встречали любопытнейшие указания по интересующему нас вопросу».¹⁵

Здесь же, в примечании, приводится краткий обзор публикаций, содержащих интересовавшие автора данные. В их числе статьи: «Дружинина в «Библиотеке для чтения» 1856 г., Т. CXXXVII; Чернышевского в «Современнике» 1856 г., Т. LVI № 3-4; Я. Грота в 1858 г., в IV выпуске VII тома «Известий II отделения Академии Наук»; Де-Пуле в № 4 «Русского слова» за 1860 г.; Михайлова в «Отечественных записках» 1869 г., № 8; Сивицкого, брошюра «И.С. Никитин», изд. в 1893 г.; Иванова в № 1 «Русской мысли» за 1896 г.; Камова в «Русском Филологическом Вестнике», в № 1-2 за 1899, №№ 1-2, 3-4 за 1900, и №№ 1-2, 3-4 за 1891 г.; Путинцева в выпуске VI «Филологических записок» за 1911 г. и Круковского в «Русском Филологическом Вестнике» за 1912 г., № 1-2».¹⁶ Очевидно, что Б.В. Нейман проделал большую исследовательскую работу, основательно изучив практически все имевшиеся на тот момент публикации о творчестве И.С. Никитина и выделив те из них, авторы которых отмечали влияние великих русских поэтов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова на творчество И.С. Никитина.

В процессе анализа критической литературы Б.В. Нейман пришел к выводу о том, что «не занимаясь специально изучением отзвуков поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина, авторы, естественно, не задавались целью систематически подбирать соответствующие данные; вследствие этого все подобные указания были всегда довольно случайны, иногда – даже несколько неопределенны. Так бывали случаи, что критики указывали на присутствие в творчестве Никитина интересующих нас влияний, но вовсе не поясняли, в каких именно стихотворениях это заметно; другие авторы, правда, называли те произведения, где, по их мнению, можно проследить пушкинское или лермонтовское влияние, но часто не подкрепляли своей мысли обозначением параллельных пьес¹⁷ – иногда писавшие о Никитине, больше говорили о духовной близости поэтов, чем о непосредственной зависимости одного от другого».¹⁸

Далее, обосновывая актуальность своей работы, Б.В. Нейман пишет: «никто, разумеется, не производил сравнительного анализа текстов сопоставляемых произведений, никто не издал отмеченных влияний в последовательности годов творчества Никитина. Наконец, не был привлечен к рассмотрению целый ряд произведений, в которых можно найти любопытный материал... – все это заставляет пересмотреть вопрос о Пушкинском и Лермонтовском влиянии в поэзии Никитина».¹⁹

Прежде чем перейти к анализу произведений И.С. Никитина, Б.В. Нейман кратко характеризует его отношение к творчеству М.Ю. Лермонтова, используя для этой цели выдержки из некоторых писем И.С. Никитина. В частности, из письма к Н.И. Второву от 11 сентября 1859 г., где И.С. Никитин пишет: «На замечание Ваше, почему я не выставил годов под стихотворениями, скажу вот что: выставка подобного

рода имеет смысл под произведениями Пушкина, Лермонтова и т. п., вообще, за развитием таланта которых читатель следит с особенным любопытством».²⁰ Письмо к Н.И. Второву от 21 марта 1860 г., в котором, пересказывая беседу с неким генералом N, И.С. Никитин приводит фразу генерала: «Правду сказал Лермонтов: «И прах ваш с строгостью судьи и гражданина – потомок оскорбит презрительным стихом»».²¹ И письмо к Л.П. Блюммеру от 6 января 1861 г., где И.С. Никитин пишет о торговых делах своего книжного магазина: «Мне выслано 30 экземпляров Лермонтова, тот час же по выходе их из печати, и доселе продано 15 экземпляров. Слышите ли! Лермонтова... Честное слово, я не могу об этом равнодушно говорить... Ну можно ли до такой степени сделаться апатичными!».²²

После этих предварительных замечаний автор приступает к анализу самих произведений И.С. Никитина, делая это последовательно, год за годом. Впервые отзвуки поэзии М.Ю. Лермонтова отмечены Нейманом в стихотворении Никитина «Грусть старика», написанном в 1849 г., где мы «встречаем в конце такие строки:

Меж людьми ты теперь уж чужой,
Лишний гость меж гостями природы.

Этот горестный образ лишнего гостя на жизненном пиру, несомненно, является отдаленным отзвуком знаменитого стиха Лермонтова из его «Думы» –

Как пир на празднике чужом.

Сходство здесь не вполне явное и, пожалуй, даже, не особенно значительное, но то обстоятельство, что «Дума» Лермонтова вообще оказала чрезвычайно сильное влияние на творчество Никитина (а в этом мы впоследствии убедимся), заставляет нас признать в данном случае первый, еще словно робкий, проблеск в будущем яркого воздействия».²³

Еще одним произведением 1849 года, в котором прослеживается влияние поэтических образов М.Ю. Лермонтова, является стихотворение «Мрамор». Анализируя его, Б.В. Нейман полемизирует с критиками, усматривающими «в этом стихотворении влияние антологической пьесы Майкова «Искусство»,²⁴ отмечая, что строки И.С. Никитина:

Недвижимый мрамор в пустыне глухой
Лежал одиноко, обросший травой;
Дожди в непогоду его обмывали
Да вольные птицы на нем отдыхали –

с внешней стороны не находят себе соответствия у Майкова. Характерный размер стихов и картина «пустыни глухой» снова обращают наше внимание на Лермонтовское восточное сказание о «Трех пальмах»:

В песчаных степях Аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча, пробивался волною холодной».²⁵

В данном случае Б.В. Нейман также не считает лермонтовское влияние особенно сильным, говоря, что «перед нами снова лишь проблеск в дальнейшем более рельефного воздействия «Трех пальм»».²⁶

Переходя к анализу произведений Никитина 1850 года, автор начинает с сопоставления стихотворений «Ночь на берегу моря» И.С. Никитина и «Когда волнуется желтеющая нива»

М.Ю. Лермонтова. Прочитав последнюю строфу из стихотворения И.С. Никитина:

Смолкла дневная *тревога*...
Полный торжественных дум
Видит присутствие *Бога*
В этом молчании ум, –

Б.В. Нейман пишет, что «успокоение души, узревшей Божество, разлитое в природе, отдыхающей от дневной тревоги, живо напоминает как своим настроением, так и отдельными выражениями последнюю же строфу лермонтовского стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива», где поэт говорит:

Тогда смирятся души моей *тревога*,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу *Бога*.

Как видим, Никитин в ином смысле говорит о «тревоге», чем Лермонтов, но самый факт употребления именно этого слова, имеющего ту же рифму, что и у Лермонтова («Бога»), очень характерен».²⁷

Следующим произведением И.С. Никитина, в котором усматривается лермонтовское влияние, Б.В. Нейман считает стихотворение «Дуб»:

От темного леса далеко,
На почве бесплодно-сухой,
Дуб старый *стоит одиноко*,
Как сторож пустыни глухой.
Стоит он и смотрит угрюмо
Туда, где под сводом небес
Глубокую думает думу
Знакомый давно ему лес.

«Очевидно, – пишет Б.В. Нейман, – данное стихотворение вдохновлено лермонтовской «Сосной», которая «на севере диком *стоит одиноко* – на голой вершине» и тоже тоскует по далекой пальме (у Никитина дуб угрюмо смотрит на отдаленный лес)».²⁸

Еще более определенное лермонтовское влияние автор отмечает в стихотворении И.С. Никитина «Ключ», подчеркивая, что уже Н.Г. Чернышевский «сопоставил начальные строки его:

В глубоком ущелье, меж каменных плит,
Серебряный ключ одиноко звучит –

с начальными же строками «Трех пальм» Лермонтова... Действительно, сходство здесь очевидно не только в оригинальном размере стихотворений и в последовательности рифм по схеме ААВВ, но и в самом образе одинокого ручья, омывающего корни стоящего в пустыне дерева. ... Пьеса Никитина, по общей картине, более напоминает вторую часть «Трех пальм», так как в «Ключе» говорится, что «давно уж минули счастливые годы», когда сам ручей, «любимец цветущей природы – алмазные брызги кругом рассыпал...

И листья зеленые тихо *шептали*, –
но теперь этого уже нет, подобно тому, как и у Лермонтова:
Не *шепчутся* листья с гремучим ключом.

Теперь уже:

К нему не приходит пробитой тропой
Измученный путник за чистой водой –
слова, заставляющие нас снова вспомнить «Три пальмы»:

Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой.

Наконец, строки:

Лишь старый скелет обнаженной березы
Глядит на его бесполезные слезы,
Да изредка ветер к нему прилетит –

в стилистическом отношении («лишь...», «да - »), быть может, в той или иной степени зависят от сопоставленной пьесы Лермонтова:

Его *лишь* песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый...²⁹

«От Лермонтовской же музыки», по мнению Б.В. Неймана, зависит и стихотворение «Оставь печальный свой рассказ», в котором И.С. Никитин «обращается к поэту с увещанием:

Оставь печальный свой рассказ
Насмешки горечью облитый,

подобно тому, как и Лермонтов говорит поэту:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья.³⁰

Далее в этом стихотворении Никитин спрашивает:

«Скажи, зачем ты раскрывал
Свои нам раны и страданья,

точно также, как и Лермонтов, который обращается с горьким вопросом к «молодому мечтателю»:

Какое дело нам, страдал ты или нет?³¹

Продолжая сопоставление стихотворения И.С. Никитина «Оставь печальный свой рассказ» с произведением М.Ю. Лермонтова «Не верь себе», Б.В. Нейман замечает, что наряду со сходством имеются и «черты глубокого и любопытного различия. В то время, как Никитин советует поэту не петь о своих личных страданиях, так как «есть другой предмет для слез»:

... Нашей жизни нищета
С однообразной пестротой
И, скрытая под мишурою,
Пороков наших нагота,

Лермонтов, наоборот, говорит певцу, чтобы он совсем замолчал:

Не унижай себя. Стыдися торговать

То гневом, то тоской послушной,
потому что для толпы, впрочем, быть может, как и у Никитина, много страдавшей, но скрывающей под маской беззаботности «Неприличные слезы», – так как:

Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заученным.

Таким образом, мысль об общественной скорби в стихотворении Никитина появилась независимо от сопоставляемого произведения Лермонтова; возможно, что она лишь следствие влияния тех стихотворений Лермонтова, о которых будет речь при анализе стихотворения «Певцу», 1852 г.³²

Последним произведением 1850 года, в котором прослеживается влияние Лермонтова, Б.В. Нейман считает стихотворение «Когда закат прощальными лучами». Сопоставляя его с лермонтовским «Когда волнуется желтеющая нива», он отмечает, что стихотворения «близки друг к другу не только по своей мысли душевного успокоения на лоне природы, но, что особенно интересно, и по построению: оба стихотворения представляют собой временный период, состоящий из 16 строк; в обоих случаях часты повторения частицы «и» в начале строк (у Никитина строки 3, 4, 5, 7, 11, 13, 14; у Лермонтова – 2, 3, 10, 15, 16). Особенно схожими следует признать вторую строфу Никитина:

И на цветах, и на траве *душистой*
Блеснет *роса*, посланница небес,
И тканью тумана *серебристой*
Оденется темнокудрявый лес

и вторую же строфу Лермонтова:

Когда *росой* обрызганный *душистой*,
Румяным вечером иль в утра час златой,
Из под куста мне ландыш *серебристый*
Приветливо кивает головой;

некоторое сходство картин подчеркивается тождественностью рифм «душистой» и «серебристой» (у Лермонтова «серебристый»). – Сказанное убеждает, что Лермонтовское влияние в этом стихотворении не может быть подвергнуто никакому сомнению».³³

Говоря о стихотворениях И.С. Никитина 1851 года, автор отмечает, что известный интерес представляет его стихотворение «Смерть поэта», а именно «первая его строфа:

На западе солнце пылает,
Багряное море горит
Корабль одинокий, как птица,
По влаге холодной скользит.

Уже самый размер этого стихотворения и отсутствие рифм в нечетных строках, равно как картина моря и одинокого в нем корабля – заставляет нас вспомнить «Воздушный корабль» Лермонтова, в особенности первую же его строфу:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Понятно, в данном случае влияние не может быть признано особенно значительным, в дальнейшем же стихотворения ничего, кроме размера и своеобразного чередования рифм, общего не имеют».³⁴

Из произведений 1852 г. автор останавливается на стихотворении «Певцу», которое является вариацией разобранного выше стихотворения И.С. Никитина «Оставь печальный свой рассказ». Здесь Б.В. Нейман отмечает влияние лермонтовского стихотворения «Не верь себе», которое, по его мнению, значительно возросло. «Так уже первые строки:

Не пой о счастье, певец, не утешай
Себя забавою ничтожной, –

больше напоминают увещания Лермонтова:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы боясь вдохновенья, –

так как и «Певцу», и «Не верь себе» оба характерно начинаются отрицанием».³⁵ По мнению Неймана сходство также «сказывается в следующих строках:

Взгляни, как наша жизнь ленивая идет
И скучно и однообразно,
Запечатленная тревогою *забот*
Одной действительности грязной,

которые находят себе довольно близкое соответствие у Лермонтова:

Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной,
На лицах праздничных чуть виден след *забот*,
Слезы не встретишь неприличной.

Содержание цитированных строк, понятно, не вполне совпадает, но сама манера обращения («взгляни») и тождественность рифм («идет» и «забот») довольно характерны».³⁶ Затем автор рассматривает возможную связь этого произведения с лермонтовским стихотворением «Пророк», однако, делать определенные заключения не рискует, по его мнению, «связь стих. «Певцу» именно с «Пророком» едва ли можно доказать».³⁷ Далее он пишет, что «строки Никитина:

И не *проснется* вмиг в тебе свободный дух
Глубокого негодованья?
И ты, земной *пророк* и правды смелый друг,
Не вспомнишь своего призванья?

как будто напоминают стих из Лермонтовского «Поэта»:

Проснешся-ль ты опять осмеянный пророк?»

Приступая к анализу стихотворений И.С. Никитина 1853 г., Б.В. Нейман начинает его со стихотворения «Я помню счастливые годы». По его мнению влияние Лермонтова в этом стихотворении сказалось достаточно ярко. «Именно, для нас интересен тот момент пьесы, когда поэт говорит о гнетущем сознании,

Что в массу общего познания
Другим взыскательным векам,
Как весь итог существованья,

Я ничего не передам,
И одинокий, без значенья,
Как лишний гость в пиру чужом,
Ничтожной жертвою забвенья
Умру в краю моем родном!

Здесь чувствуется та же щемящая скорбь, которая с такой безысходной горечью отразилась в «Думе» Лермонтова... Важным фактическим подтверждением того, что близость анализируемых стихотворений не случайна, служит образ Никитина:

Как лишний гость в *пиру чужом*, –
связь которого с Лермонтовским очевидна:

Как *пир* на празднике *чужом*.

Если мы теперь вспомним те указания, которые мы делали относительно Лермонтовского влияния в стихотворении «Грусть старика» 1849 года, то увидим, что в рассматриваемом стихотворении это же влияние значительно усилилось: здесь не только точно воспроизведен отмеченный Лермонтовский образ, но заметно и некоторое воздействие всей «Думы» вообще.³⁸

В том же 1853 году И.С. Никитин пишет стихотворение «Дума», в определенной степени связанное с одноименным произведением Лермонтова. При чем «если в пьесе «Я помню счастливые годы» Лермонтовские образы были применены к горестному изображению полной бесцельности личной жизни, то в «Думе» Никитин говорит уже обо всем поколении:

В глубокой мгле холодного забвенья
Теряются народов поколенья,
.....
И, может быть, потомства поздний род
Забудет наш угаснувший народ.

Мысль о поколении, «теряющемся во мгле забвенья», понятно, заставляет вспомнить Лермонтова.³⁹ Однако далее Б.В. Нейман приходит к выводу о том, «что в данном случае Лермонтовское влияние нельзя считать особенно значительным, так как Никитин в дальнейшем придает цитированным строкам совершенно иной смысл, не имеющий ничего общего с Лермонтовской «Думой».⁴⁰

Гораздо больше влияние «Думы» Лермонтова сказалось, по мнению Б.В. Неймана, в другом стихотворении, «начинающемся так:

Наскучив роскошью блистательных забав,
Забыв высокие стремленья
И пресыщение до времени узнав,
Стареет наше поколенье.

Если первая строка цитированного отрывка явно восходит к строке Лермонтова:

И предков *скучны* нам *роскошные забавы*, –

то весь отрывок вызывает в памяти начало «Думы». И вообще, почти каждая строчка пьесы Никитина или непосредственно зависит от Лермонтова, находя себе у него точное соответствие, или может быть объяснена из содержания «Думы» и упоминания подобной же черты, свойственной современному поколению. Так, указание Никитина в цитированном отрывке на пресыщение, как на характерную черту

его современников, имеется и у Лермонтова, который, видимо, полагает, что пресыщение наступило, несмотря на боязнь его:

Из каждой радости, бояся *пресыщенья*,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Следующая строка Никитина:

Стал недоверчивым *угрюмый* человек, –
снова находит себе соответствие в «Думе»; прежде всего, что касается недоверчивости, то Лермонтов, несомненно, тоже говорит об этой черте:

Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей,

эпитет же «угрюмый» встречается у Лермонтова в схожем сочетании:

Толпой *угрюмою* и скоро позабытой.

Начало второй строфы:

Ему не принесло прекрасного *плода*
Порока и добра познание, –

опять говорит нам о Лермонтове, хотя в его «Думе» говорится об иного рода познании, о познании чисто научном –

Мы иссушили ум наукою *бесплодной*; –

понятно, подобная параллель, будучи единичной, не могла бы иметь никакого значения, но так как таких параллелей очень много, то все они, при общей близости стихотворений, не могут быть оставлены без внимания. Так и стих –

Слабея медленно под бременем *борьбы*,

несмотря на противоположность смысла, должен быть признан отзвуком Лермонтова:

В начале поприща мы вянем без *борьбы*;

мнение Никитина, что каждый из его современников

Влачит *сомнения* оковы, –

довольно близко подходит к положению Лермонтова, в котором поэт утверждает, что «наше поколение... состарится»

... под бременем познания и *сомнения*;

Наконец, строка:

Печальных перемен он *равнодушно* ждет –

говорит о том равнодушном отношении ко всему в мире, о котором упоминается и в «Думе»:

К добру и злу постыдно *равнодушны*.

Все эти параллели указывают на то, что Никитин в данном стихотворении не только пользовался мыслями Лермонтова, но и его образами, выражениями; поэтому мы должны признать влияние «Думы» в этой пьесе чрезвычайно сильным». ⁴¹

В стихотворениях И.С. Никитина 1854 года Б.В. Нейман находит лишь два частных случая воздействия лермонтовских произведений. Это, во-первых, стихотворение «Новая борьба», которое

является вариацией «Войны за веру» 1853 года. Здесь речь идет об одной строке Никитина:

«С каким презрением потомок оскорбленный,

в которой, неожиданно, сказалось влияние «Думы» Лермонтова:

*Потомок оскорбит презрительным стихом».*⁴²

Второе стихотворение, где усматривается влияние Лермонтова – «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты», последняя строка которого:

В царстве природы не лишней я гость с моей думой и песней, –
несмотря на противоположный смысл, является, – по мнению Б.В. Неймана, – уже совершенно далеким и словно заглушенным отзвуком не раз упоминавшегося образа из лермонтовской «Думы»:

*Как пир на празднике чужом.*⁴³

Не больше материала для анализа находит автор и в стихотворениях Никитина 1855 года. По его мнению «Некоторое Лермонтовское влияние чувствуется в конце стих. «Над светлым озером пурпуровой зари»:

Я вновь теперь живу! и как отраден мне
И сон полей в тиши безлюдной,
И этих ярких звезд, горящих в вышине,
Язык торжественный и чудный!

Этот образ заснувших полей и в особенности «язык торжественный и чудный» звезд, – заставляют нас вспомнить Лермонтова, у которого над заснувшей землей раздается таинственный разговор звезд и у которого в небесах тоже «торжественно и чудно»:

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит,
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом.

Понятно, не следует придавать значения близости и выражений отдельных слов, так как она обусловлена тождественностью картин, наблюдавшихся поэтами; тем не менее, влияние Лермонтова в этом стихотворении едва ли может быть подвержено сомнению».⁴⁴

Еще одним произведением, в котором Б.В. Нейман наблюдает отзвук некогда сильного влияния лермонтовского стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива», является песня Никитина «Друг» («Степь»). Близость к Лермонтову сказывается здесь, по его мнению, «в структуре одной части стихотворения (2-я, 3-я и 4-я строфы) и при том не особенно ярко;... соответствующая часть «Степи» представляет собою временный период с несколько раз повторяющимся словом «когда»: «Когда поверхность вод при месяце блестит, – Когда... – Когда..., – За всем отрадно мне и весело следить». То же имеем и у Лермонтова».⁴⁵

Далее Б.В. Нейман анализирует два стихотворения И.С. Никитина, дата написания которых точно не установлена. Ссылаясь на Полное собрание сочинений И.С. Никитина под редакцией М.О. Гершензона, автор сообщает, что их можно «несколько неопределенно отнести к 1849–1855 гг.».⁴⁶ Первое стихотворение «Бегут часы, недели и года», в котором «повествуется об «утратами убитом человеке, который «в невольном изумлень» глядит на «возникшее недавно поколение» и чувствует,

Что он чужой меж новыми гостями.

Этот образ снова говорит нам о «Думе» Лермонтова». ⁴⁷ Второе стихотворение «Жизнь», в нем, по мнению Б.В. Неймана, воздействие той же «Думы» Лермонтова «едва заметно сказалось в строках:

И тише мы вперед идем,
Не видя *цели* сокровенной, –

которые следует сопоставить со стихом:

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без *цели*». ⁴⁸

Следов влияния прозы М.Ю. Лермонтова в творчестве И.С. Никитина Б.В. Нейман не обнаруживает. По этому поводу он полемизирует с А.М. Путинцевым, который в статье «Романтические отзвуки в поэзии Никитина», проводит некоторые параллели между лермонтовским Печориным и героем поэмы И.С. Никитина «Тарас». Поэма написана в 1860 г. и относится к позднему периоду творчества И.С. Никитина, к этому времени в его произведениях влияние Лермонтова, по мнению Б.В. Неймана, перестало ощущаться. Возражая А.М. Путинцеву, автор пишет: «ни с одним его положением мы согласиться, к сожалению, не можем. Так, мы не видим, что, «как Печорин», мужик Тарас наделен большим рефлексивным умом, так как не знаем, на каких фактах можно основать это утверждение... Что общего между Тарасом, этим олицетворением энергии,... и лермонтовскими героями?». ⁴⁹

Здесь Б.В. Нейман заканчивает анализ влияния произведений М.Ю. Лермонтова на творчество И.С. Никитина и приступает к обобщению результатов и изложению выводов из проделанной работы. При этом особое внимание исследователь обращает на то, как менялся характер влияния лирики Лермонтова на воронежского поэта, в ходе становления его таланта. Он подчеркивает, что влияние М.Ю. Лермонтова на И.С. Никитина было довольно значительно, особенно в первые годы творчества: «Сравнительно широко усваивалась Никитиным и поэтическая техника Лермонтова... отразились у Никитина и стихотворения, выражающие взгляды Лермонтова на искусство, а, в особенности, – словно прозрачные описания тихой природы и успокоенной души на лоне ее; однако наиболее яркую печать наложила на поэта щемящая скорбь Лермонтовского раздумья над современным ему поколением». ⁵⁰ Далее автор отмечает, что «круг влиявших на Никитина стихотворений был довольно ограничен, вследствие чего воздействие того или иного стихотворения обычно повторялось несколько раз...стихотворения же, близость которых к Никитину можно было наблюдать по одному разу, и в этих единичных случаях не накладывали глубокой печати на творчество поэта». ⁵¹

Особое внимание Б.В. Нейман уделяет вопросу о характере влияния лермонтовской «Думы», делая вывод о том, что «яркость этого влияния постепенно повышалась, доходя до момента наибольшей силы, после чего падала... Так, в стих. «Грусть старика» перед нами лишь слабо намечается Лермонтовский образ «пира на празднике чужом», в стих. «Я помню счастливые годы» 1853 г. не только более точное воспроизведение этого образа, но влияние «Думы» вообще распространяется в этом стихотворении, однако пока Никитин говорит лишь о единичном существовании, к более же широкому обобщению, как и у Лермонтова, он переходит в дальнейших стих. того же года, отчасти в «Думе» и в особенности в «Наскучив роскошью...»; в последнем стихотворении близость к Лермонтовскому образцу сказалась наиболее интенсивно и ярко, в дальнейшем же, в произведениях 1854 г. мы наблюдаем ослабление этого влияния». ⁵² Первоначальные редакции указанных стихотворений, отмечает Б.В. Нейман, хранят меньше следов воздействия поэтических образов Лермонтова, чем уже обработанные стихотворения. В итоге автор приходит к выводу о том, что «волна отмеченных влияний повышалась от 1849 по 1853 г., после

чего, в 1854 и 1855 гг. стала ослабевать, сказываясь лишь редко и не особенно ярко в дальнейшем творчестве Никитина».⁵³

Оценивая творчество И.С. Никитина в русле темы своего исследования, Б.В. Нейман отмечает: «Понятно, не следует думать, что рассмотренные влияния совершенно убивали самостоятельность Никитина. Заимствованные образы часто лишь вкрапливались в вполне самобытное произведение, а заимствованная форма часто давала простор для своеобразного содержания».⁵⁴

Завершая свое исследование, автор подчеркивает, что Никитин учился на образцах поэзии Лермонтова, «сначала стараясь им подражать, потом, постепенно освобождаясь от этих воздействий.... Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что школа Пушкина и Лермонтова не прошла бесследно для Никитина. Влияние этих поэтов, ставши в последние годы почти не уловимым, вошло, однако прочным составным элементом в творчество Никитина».⁵⁵

Всего в работе Б.В. Неймана рассмотрено 18 стихотворений И.С. Никитина, в которых автор обнаруживает влияние произведений М.Ю. Лермонтова. Два стихотворения 1849 года, пять – 1850 года, по одному стихотворению 1851 и 1852 годов, три – 1853 года, два – 1854 года, два – 1855 года и два стихотворения, дата написания которых точно не установлена.

Представляется целесообразным для наглядности обобщить данные об этих стихотворениях в виде таблицы, в хронологическом порядке указав, воздействие каких именно произведений М.Ю. Лермонтова обнаруживает в них Б.В. Нейман:

Годы написания стихотворений И.С. Никитиным	Произведения	Произведения
	И.С. Никитина, в которых, по мнению Б.В. Неймана, прослеживается влияние М.Ю. Лермонтова	М.Ю. Лермонтова, повлиявшие, по мнению Б.В. Неймана, на стихотворения И.С. Никитина
1849 г.	«Грусть старика» «Мрамор»	«Дума» «Три пальмы»
1850 г.	«Ночь на берегу моря»	«Когда волнуется желтеющая нива»
	«Дуб»	«Сосна»
	«Ключ»	«Три пальмы»
	«Оставь печальный свой рассказ»	«Не верь себе»
1851 г.	«Когда закат печальными лучами»	«Когда волнуется желтеющая нива»
1852 г.	«Смерть поэта»	«Воздушный корабль»
1853 г.	«Певцу»	«Не верь себе», «Поэт»
1854 г.	«Я помню счастливые годы»	«Дума»
	«Дума»	«Дума»
	«Наскучив роскошью блистательных забав»	«Дума»
	«Новая борьба»	«Дума»
1855 г.	«Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты»	«Дума»
	«Над светлым озером пурпуровой зари»	«Выхожу один я на дорогу»
	«Степь»	«Когда волнуется желтеющая нива»
	«Бегут часы, недели и года»	«Дума»
Год написания точно не известен	«Жизнь»	«Дума»

Как мы видим, наиболее значительное влияние на И.С. Никитина оказало стихотворение «Дума», его воздействие отмечено в восьми произведениях. Отзвуки лермонтовского стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» обнаруживаются в трех стихотворениях Никитина, в двух произведениях проявляется влияние стихотворения «Три пальмы» и еще в двух отмечено воздействие лермонтовского стихотворения «Не верь себе». Воздействие четырех стихотворений М.Ю. Лермонтова на творчество И.С. Никитина («Сосна», «Воздушный корабль», «Поэт», «Выхожу один я на дорогу») отмечено однократно. Таким образом, в творчестве И.С. Никитина Б.В. Нейман обнаруживает следы влияния восьми произведений М.Ю. Лермонтова.

Наибольшее влияние лермонтовской «Думы» на творчество И.С. Никитина отмечается в 1853-1854 годах. С некоторой долей вероятности можно предположить, что и два стихотворения, «несколько неопределенно» отнесенные к 1849-1855 годам, были также созданы в этот период (1853-1854 гг.), несколько сузив, таким образом, возможные хронологические рамки их написания.

Несмотря на то, что исследование Б.В. Неймана выполнено в начале XX века, оно и сегодня представляет интерес и, в большой степени, не утратило своего значения для современного лермонтоведения. Работа Б.В. Неймана позволяет полнее понять и оценить роль поэзии М.Ю. Лермонтова в развитии русской литературы в целом, степень и глубину влияния его произведений на творчество отечественных авторов.

Примечания:

1. Воронежская историко-культурная энциклопедия. Воронеж, 2006. С. 288.
2. Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1968. Т. 5. С. 171.
3. История русской литературы XIX века: библиогр. указ. М.: Л.: АН СССР, 1962. С. 419, 501.
4. Материалы из собрания О.Г. Ласунского: библиогр. описание. Воронеж, 1985. С. 43.
5. Украинская советская энциклопедия. Киев, 1982. Т. 7. С. 134.
6. Загоровский, В.П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж: Центр.-чернозем. кн. изд-во, 1982. С. 286.
7. Антюхин, Г.В. Печатное слово России: история журналистики Черноземного центра страны XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1993. С. 184.
8. Слинко, А.А. К оценке изучения биографии и творчества М.Ю. Лермонтова в «Филологических записках» // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы: сб. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1964. С. 166.
9. Там же. С. 166-168.
10. Там же. С. 153.
11. Там же. С. 156.
12. Там же. С. 158.
13. Там же. С. 158.
14. Там же. С. 160.
15. Нейман, Б.В. Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина. Воронеж: тип. Т-ва Кравцов и К, 1912. С. 1.
16. Там же. С. 1.

17. Б.В. Нейман в некоторых случаях употребляет термин «пьеса» – в значении «стихотворение».

18. Нейман, Б.В. Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина. Воронеж: тип. Т-ва Кравцов и К, 1912. С. 1-2.

19. Там же. С. 2-3.

20. Там же. С. 4.

21. Там же. С. 5.

22. Там же. С. 5.

23. Там же. С. 7. Здесь и далее в цитируемых стихах – курсив Б.В. Неймана.

24. Там же. С. 7.

25. Там же. С. 8.

26. Там же. С. 9.

27. Там же. С. 9-10.

28. Там же. С. 10-11.

29. Там же. С. 11-13.

30. Там же. С. 13.

31. Там же. С. 13-14.

32. Там же. С. 14-15.

33. Там же. С. 15-16.

34. Там же. С. 17-18.

35. Там же. С. 20

36. Там же. С. 20-21.

37. Там же. С. 22.

38. Там же. С. 27-29.

39. Там же. С. 31.

40. Там же. С. 31.

41. Там же. С. 31-34.

42. Там же. С. 35.

43. Там же. С. 36.

44. Там же. С. 36-37.

45. Там же. С. 37-38.

46. Там же. С. 39.

47. Там же. С. 41.

48. Там же. С. 42.

49. Там же. С. 47.

50. Там же. С. 48.

51. Там же. С. 49.

52. Там же. С. 50.

53. Там же. С. 51-52.

54. Там же. С. 52.

55. Там же. С. 52

*«Прощать святое право...»
(М.Ю. Лермонтов и В.А. Лопухина)*

Рассказова Лариса Викторовна

(г. Пенза)

Стал общим местом тезис о скудости биографических документов о Лермонтове. Не последнее значение здесь имеет внутренняя закрытость поэта, почти полное отсутствие черновиков, писем, дневников и прочих документальных источников личного происхождения. Поэтому важное значение получают даже малейшие упоминания о поэте и, особенно, изучение его окружения, среды.

«О Лермонтове и Лопухиной написано много», – справедливо утверждает известный лермонтовед И.С. Чистова.¹ Среди основных источников можно назвать: воспоминания А.П. Шан-Гирея, монографию П.А. Висковатова, статью А. Комаровича об автобиографической основе «Маскарада»,² публикацию материалов «верещагинского архива»³ и исследование Н.П. Пахомова «Подруга юных дней»,⁴ подводящее своеобразный итог, в котором сведены все известные на тот момент биографические сведения о В.А. Бахметевой (1815-1851), урожденной Лопухиной, проанализированы её взаимоотношения с поэтом, определён «лопухинский» цикл произведений Лермонтова. Из последних по времени материалов можно выделить статью С.А. Бойко «К истории отношений М.Ю. Лермонтова и Вареньки Лопухиной»,⁵ в которой автор приходит к выводу об адресации стихотворения «Ребёнку» дочери В.А. Бахметевой, подтверждает дату создания этой пьесы (июнь 1838 года), а также составляет хронологию встреч Лермонтова и его любимой женщины, оставивших наиболее значительный след в жизни поэта.

Однако, как справедливо пишет И.С.Чистова, «одно дело – знать факты сами по себе, другое – увидеть их в особом освещении, в том историко-бытовом контексте, который может приблизить нас к истинному их пониманию».⁶ Поводом для моего небольшого исследования явилось упоминание четы Бахметевых – Николая Фёдоровича и Варвары Александровны – в мемуарах М.Д. Бутурлина, вышедших недавно впервые в полном объёме на русском языке.⁷ Имя графа Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807-1876), представителя «итальянской ветви» древнего рода, никогда не упоминалось в кругу знакомых М.Ю. Лермонтова, да он таковым и не являлся. Принадлежащий к высшему слою аристократии, он получил блестящее образование за границей, в Италии, куда навсегда переселились его родители. Граф Михаил Дмитриевич вернулся в Россию в 1824 году. Сын знаменитого библиофила, директора Эрмитажа, обладателя одной из лучших в Европе библиотек, он и сам был богато одарён: знал четыре языка, рисовал, обладал прекрасным голосом. Благодаря обширным родственным связям граф Михаил Дмитриевич был вхож практически во все самые известные гостиные, салоны и кабинеты. Он увлекался археологией, историей церкви, архитектурой, живописью, музыкой, был избран действительным членом Императорского Общества Истории и Древностей Российских. Его записки имеют авторский подзаголовок: «Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожил, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись». Записки составлялись автором во второй половине 1860-х годов.

О самом М.Ю. Лермонтове граф М.Д. Бутурлин упоминает всего два раза, повествуя о событиях своей жизни в Петербурге в 1839-1840 годах. Он пересказывает с чужих слов и очень неточно дуэль «поэта Лермонтова, тогда офицера лейб-гвардии гусарского полка», «с кем-то из Французского посольства»,

о которой говорила в обществе дочь историка Софья Николаевна Карамзина.⁸ Второе упоминание связано с именем известного для лермонтоведов лица, поэта и религиозного писателя А.Н. Муравьёва, хорошего знакомого мемуариста. «Возвращаясь к А.Н. Муравьёву. Итак, я убедился, что он вполне верующий человек, а не лицемерный ханжа. <...> В Петербурге был особый круг молодёжи около него, и в том кругу – Лермонтов».⁹ Тема взаимоотношений двух поэтов хорошо исследована, особенно благодаря недавним работам Н.А. Хохловой.¹⁰

Вернёмся к Бахметевым. Николай Фёдорович Бахметев (1798-1884), муж Вареньки Лопухиной, являлся дальним родственником графа Бутурлина через его жену, урождённую Нарышкину.¹¹ Мемуары дают возможность дополнить характеристику личности Николая Фёдоровича. Известно, что Бахметев явился прототипом нескольких персонажей Лермонтова: князя Лиговского, мужа героини драмы «Два брата», одноимённого князя в «Княгине Лиговской», князя, мужа Веры, в «Герое нашего времени». Известно эмоционально окрашенное, активно отрицательное, саркастическое отношение поэта к мужу любимой им женщины.

В лермонтоведении закрепились характеристика Н.Ф. Бахметева как человека недалёкого, даже злобного по отношению к памяти поэта. Авторитетный Н.П. Пахомов констатирует: «Замужество не принесло счастья Вареньке Лопухиной. Выйдя замуж за Н.Ф. Бахметева, богатого, но пожилого человека [на время замужества Вареньке было 20 лет, Николаю Фёдоровичу 37 – Л.Р.], безумно ревновавшего её к Лермонтову, потребовавшего расстаться с дорогими для неё лермонтовскими автографами и подаренными ей поэтом живописными произведениями, она тяжело переживала разлуку с любимым человеком и постепенно стала угасать».¹² Исследователи указывают, что жизнь Вареньки с Бахметевым была сплошным страданием, так как она вышла замуж за человека, очень далёкого от её умственных интересов и душевно ей не близкого. Все биографы, начиная с Висковатого, повторяют один и тот же вопрос, на который не находят ответа: «Что, собственно, побудило Вареньку выйти за Бахметева, мы утвердительно сказать не можем. Достоверного не слышали, а делать предположения – к чему?».¹³

Ничтожество мужа не мог простить Вареньке и Лермонтов. Справедливости ради надо сказать, что, на мой взгляд, дело было не только и не столько в ничтожестве «соперника». Лермонтов оказался в унижительном положении сравнения, причём во второй раз (после «измены» Н.Ф. Ивановой), чего он не мог вынести и простить никому. Тем более после того, как он открыл Вареньке душу, глубокую, гениальную, которую, по всей видимости, она смогла понять.

Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою
Мы случайно сведены судьбою, 1832.

Поэт сам оказался в оскорбительном положении адресата одного из своих ранних четверостиший:

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чёрт душа твоя!

1829.

На мой взгляд, с личностью Н.Ф. Бахметева необходимо определиться отнюдь не для восстановления исторической справедливости, поскольку все согласны, что Лермонтов явно субъективен в его обрисовке. Характеристики этой самой личности влияют на образ Вареньки, любимой женщины поэта: ведь никто не пишет, что замуж её выдали силой. Ситуацию можно сравнить, на мой взгляд, с коллизией женитьбы Пушкина, только «перевернутой»: сам Пушкин – человек глубокий, стихи его – чудесны, искренни и гениальны, да вот только та, кому они адресованы, любимая жена, которой он так долго и настойчиво добивался, и, кажется, был счастлив с нею – глуповата, пустовата, посредственна. Понадобилось долгое время, чтобы, наконец-то, убедиться, что это не так. И в нашей ситуации: Варенька – умна, мила, добра, восхитительна... Да вот только муж, ею выбранный на место Лермонтова, – ничтожество и глупец. Так ли это?

Наслаивается и ещё одно впечатление. А.П. Шан-Гирей в воспоминаниях пишет о встрече с Варенькой спустя три года после её замужества, летом 1838 года, в самых жалких красках: «Боже мой, как болезненно сжалось моё сердце при её виде! Бледная, худая и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде».¹⁴ Читатели невольно относят этот вид к следствию жизни бедной Вареньки с нелюбимым и убогим мужем и её затуханию от затаённой любви к Лермонтову. Так ли это?

Какие же сведения мы можем почерпнуть из записок Бутурлина? Для мемуариста Н.Ф. Бахметев – очень порядочный и приятный человек, а его брак с Варварой Александровной – очень счастливый.

Мы узнаём об обстоятельствах, в которых сформировался Николай Фёдорович. Тётка Н.Ф. Бахметева, Авдотья Ивановна Нарышкина, никогда не выходившая замуж, была сестрой его матери. Она взяла на воспитание племянников: Николая Фёдоровича и его сестру Анну Фёдоровну, выданную впоследствии замуж за кн. Николая Фёдоровича Голицына. Бахметева тётка любила как сына и сделала его наследником. Имевшая богатое имение Лопатино Тарусского уезда Калужской губернии, Авдотья Ивановна была благотельницей всего уезда, раздавала пособия всем и умерла в весьма преклонных годах.¹⁵ Домашний быт А.И. Нарышкиной был на старобоярской ноге, как бы перенесённый из допожарной Москвы.¹⁶ У Авдотьи Ивановны всегда с пышностью праздновался Никола Зимний – день ангела её воспитанника и племянника Н.Ф. Бахметева. На её именины и именины Николая Фёдоровича у неё обедало до 40 человек, к её пущей радости. Однажды у неё гостила несколько дней летом А.О. Смирнова-Россет с малолетними детьми, тогда её муж был калужским губернатором.¹⁷

Итак, Николай Фёдорович – сирота, рано потерявший мать. Лермонтова воспитывала бабушка, Бахметева – тётка. Обе страстно любили своих подопечных, всю жизнь заботились о них. Николай Фёдорович сформировался в среде того же старомосковского барства, что и Варенька Лопухина. Были общие знакомые, привычки, обычаи. Всё это рисует образ скорее симпатичный и не чужой для Вареньки.

Относительно возраста Н.Ф. Бахметева. С одной стороны, он был почти вдвое старше Вареньки. С другой стороны, её старшая сестра, друг М.Ю. Лермонтова, Мария Александровна Лопухина была всего на четыре года моложе мужа Вареньки. В произведениях же Лермонтов рисует его немощным стариком. Он не оставил без внимания даже болезненную слабость ног Бахметева, следствие тяжёлого заболевания в детстве, сделав своего князя в «Герое нашего времени» хромым подагриком.¹⁸

О бракосочетании Николая Фёдоровича мемуарист пишет: «Весной, чуть ли не в мае и вопреки общей почти боязни майских браков, была свадьба Н.Ф. Бахметева с В.А. Лопухиной в доме Лопухиных на

Молчановке. Хотя между ними было почти 20 лет разницы (Николаю Фёдоровичу было уже тогда не менее 40 лет от роду), супружеское их согласие прекратилось лишь со смертью Варвары Александровны в 1851 году».¹⁹

Весьма важно для нас свидетельство М.Д. Бутурлина о полном согласии в семье Бахметевых. Он не понаслышке знал эту семью. Зимой 1845-1846 годов жена Михаила Дмитриевича прожила «по настоящему приглашению Варвары Александровны» в доме Бахметевых в Москве, «напротив церкви Николы Явленного». Единственная дочь Бахметевых, Ольга Николаевна (в замужестве Базилевская), была одних почти лет с первой дочерью мемуариста Анетиной. Они стали учиться вместе и «по мере того, как росли, очень подружились».²⁰

Эти характеристики подтверждаются свидетельствами других людей, близко знавших Н.Ф. Бахметева, но не имевших встреч с поэтом. В частности, подробно описывает характер Н.Ф. Бахметева хорошо его знавшая (правда, уже глубоким стариком) О.Н. Трубецкая, внучка Алексея Александровича Лопухина, брата Вареньки и друга Лермонтова. Она не застала в живых саму Вареньку, да и её матери, Софье Алексеевне, было всего 10 лет, когда её тётя Варвара Александровна умерла, – но семейные предания Ольга Николаевна передаёт: «Вареньку долго и глубоко любил поэт Лермонтов, который был с ней в многолетней переписке. Любила ли она его, об этом никто из племянниц ничего верного не знал, но казалось, что, как пушкинская Татьяна, «она была другому отдана и век была ему верна»».²¹

Очень много для характеристики Н.Ф. Бахметева даёт история его женитьбы на Вареньке, ставшая известной мемуаристке от их дочери О.Н. Базилевской, следовательно, известная и Вареньке. Трубецкая рассказывает: «В 1835 году на московских балах стал появляться Николай Фёдорович Бахметев. Ему было 37 лет, когда он надумал жениться и стал ездить в свет, чтобы высмотреть себе невесту. Выбор его колебался между несколькими приглянувшимися ему девицами, и он молился, чтобы Господь указал ему, на ком остановить свой выбор. В этих мыслях он приехал на бал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая его обогнать, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака. Пришлось остановиться и долго распутывать бахрому, опутавшую пуговицу со всех сторон... Николай Фёдорович усмотрел в этом несомненное указание свыше – «перст», и посватался; человек он был с большим состоянием и безупречной репутации. Не знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметева было принято».²²

Любила ли Варенька поэта? Может быть, более жалела? Как ни странно, но ответа на этот вопрос нет. А.П. Шан-Гирей пишет о неизменной доброте и ласковости Вареньки, несмотря на все жизненные невзгоды. Из мемуаров О.Н. Трубецкой известно, что отец Вареньки был против её замужества с Лермонтовым, однако отец умер в 1833 году, и вроде бы препятствие было устранено.²³ Значит, не только в отце было дело.

А.П. Шан-Гирей свидетельствует, что «*в начале* своём оно [чувство Лермонтова к В.А. Лопухиной; курсив мой – Л.Р.] возбудило взаимность».²⁴ Лермонтоведы анализируют перипетии только любовного чувства поэта. Сам Лермонтов в стихах, посвящённых Вареньке, входящих в «лопухинский цикл»,²⁵ говорит о *своей* любви, а не о взаимной. «Моя любовь мне оборона» («Прими мой дар, моя Мадонна», 1831), «Звезда любви *моей*» (посвящение в «Измаил-бее», 1832) [курсив мой – Л.Р.]. Исключение, может быть, только в стихотворении К* («Оставь напрасные заботы», 1832): «Ты любишь – верю – и довольно»,

да в «Валерике» неясным намёком: «...что пользы верить // Тому, чего уж *больше* нет?» [курсив мой – Л.Р.] Возможно, что и было?

Нельзя не учитывать особенность индивидуального стиля поэта. «Многие лермонтовские стихотворения, озаглавленные “К*” <...>, представляют особый жанр монолога-исповеди, в котором лермонтовски сливаются интимность лирического чувства и личный тон философской медитации», – свидетельствует Л.М. Щемелёва.²⁶ Но вместе с тем, во всех посвящениях видна неуверенность, а в «Валерике» и констатация отсутствия ответного чувства.

Я кончил – и в груди невольное сомненье!
Займёт ли вновь тебя давно знакомый звук
Посвящение к 6-й редакции «Демона», 1838.

Что помню вас? – но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

.....

Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всём.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;

Валерик, 1840.

Правда, есть ещё постоянно цитируемый рассказ Юрия из пьесы «Два брата» (1834-1836), в котором он вспоминает о взаимной любви. Но, как бы ни была биографична эта пьеса, она всё-таки художественное произведение. Сравните, например, введённый мотив ревности Юрия к брату, реально не существовавшему. Можно вспомнить ещё из «Героя нашего времени» двойное замужество Веры, встречу её и Печорина в гроте, их ночное свидание в Кисловодске – вероятно, всего этого тоже не было в истории любви поэта. Об особенностях лермонтовского автобиографизма В.Э. Вацууро пишет, что «его нельзя понимать буквально: подлинны здесь только общие контуры социальных и психологических конфликтов.<...> Жизненный материал преобразован по законам литературного обобщения».²⁷ Со временем мотив неуверенности в любви Вареньки усиливается. Возможно, это уже связано с пониманием тех страданий, которые он ей причинил своими выходками.

На мой взгляд, подробнее и достовернее всех описана эта история у Висковатого, потому что он сам встречался со всеми её героями.²⁸ О муже Вареньки биограф пишет: «Возможно, что до него дошли слухи о том, как изображён он в некоторых ещё не напечатанных сочинениях поэта, если не самые сочинения. Но и того, что стояло в «Герое нашего времени», было достаточно, чтобы вывести из себя Бахметева».²⁹ Сам Павел Александрович не встречался с Бахметевым, но получил ответы на свои вопросы через третье лицо. Биограф поэта замечает, что хотя «Бахметев был, в сущности, «добрый человек»: по крайней мере, он слыл за такого ещё в начале 80-х годов», но «не прочь был позлословить о Лермонтове с братьями Мартыновыми <...>, да кой с кем из теперь ещё существующих в Москве лиц»,³⁰ в число которых сам Висковатов не входил, – следовательно, пользовался слухами. Николай Фёдорович был «особенно» против напечатания в 1860 году статьи А.П. Шан-Гирея, в которой тот впервые рассказывал об увлечении поэта и называл имя Варвары Александровны, вследствие чего статья появилась только в 1890 г. Есть ещё

одна «претензия» к Бахметеву, в которой мы разберёмся чуть позже. Вот, собственно, и весь список его «грехов».

Не в оправдание Н.Ф. Бахметева, а справедливости ради можно вспомнить, что при поверхностном знакомстве, – а у Бахметева не было даже и его! – Лермонтов производил впечатление человека пустого и легкомысленного, а ведь это были 1835-1836 годы, когда его большинство знало, прежде всего, как гусарского офицера, представителя золотой молодёжи.³¹ Не было ещё «Смерти поэта» и восходящей славы «наследника Пушкина», зато были «юнкерские поэмы», эпиграммы, наброски драмы («Два брата») и романа («Княгиня Лиговская») с самыми нелестными характеристиками, которые доходили до Николая Фёдоровича. Надо признать, что реакция мужа была адекватной. Ведь даже хорошо знавший и угадавший значение поэта В.Г. Белинский был обижен Лермонтовым при встрече в 1837 году. Что уж тут Бахметев!

Требуем уточнения упоминание «жалкого вида» Вареньки летом 1838 года, которое можно трактовать как результат страдания от потаённой любви. Но это не так. Как явствует из письма Елизаветы Аркадьевны Верещагиной к дочери от 1/13 июля 1838 г., причиной такого состояния явилась смерть новорождённого ребёнка: «Варенька и Николай Фёдорович были у нас в Петербурге и поехали купаться в Апсаль близ Ревеля. Очень худа, слаба, ребёнок, что родился, умер на третий день, а Олинька здорова».³² Та же корреспондентка в августе 1838 года сообщает: «Бахметевой очень помогли морские ванны, они в Петербурге, и Елизавета Алексеевна [Арсеньева, бабушка поэта – Л.Р.] пишет к нам, вчера получили, что Варинька у ней была, совершенно переменялась, здорова, весела».³³ Однако в сентябре 1838 года болезнь возобновилась, и в следующем году Бахметевы по совету врачей выезжают для лечения Вареньки за границу. О.Н. Трубецкая сообщает: «У дядюшки Бахметева было несколько человек детей, но в живых осталась единственная дочь Ольга».³⁴ Болезнь Вареньки, – по всей видимости, рак – была неизлечима, а роды подрывали слабые силы организма, и известие о смерти поэта лишь усугубило её тяжёлое состояние. Н.П. Пахомов цитирует письмо М.А. Лопухиной от 18 сентября 1841, в котором та сообщает об отказе больной от всякого лечения и связывает её нервное расстройство с вестью о гибели поэта.

Наконец, последнее. Лермонтоведы ставят в вину Н.Ф. Бахметеву его требование к Вареньке «уничтожить письма поэта и всё, что тот когда-либо ей дарил и посвящал»,³⁵ вследствие чего многие лермонтовские материалы были переданы Сашеньке Верещагиной и всё-таки сохранены. В «Лермонтовской энциклопедии» и в монографии о В.А. Лопухиной Н.П. Пахомов пишет о том, что Н.Ф. Бахметев заставил свою жену сжечь все письма и посвящения ей Лермонтова.³⁶ Но письма поэта уничтожались, как известно, не только «злобным» Бахметевым, но и другом поэта М.А. Лопухиной, одной из двух его подруг детства (вторая – А.М. Верещагина), в письмах к которой он был откровенен. Висковатов пишет: «Марья Александровна же уничтожала всё, где в письмах к ней Лермонтов говорил о сестре её Вареньке или муже её. Даже в дошедших до нас немногих листах, касающихся Вареньки и любви к ней Лермонтова, строки вырваны».³⁷ В то же время, в статье «Лермонтовской энциклопедии», посвящённой Марии Александровне, нет упоминания об уничтожении ею сведений о любви поэта.³⁸

Старушку «тётю Машу» О.Н. Трубецкая хорошо помнила и общалась с ней. Она свидетельствует: «Перед своей кончиной [в 1877 году – Л.Р.] М.А. Лопухина сожгла всю хранившуюся у неё переписку сестры, которую свято прятала, оберегая от нескромного любопытства биографов Лермонтова»³⁹ (а не от ревнивого мужа, заметим). Висковатов объясняет по-другому: «Виною тщательного уничтожения в письмах всего, что касалось Вареньки, был образ действия самого поэта, особенно по отношению к мужу

её».⁴⁰ Мария Александровна не сразу решилась на этот шаг. Ей привелось наблюдать, например, вакханалию с прототипом княжны Мери. Как пишет П.А. Висковатов, «мне известно до шести дам, которые утверждают, что княжна Мери списана с них, многие приводили мне *неопровержимые* тому доказательства!! Во всех их Лермонтов был влюблён серьёзно, о каждой говорилось, или даже сама говорила, что она была *единственною и настоящею любовью* Лермонтова».⁴¹ [Курсив автора – Л.Р.]. Для людей, знавших подлинную историю Вареньки, нечто подобное вокруг дорогих имён было непереносимо. Н.Ф. Бахметев по-своему был прав, всячески избегая публичности. Висковатов несколько раз пишет, что никто из окружения Николая Фёдоровича не догадывался о роли его жены в судьбе поэта. Лишнее подтверждение этому – в записках М.Д. Бутурлина, который нигде не соединяет имён Бахметевых и Лермонтова.

Возвыситься над личными обстоятельствами во имя литературного гения России у Н.Ф. Бахметева не хватило ума или душевных сил, да у него ли одного? У М.А. Лопухиной, писавшей о смерти поэта: «Я искренно её оплакиваю. Я его действительно очень, очень любила»,⁴² – тоже не хватило. А сколько таких случаев в истории литературы?

Итак, юношеская игра в байронизм оказалась для Лермонтова роковой. Жертвой его пала любимая женщина. Вывод свой П.А. Висковатов сформулировал чётко и определённо: «Неосторожная месть Лермонтова своему сопернику всю тяжестью упала на ни в чём не повинную Вареньку».⁴³ Таким образом, на совести Лермонтова не только «некрасивая история взаимоотношений с Сушковой» (Н.П. Пахомов), но и с любимой В.А. Лопухиной.

Но Бог был милосерден к нему и дал ему возможность ещё при своей и её жизни раскаяться. Из ссылки на Кавказ в 1838 году он вернулся совсем другим человеком, что чувствовал и сам, пишет П.А. Висковатый.⁴⁴ Летом 1838 и весной и летом 1839 года состоялись «дружественные и спокойные» встречи с Варенькой.⁴⁵

В.Э. Вацуро, характеризуя поздний период творчества поэта, пишет о «целом комплексе идей, среди которых мы сейчас отметим одну: искупительную, очищающую роль страдания. Страдание поэту есть мера внутренней ценности личности. Эта мысль повторяется во многих поздних стихах Лермонтова – например, в «Оправдании». Белинский очень точно угадал её и в «Герое нашего времени».⁴⁷ Стихотворение «Оправдание» некоторые исследователи включают в «лопухинский» цикл.

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, –
И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь, –
Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И станет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, –

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упрёком
Ты в оный час не помяни.
Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданием куплено тобой.

Оправдание, 1841.

По моему мнению, Варенька оказалась редкой среди увлечений поэта натурой, способной на жертвенную любовь и искупительное жертвенное страдание. Я думаю, страдала она не только от неудовлетворённой любви к Лермонтову, если таковая была, но и из-за того, что его мальчишеские выходки и намёки оскорбляли Николая Фёдоровича, человека, которому она доверилась, с которым связала свою жизнь, который считал их общую судьбу Божьим выбором. Его подозрения и ревность можно было понять, и она их понимала. Но она, как и Лермонтов, знала и то, что упрёки мужа за «мечь» Лермонтова были ею не заслужены, несправедливы. Это именно безвинная жертва, то, что в народе хорошо называется «без вины виноватая».

Н.Ф. Бахметев был, действительно, «недалёким», как называют его лермонтоведы и как изображает его сам поэт, но ведь ум – не единственное достоинство человека. Есть ещё порядочность, доброта, преданность, постоянство, верность, надёжность. Н.Ф. Бахметев бесконечно и до последнего дня заботился о своей больной жене. После её смерти он перенёс свою любовь на дочь, а затем воспитывал внука. Он вообще «льнул к семье Лопухиных», как пишет О.Н. Трубецкая, помнил дни рождения своих маленьких внучатых племянниц, дарил замечательные подарки, оставил одной из них целое состояние. Не случайно, что в характеристиках, которые давали современники В.А. Лопухиной и Н.Ф. Бахметеву, при всей разности их, совпадает одно слово: «доброта».

Примечания:

1. Чистова, И. С. Вступ. статья к публикации «Отрывков из семейной хроники» О.Н. Трубецкой // Русская литература. 1990. № 2. С. 178.
2. Комарович, А. Автобиографическая основа «Маскарада» // Литературное наследство. Т. 43-44. М.Ю. Лермонтов. Т. 1. М., 1941. С. 629-672.
3. Гладыш, И.А., Динесман, Т.Г. Архив А.М. Верещагиной // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1963. С. 34-62.
4. Пахомов, Н.П. Подруга юных дней. Варенька Лопухина. М.: Сов. Россия, 1975. В дальнейшем ссылка на это издание.
5. Бойко, С.А. К истории отношений М.Ю. Лермонтова и Вареньки Лопухиной // «Глубокий и могучий дух!»: материалы юбилейной конференции, посвящённой 190-летию М.Ю. Лермонтова. Москва, 7 октября 2004 г. М.: ЦГПБ им. Н.А. Некрасова, 2005. С. 8-16. В дальнейшем ссылка на эту публикацию с указанием страницы.
6. Чистова, И.С. Указ. раб. С. 178.

7. [Бутурлин, М.Д.] Записки графа М.Д. Бутурлина: в 2-х томах /науч. ред. М.А. Полякова. М., 2006. В дальнейшем ссылка на это издание с указанием тома и страницы.
8. Бутурлин, М.Д. Т. 1. С. 565.
9. Бутурлин, М.Д. Т. 1. С. 570.
10. См. о А.Н. Муравьёве и М.Ю. Лермонтове, кроме «Лермонтовской энциклопедии»: Хохлова, Н.А. Андрей Николаевич Муравьёв – литератор. СПб: Дмитрий Буланин, 2001 ; Она же. М.Ю. Лермонтов и А.Н. Муравьёв // «Я жил века...»: материалы пятых Лермонтовских чтений. 15-16 октября 2004 г. Ярославль, 2004. С. 46-59 ; Марков, А.Н. «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою» // Мера. 1994. №3. С. 32-36.
11. Бутурлин, М.Д. Т. 2. С. 71.
12. Пахомов, Н.П. б/пагинации.
13. Висковатов, П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. С. 259. В дальнейшем ссылки на это издание с указанием страницы.
14. Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 46.
15. Бутурлин, М.Д. Т. 1. С. 344. А.И. Нарышкину мемуарист называет тёткой своей жены.
16. Бутурлин, М.Д. Т.2. С. 205.
17. Бутурлин, М.Д. Т. 1. С. 361.
18. «Рассказывали, что в молодости он очень болел и однажды заснул летаргическим сном. Над ним служили панихиды. <...> Он восстал и выздоровел, но долго после этого лечился и страдал слабостью ног» (Трубецкая О.Н. Отрывки из семейной хроники // Русская литература. 1990. № 2. С. 183).
19. Бутурлин, М.Д. Т. 1. С. 387-388.
20. Бутурлин, М.Д. Т. 2. С. 71. Анетина умерла шестнадцати лет отроду.
21. Трубецкая, О.Н. Отрывки из семейной хроники/ вступ. ст. и публ. И.С. Чистовой // Русская литература. 1990. № 2. С. 182-183. В дальнейшем ссылки на эту публикацию с указанием страницы.
22. Трубецкая, О.Н. С. 183-184. Тот же отрывок (с того же оригинала): Чекалин, С.В. «Наедине с тобою, брат...». Записки лермонтоведа. Ставрополь, 1984. С. 47.
23. Ср. в статье Н.П. Пахомова в «Лермонтовской энциклопедии»: «...заставило В.А., вероятно под давлением родителей, в 1835 году выйти замуж за Н.Ф. Бахметева» (С. 265).
24. Шан-Гирей, А.П. М.Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 38.
25. Эти стихотворения, в том числе и предположительно адресованные В.А. Лопухиной, перечислены в статье Н.П. Пахомова в «Лермонтовской энциклопедии» (С. 265-266).
26. Щемелёва, Л.М. Прототипы // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 451.
27. Вацуро, В.Э. Художественная проблематика Лермонтова // Вацуро, В.Э. О Лермонтове: работы разных лет. М., 2008. С. 560-561.
28. См. главу 14-ю в монографии П.А. Висковатого, особенно С. 253, 256-261 в указ. издании.
29. Висковатов, П.А. С. 260.
30. Висковатов, П.А. С. 259-260.

31. Ср., например: «Нескромные стихи Лермонтова, писанные им в Школе гвардейских юнкеров и по выходе из неё, ещё тогда доставили ему известность между гвардейскими товарищами <...>. Эта печальная слава поэта<...> долго числилась за Лермонтовым, и случалось, что когда дамы зачитывались рукописными экземплярами “Демона”, мужья и братья с испугом хватались за рукопись, думая видеть перед собою одно из нескромных творений своего однокашника». (Висковатов П.А., С. 278).

32. Цит. по: Бойко, С.А. С. 13.

33. Цит. по: Бойко, С.А. С. 14.

34. Трубецкая, О.Н. С. 184.

35. Висковатов, П.А. С. 261.

36. Пахомов, Н.П. Лопухина Варвара Александровна // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 266.

37. Висковатов, П.А. С. 253.

38. Хмелевская, Е.М. Лопухина Мария Александровна // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 266.

39. Трубецкая, О.Н. С. 183.

40. Висковатов, П.А. С. 253.

41. Висковатов, П.А. С. 261.

42. Цит. по: Пахомов, Н.П. б/пагинации.

43. Висковатов, П.А. С. 261.

44. Висковатов, П.А. С. 258.

45. См. их подробный анализ в указанной статье С.А.Бойко.

46. Вацуро, В.Э. Художественная проблематика Лермонтова // Вацуро, В.Э. О Лермонтове: работы разных лет. М., 2008. С. 571.

Из рода Столыпиных

Коваленко Александра Николаевна

(г. Пятигорск)

«Скажите, а Столыпин – не тот ли, который реформатор?» – буквально так звучит один из самых популярных вопросов посетителей Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. И экскурсовод, вот уже в который раз, терпеливо объясняет, что поэт Михаил Юрьевич Лермонтов по материнской линии происходит из дворянского рода Столыпиных, что в Пятигорске летом 1841 года он снимал квартиру вместе со своим двоюродным дядей Алексеем Аркадьевичем, который был на два года моложе поэта. Что известный реформатор, премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин доводился Лермонтову троюродным братом и родился спустя двадцать один год после гибели поэта.

Род Столыпиных на Руси существовал уже в XVI веке, поколенная роспись рода начинается с Григория Столыпина. Его внук Сильвестр, родившийся в 1617 году, за участие в русско-польской войне 1654-1656 годов и за походы в Литву был пожалован царем Алексеем Михайловичем в дворяне: «... за многую его службу против польского и литовского королевства», а также получил вотчину в Муромском уезде, «и та вотчина ему и его детям и внучатам и правнучатам в роды их неподвижно».¹ Так возник дворянский род Столыпиных.

Но селцо в Муромском уезде вотчиной не стало. Предприимчивый Сильвестр Афанасьевич приобрел земли в более плодородной Пензенской губернии, в селе Архангельском, которое получило новое наименование «Столыпино».

Алексей Емельянович, правнук Сильвестра Афанасьевича, родился в 1744 году, и был отправлен на службу в Петербург, в лейб-компанию. Эта гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка была создана по распоряжению императрицы Елизаветы. Лейб-компанцы, приближенные к императрице, отличались буйным и веселым нравом. Вероятно, именно во время военной службы Алексей Емельянович подружился с преображенцем Алексеем Орловым и усвоил повадки, вкусы своего приятеля. Дружба с семейством Орловых продолжалась долгие годы. Об этом говорит тот факт, что крестным отцом дочери Алексея Емельяновича Екатерины (родилась в 1775 году) стал старший из братьев Орловых граф Иван Григорьевич, подаривший крестнице 20 тысяч рублей серебром и после, в разные годы, делавший ей дорогие подарки.²

Петр III, взойдя на трон, упразднил лейб-компанию. Произошло это в марте 1862 года. Впрочем, новому царю править державой оставалось всего несколько месяцев. Новая императрица, Екатерина II, вновь приняла на службу большую часть лейб-компанцев в формировавшийся кавалергардский полк. Однако отставной поручик А.Е. Столыпин на военную службу не вернулся. Он немного проучился в Московском университете, а затем занялся практическими делами помещика. Связь с теперь уже влиятельным другом Алексеем Орловым не прекратилась, и, благодаря этому, Столыпину удалось получить право на винные откупа. Он основал в селце Столыпине винокуренный завод, который стал приносить отставному поручику хорошие доходы. Постепенно Столыпин смог приобрести имения в Саратовской и Симбирской губерниях, купить дома в Пензе и Москве, а позже стать и кавказским помещиком, где в начале XIX века появилось имение «Ново-Столыпино».

Ново-Столыпино

Во всех статистических сборниках по Ставропольской губернии XIX века дата основания деревни Ново-Столыпино указана одна: 1807 год. Она же подтверждается и документами, которые разыскал сотрудник пятигорского музея «Домик Лермонтова» С.И. Недумов в Государственном архиве Ставропольского края.

Но в тех же статистических сборниках есть сведения о другом ставропольском селе – Отказном, находившемся в соседстве с Ново-Столыпиным. «Село основано в 1784 году на казенной земле, – сообщает А. Твалчрелидзе. – При основании села переселенцам было предложено место «Столыпинка», но они отказались от него и поселились на настоящем местонахождении села, отчего оно и получило название Отказного».³

Мы сейчас можем лишь только предполагать – принадлежали ли земли на Кавказе А.Е. Столыпину в XVIII веке или нет – никаких документальных свидетельств тому нет. Но быть такое могло, если исходить из реалий заселения русскими земель на Северном Кавказе.

В 1774 году, после окончания русско-турецкой войны, обширные земли Большой и Малой Кабарды отошли под протекторат России, влились в обширную Астраханскую губернию. По предложению Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Потемкина на южной границе России были выстроены «укрепленные селения», то есть оборонительные крепости, как принято их

называть сейчас. Первыми поселенцами стали казаки Волгского войска и Хоперского полка, а затем сюда стали переселять и крестьян из внутренних губерний России.

Известный знаток и историк Кавказа П.Г. Бутков отмечал: «Как к умножению поселений на линии именным указом, данным сенату 22 декабря 1782 года дозволено князю Потемкину раздавать земли по линии Моздокской желающим под поселение, с 1784 года и начали являться на Кавказской линии деревни князя А.А. Вяземского, князя А.А. Безбородко, графа А.Р. Воронцова, графа И.Г. Чернышева и др.».⁴ Среди «других» мог быть и дворянин Алексей Емельянович Столыпин, и сам Кавказский наместник Г.А. Потемкин. Ведь сохранилось же в памяти у жителей другого села, Солдато-Александровского, что земли, на которых оно расположено, когда-то принадлежали Потемкину.⁵

Екатерина II намеревалась очень быстро освоить новые земли, считая, что военные действия закончатся быстро, и на Кавказе установится мир. Тогда еще никто не мог предположить, что конфликты здесь будут то затихать, то вспыхивать вновь, перейдя в длительную Кавказскую войну, которая завершится лишь в 1864 году. А тогда, в конце XVIII века в окрестностях Георгиевской крепости было относительно тихо. Здесь-то и появилась в 1807 году деревня Ново-Столыпино или Столыпинка.

В рескрипте на имя Кавказского и Астраханского губернатора графа И.В. Гудовича от 7 декабря 1807 года император Александр I указывал: «Министр внутренних дел донес мне о доставленных Вами сведениях по просьбе отставного поручика Столыпина об отводе ему для поселения и разных хозяйственных заведений до 4000 десятин земли, Кавказской губернии в Георгиевском уезде по течению реки Кумы между дач казенных селений Солдато-Александровского и Отказного состоящей... Я поручаю Вам:

1. Просимый Столыпиным участок до 4000 дес. в себе заключающий, отвести ему, на точном основании общих правил, для раздачи земель под поселение крестьян существующих...

2. Живущего на сей земле узденя [кабардинского князя – А.К.] Бегидова, с его подвластными, согласно назначению Вашему, переместить на прежнее его кочевье, при речке Етоке, или в другое, способное, по вашему усмотрению место...».⁶

Мы предполагаем, что на приобретение значительного земельного участка Алексей Емельянович решился, заранее обдумав выгоды от вложения в новое имение финансовых средств. Деньги же могли появиться после продажи им в конце 1806 года собственной театральной труппы крепостных актеров и оркестра музыкантов с их детьми. До того времени крепостные актеры Столыпина почти в полном составе выступали в Москве, в Петровском театре. Император Александр I нашел возможным приобрести труппу и оркестр за 32 тысячи рублей.⁷

Алексей Емельянович не имел возможности постоянно заниматься своим кавказским имением и 1 мая 1808 года выдал доверенность на ведение дел своему дворовому человеку Савелию Петрову. Но у Столыпина появились совсем неожиданные трудности: крестьяне соседних сел Отказного и Солдато-Александровского самовольно запахали значительную часть земель нового имения, да еще сумели удержать этот спорный кусок в своих руках.

Трудно сказать, какой доход приносили помещику Столыпину новые земли и новое имение. Но он не оставлял его без внимания. К тому же на Кавказе было еще одно место, привлекательное для Алексея Емельяновича. Это Кавказские Минеральные Воды. Как отмечал современник, Столыпин под старость страдал от подагры и геморроя и даже летом ходил в бархатных на байке сапогах.

В начале XIX века Кавказские Минеральные Воды, этот российский курорт, только начинал развиваться. Слава о чудодейственной силе горячих серных вод и холодного кислого нарзана уже докатилась до глубин России. Ничто не останавливало путешественников – ни дальняя утомительная дорога, ни опасность быть взятыми в плен «хищниками», как называли русские местных жителей-аборигенов, ни отсутствие комфорта на водах.

Алексей Емельянович не был исключением. Надеясь на чудо, он приезжал к Горячим водам в 1813 году вместе с одним из своих сыновей и «двадцатью восемью людьми». В 1815 году отставной гвардии поручик вновь прибыл на Горячие воды. Где он жил, сказать трудно, ведь поселок только-только застраивался обывательскими домами, которые и на дома-то похожи особенно не были: скромные деревянные или турлучные мазанки. Столыпин мог нанять и калмыцкую кибитку, одну из тех, что кочевники привозили на сезон к минеральным источникам. Лето он провел на водах в обществе своей дочери Екатерины Хастатовой, кавказской помещицы. А в 1817 году до Горячих вод Алексей Емельянович и вовсе не доехал. Он отправился в путь в июне, но по дороге тяжело заболел. Близкий друг семьи М.М. Сперанский сообщал сыну помещика, Аркадию Алексеевичу, о том, что его отец скончался «за 50 верст не доезжая Теплых вод, ... тело добродетельного страдальца предано земле, но где именно не пишут».⁸

В Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) С.И. Недумов нашел еще одно письмо Сперанского с подробностями о кончине Алексея Емельяновича: «Он умер как младенец, был до самой минуты весел и покоен; небольшая спазма заставила его остановиться и спросить чаю; между тем как готовили, он вздохнул и сей вздох был последний. Александра Алексеевна держала его руку. Все кончилось, не доезжая только 30 или 40 верст новопоселенной им деревни, куда тело его и будет перевезено, а между тем погребен он в ближайшей деревне».⁹

Если эти намерения были осуществлены, значит прах Алексея Емельяновича Столыпина покоится в кавказской земле, близ города Георгиевска.

После кончины Алексея Емельяновича Ново-Столыпино перешло во владение сына, Николая Алексеевича, а после его неожиданной смерти в 1830 году, было разделено между другими детьми – Александром и Афанасием Алексеевичами и семьями умерших к этому времени Дмитрия и Аркадия. На долю каждого из наследников пришлось по 700 десятин.

В 1844 году с помощью своего двоюродного дедушки Афанасия Алексеевича часть имения купил Аким Павлович Шан-Гирей.¹⁰ Но, прежде чем рассказать об этом владельце Ново-Столыпино, вспомним о его бабушке, Екатерине Алексеевне Хастатовой, урожденной Столыпиной.

Хастатовы

У Алексея Емельяновича Столыпина было одиннадцать детей. Всем им он постарался дать достойное воспитание и образование, приглашал в свое Симбирское имение, где обосновалось семейство, домашних гувернеров-французов. Сыновей своих он определил на службу в Конногвардейский полк, дочерей же обеспечил хорошим приданым.

«Девушки, дочери его, – вспоминал современник Столыпина А.М. Тургенев, – почтенные благородные дамы; сложение дам елизаветинского века, плечистые, благообъятные, благоприятные! Бюст возвышенный опирался на твердом, массивном пьедестале, но природа, наградившая их щедро во всех отношениях, наделила девиц неграциозным длинным носом; едва ли не нос был виновником

театрального заведения в доме г. Столыпина. В Симбирской отчине проживая, девицы боярышни извоили сами занимать высокие амплуа в трагических пьесах».¹¹

Мемуары А.М. Тургенева относятся к 90-м годам XVIII века, когда А.Е. Столыпин имел собственный дом в Москве, в Большом Знаменском переулке. Здесь-то и выступала столыпинская труппа крепостных актеров. Ставили в Столыпинском театре оперетты и пользовался он в Москве большой популярностью,¹² и, наверное, в какой-то степени был средством привлечения женихов для старших дочерей Алексея Емельяновича.

Старшая из «боярышень», Елизавета, вышла замуж за капитана в отставке М.А. Арсеньева. Это – бабушка поэта М.Ю. Лермонтова. После смерти единственной дочери всем смыслом дальнейшей жизни Елизаветы Алексеевны стала забота о единственном внуке – Михаиле Юрьевиче Лермонтове.

Не менее замечательной личностью была третья дочь Столыпина – Екатерина.

Некоторые историки, в частности П.А. Висковатый, отмечают, что дочери Алексея Емельяновича выходили замуж уже в почтенном возрасте. «Одна из девиц дочерей Алексея Емельяновича, – вспоминал А.М. Тургенев, – заметив в зеркало на лице расположение к образованию морщинки, выслушала благосклонно генерал-майора армянского племени и закона, Хастатова, и приняла предложение соединиться узами законного брака.

Боже мой! Какой гвалт в Москве белокаменной подняли замоторелые княжны, графини и просто дворянские дщери... кричат, как благородной девице вступить в супружество с армянином! Да ведь она погубила свою душу!».¹³

Однако ошиблись «замоторелые девицы»! Екатерина Алексеевна в браке была счастлива, несмотря на большую разницу в возрасте. А.М. Тургенев отмечал доброту и благонамеренность в характере Акима Васильевича Хастатова, в обществе его любили. Кстати, Хастатов в это время имел чин подполковника или полковника, награжден орденами.

Молодые поселились вначале в Петербурге, а затем, после рождения старшей дочери Марии Аким Васильевич вышел в отставку. Хастатовы переехали на Кавказ в имение генерала Шелкозаводское или Земной Рай. «Рай» находился на берегу Терека, под прикрытием русской крепости Ивановской. На противоположном берегу была уже земля немирных чеченцев.

Еще до «персидского» похода Петра I, в 1710 году на левом берегу Терека армянский купец Сафар Васильев выстроил завод для переработки шелка-сырца в селе Сарафанникове. Так появилось имение Шелкозаводское. В 1764 году завод перешел в собственность Хастатовых. В Шелкозаводском, кроме крепостных Хастатова жили казенные крестьяне, армяне и грузины, потомки освобожденных Петром I персидских пленников. Это было также местом для торговли.

Неподалеку от Шелкозаводского находился хутор Парубочево, где часто отдыхала семья Хастатовых.¹⁴

Екатерину Алексеевну прозвали «авангардной помещицей». Она так привыкла к постоянной войне, что мало обращала внимание на опасность. «Если тревога пробуждала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: «Не пожар ли?» Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон».¹⁵

О бесстрашии Екатерины Алексеевны говорит и другой факт. Когда Хастатова жила в имении, горцы часто нападали на русские поселения. Не избежало этой участи и Шелковое. Однажды они застигли

врасплох Екатерину Алексеевну с малолетним внуком Акимом. Но она не растерялась, встала в простенке и спрятала мальчика под своей широкой юбкой. Горцы не тронули смелую женщину и ушли. Так Екатерина Алексеевна спасла внука от смерти.¹⁶

У Хастатовых было трое детей. В 1809 году Аким Васильевич умер, и Екатерине Алексеевне самой пришлось заниматься хозяйственными делами, хоть имение и перешло под опеку ее брата Аркадия, а после его смерти зятьев: П.И. Петрова и П.П. Шан-Гирея. Но те мало вмешивались в дела имения. Екатерине Алексеевне пришлось вести трудную тяжбу с племянниками покойного мужа. Она проявила незаурядную энергию, тяжбу выиграла и аккуратно выполняла все государственные повинности.¹⁷

Когда в 1812 году началась Отечественная война против Наполеона, Е.А. Хастатова была среди тех кавказских помещиков, кто, как мог, помогал Отечеству в трудное время. В списке дворян, «кому именно старейшим в дворянском роде женска пола по Кавказской губернии розданы бронзовые медали, установленные для дворянства в память 1812 года», значится и вдова, генерал-майорша Екатерина Алексеевна Хастатова.¹⁸

В 1825 году Хастатова добилась утверждения своих детей в дворянстве по заслугам отца. Они были записаны в родословную книгу Кавказской области, во вторую часть. Сюда заносили дворян, которые приобрели это звание чинами на военной службе.

Имя Екатерины Алексеевны значится и в числе первых поселенцев на курортах Кавказских Минеральных Вод. Она имела усадьбы на Горячих и Кислых водах. Горячие воды – будущий Пятигорск, а Кислые – Кисловодск.

В 1818 или 1820 году Екатерина Алексеевна купила на Горячих водах, в глубине Горячеводской долины, небольшую усадьбу. Зимой она пустовала, зато с мая жизнь в ней оживлялась, как, впрочем, и во всем поселении в курортный сезон. Летом в Горячеводском имении Хастатовой жили друзья, в частности, в 1818 году Козьма Михайлович Сперанский, коллежский советник и кавалер, числящийся при герольдии. Многочисленные родственники приезжали сюда из разных мест России, чтобы вместе провести лето.

Екатерина Алексеевна умерла в 1830 году неожиданно, от холеры. Правнучка Хастатовой Евгения Акимовна Шан-Гирей рассказывала: «Екатерина Алексеевна умерла и была похоронена в Георгиевске (я была на ее могиле). Она была образованная, энергичная женщина. Когда была холера, несколько человек среди ее людей заболели холерой, все растерялись и никто не хотел до них дотронуться, она сама пошла к ним, собственноручно растирала их и принимала все необходимые меры, и своим примером заставила делать то же; сама обо всем распорядилась, спасла этих людей, но потом переутомленная заразилась, заболела сама и умерла».¹⁹

После смерти Хастатовой имение Шелкозаводское и Горячеводская усадьба перешли ее младшему сыну – Акиму Акимовичу. На его долю выпала печальная участь вернуть В.Ф. Одоевскому записную книжку с последними стихами Лермонтова, своего двоюродного племянника. Видно, не хотелось ему расставаться с книжкой, а, может быть, okazji не было, и Одоевский получил от Акима Акимовича свою «старую и любимую книгу» спустя два года после гибели Лермонтова. «Выхожу один я на дорогу», «Спор», «Тамара», «Листок», «Утес», «Пророк» и другие стихи Лермонтов записал на ее страницах. Мы называем их жемчужинами русской поэзии. Сейчас эта драгоценная реликвия хранится в Российской Национальной библиотеке в Петербурге.

В начале XX века на месте бывшей городской усадьбы Хастатовой в начале главной, Царской улицы в Пятигорске, появилось красивое здание Нижних Ново-Сабанеевских, ныне Пушкинских ванн.

Аким Павлович Шан-Гирей

Маленький Акимушка был на четыре года младше своего троюродного брата Мишеля Лермонтова. Его мама, Марья Акимовна Шан-Гирей, урожденная Хастатова, была любимой племянницей Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, которая даже имение Апалиха купила рядом со своим, для семейства любимой Машеньки. А Лермонтову Мария Акимовна заменила рано умершую мать. Как это было заведено в большой дружной семье Столыпиных, братья были очень близки, их детство прошло в Пензенской губернии, в имении Тарханы, которое принадлежало бабушке Мишеля.

В 1825 году на Горячие воды съехались Столыпины, Арсеньева с внуком, Хастатова с детьми и внуками. Все лето провели они на водах, среди живописной кавказской природы.²⁰ В альбоме тетушки Лермонтов сделал рисунок акварелью: почтовый тракт, озеро, на горизонте горы Бештау, Развалка, Змеиная. Он старательно выводит под рисунком: «13 июня 1825 года на Теплых водах».²¹ Судя по дате, это был подарок тетиньке ко дню рождения ее сына Акимушки.

Аким Шан-Гирей и позже жил в доме Арсеньевой в Москве, а затем переехал вслед за троюродным братом в Петербург. Отношения у них были не только родственные, но и дружественные. Шан-Гирей учился в Артиллерийском училище, часто встречался с поэтом. Аким был одним из тех немногих людей, которые по духу были близки Лермонтову, посвящен в его творческие замыслы. Лермонтов диктовал ему свои сочинения, у него хранились многие лермонтовские рукописи. Сам весьма неплохой художник, Аким Павлович сделал копию с портрета Лермонтова работы П.Е. Заболоцкого.

Братья встретились в последний раз в Петербурге в 1841 году. Шан-Гирей вспоминал позже, как Лермонтов писал стихотворение «Последнее новоселье», а он успел за это время набросать карандашом профиль поэта.²² Он запомнил, как на замечание о том, что за издание стихов можно получать деньги, Лермонтов ответил, смеясь, словами Гете: «Песня, которая льется из уст, сама по себе есть лучшая награда».²³ Когда Лермонтов погиб, по просьбе его бабушки Аким Павлович разбирал вещи поэта. Рукописи и книги он передал в Публичную библиотеку в Петербурге, а себе оставил его письменный стол и кресло, и некоторые другие дорогие сердцу предметы.

В 1842 году Аким Павлович стал адъютантом начальника полевой конной артиллерии И.А. Арнольди, служил в Кременчуге, но отношения у него с начальством не сложились, о чем он с грустью сообщал родственникам.²⁴ В 1844 году Шан-Гирей взял отпуск, а затем вышел в отставку и переехал на Кавказ.

К этому периоду и относится его приобретение Ново-Столыпиновки у вдовы Дмитрия Алексеевича Столыпина. Как мы уже упоминали, в этом Акиму помог его двоюродный дедушка Афанасий Алексеевич, с которым Аким имел самые теплые отношения. А.П. Шан-Гирей перевез в имение вещи из Петербурга, в том числе дорогие ему кресло и письменный стол Лермонтова.

По документам, хранящимся в Государственном архиве Ставропольского края, в деревне Ново-Столыпино Аким Павловичу принадлежало 3227 десятин земли, пахотной и сенокосной 2780 десятин, неудобной – 400, дровяного лесу – 17, под садами, усадьбами и выгонами – 30. В деревне проживало 122 человека. Они занимались скотоводством и хлебопашеством, полученный продукт сбывали частью на

месте, а частью на соседних базарах. Деревянный господский дом состоял из пяти комнат «со всеми принадлежностями», при нем был виноградник, фруктовый и тутовый сад.²⁵

Какое-то время отставной поручик жил в губернском Ставрополе, но довольно быстро покинул его, продал дом, который достался ему от двоюродной сестры, Екатерины Жигмонт,²⁶ и стал жителем Пятигорска. Его имя причастно к строительству самого крупного сооружения в Пятигорске, Спасского собора. Заложенный в 1847 году храм строился по предложению императора Николая I, посетившего Пятигорск. С 1850 по 1852 год имя предводителя дворянства А.П. Шан-Гирея, значится в списке членов комитета по постройке Спасского собора.²⁷

Для Акима Павловича это были знаменательные годы. Он женился на Эмили Александровне Клингенберг, падчерице генерала Верзилина, и поселился в том доме, где когда-то произошла роковая ссора его любимого брата Михаила Лермонтова с Н.С. Мартыновым. Эмилия Александровна, бывшая пятигорская красавица, наверное, не раз рассказывала своему супругу о том роковом вечере и роковых словах поэта, решивших его судьбу. Она, одна из хозяек дома, была свидетелем ссоры. А может быть, именно причастность Эмили Александровны к тем событиям стала главной причиной этого брака. Их дочь, Евгения Акимовна, в замужестве Казьмина, на склоне лет, по просьбе сотрудников музея «Домик Лермонтова», написала воспоминания о родителях. Самые теплые слова ее сказаны об отце и не только потому, что она была дочерью Акима Павловича. Своими делами, поступками он заслужил уважение среди окружающих.²⁸

Аким Павлович не оставлял без внимания Ново-Столыпино, которое все чаще на Кавказе звали Столыпинкой. Однажды, рассказывала его дочь, он отправился туда по делам и решил забрать в Пятигорск стол и кресло Лермонтова. Прошло совсем немного времени, и случился пожар: имение сгорело дотла. Шан-Гирей уже не восстанавливал здесь свой дом в прежнем виде, а значительная часть крестьян вообще переселилась в село Солдато-Александровское. Тем более дорогими стали в его семье памятные лермонтовские вещи.

Аким Павлович усердно занимался сельским хозяйством. Он построил две мельницы на реке Куме, составил проект о проведении воды из реки Малки в речку Золку, который, к сожалению, так и остался без внимания правительства. Но эти занятия пришлось оставить: пожар в Столыпинке нанес помещику Шан-Гирею серьезный материальный ущерб. Пришлось заложить усадьбу за 20 тысяч рублей.

Весной 1860 года для оформления необходимых документов Аким Павлович отправился в Петербург. По пути он заехал в Чембар и к отцу в Апалиху, посетил Тарханы. Здесь-то в любимых с детства местах и были написаны им воспоминания о Лермонтове, датированные «10 мая 1860 года г. Чембар»: «Двадцать лет ждал я напрасно; наконец судьба привела меня в те места, где тридцать три года тому назад так весело проходило мое детство и где я нашел теперь одни могилы. Всякий из нас нес утраты, всякий поймет мои чувства. Под влиянием этих чувств я преодолел свою нерешительность и взялся за перо. Не беллетристическое произведение предлагаю публике, а правдивое описание того, что происходило в жизни человека, интересующего настоящее время».²⁹

В 1866 году А.П. Шан-Гирей отдал в аренду Ново-Столыпинку и дом жены в Пятигорске, вновь поступил на государственную службу, уехал в Закавказье и лишь изредка приезжал в Пятигорск. В 1881 году он встретился здесь с биографом Лермонтова П.А. Висковатым, который приехал на Кавказ для сбора материалов о Лермонтове и посетил А.П. Шан-Гирея. По свидетельству дочери Аким Павлович принял

участие и в первом в России чествовании памяти М.Ю. Лермонтова, состоявшемся 15 июля того же года в Пятигорске.³⁰

В том же 1881 году решилась и судьба Ново-Столыпиновки. Шан-Гирей расстался с имением, оно перешло в другие руки. Дальнейшую судьбу столыпинских земель на Кавказе выяснить не удалось. Вероятно, именно на этих землях в 1965 году было сооружено Отказненное водохранилище – место, куда любят приезжать пятигорчане: отдохнуть на лоне природы, заняться рыбалкой. Им невдомек, каким образом эти места причастны к биографии Лермонтова.

Аким Павлович умер 8 декабря 1883 года в Тифлисе. Его прах привезли в Пятигорск и захоронили в семейном склепе Верзилиных, под старой кладбищенской церковью.

В первые годы советской власти и после окончания Великой Отечественной войны склеп был пристанищем беспризорников, но в начале 50-х годов XX века стараниями руководства музея «Домик Лермонтова» склеп замуровали.

В 1978 году, мы, тогда еще молодые музейщики, готовили проектную документацию для реставрации места первоначального захоронения М.Ю. Лермонтова. Реставраторы вскрыли и склеп, чтобы узнать состояние его сводов. Ну, как было не забраться внутрь, с фотоаппаратом и фонариком? Вынув глыбу черного мрамора с надписью: «Шан-Гирей Иоаким Павлович, 64 года. Скончался 8 декабря 1883 года», которая закрывала лаз, мы с трудом протиснулись в подземелье. В небольшом темном пространстве было пусто. Лишь на разрытой земле лежало несколько человеческих ребер. Чьих? Марии Ивановны Верзилиной? Эмилии Александровны или Акима Павловича Шан-Гирея?

Стало не по себе, и мы быстро выбрались наружу, поставив на место мраморную глыбу.... Фотографии, теперь уже ставшие историческими, хранятся в фондах Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Нет, он не был жителем Кавказа, в отличие от своих родственников не имел здесь поместий. Но никто другой не смог так поэтически воспеть край дикий, «жилище вольности святой», как сделал это Лермонтов. Его жизнь, его смерть так тесно связаны с нашим городом, что до сих пор его часто называют «Лермонтовским Пятигорском».

В лермонтоведении прочно утвердилась версия о том, что поэтический талант Лермонтова перешел по наследству от его далекого шотландского предка Томаса Лермонта. Но были у поэта более близкие по времени предки, русской крови, от которых мог по воле Божией перейти поэтический дар к Михаилу Юрьевичу. Его три двоюродных деда по линии бабушки – Аркадий, Николай и Дмитрий Столыпины – в юности увлекались литературным творчеством, писали стихи и прозу, публиковали их в журналах конца XVIII - начала XIX века.

Так, в 1794 году Николай Столыпин в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» поместил свое первое произведение «Первый урок любви», в «Новой русской литературе» опубликованы его стихотворения «Восторг», «Превратность», «Весна», «Надгробие великому Суворову», «К Лизе».

В 1801 году в журнале «Ипокрена» Дмитрий Столыпин познакомил читателя с «Надгробной князю Репнину», в следующем 1802 году «Новая русская литература» поместила его стихотворение «Птичка».

Но для кавказских литературоведов более интересно творчество Аркадия Алексеевича Столыпина.

Аркадий Алексеевич Столыпин

В молодости он увлекался поэзией, писал стихи сам и обсуждал их с друзьями. Просматривая в 1962 году журнал «Приятное и полезное препровождение времени», который издавался в 1794-1799 годах, известный лермонтовед В.А. Мануйлов обнаружил стихотворение, написанное в сентиментальном духе, подписанное инициалами «А.С.». Стихотворение называлось «Письмо с Кавказской линии к другу моему Г.Г.П. в Москве».

После тщательного исследования Мануйлову удалось установить автора. Им оказался двоюродный дед М.Ю. Лермонтова Аркадий Алексеевич Столыпин. Он сотрудничал в журнале с 1794 года, а в 1795 году, кроме этих стихов, за его полной подписью были опубликованы прозаические произведения «Благодетельный государь» и «Отчаянная любовь».³¹

В Георгиевске, неподалеку от тех мест, где затем обосновал свое имение его батюшка, Аркадий Алексеевич написал строки, благодаря которым русская литература впервые прикоснулась к теме Кавказа и Кавказских Минеральных Вод, и которая тремя десятилетиями позднее в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Д.П. Ознобишина и других русских поэтов и писателей приобрела общенациональный характер и наполнилась особым глубоким смыслом. Вот эти стихи:

Ты укоряешь в том, любезный друг! меня,
Что позабыл совсем я Фебова коня,
Иль просто, так сказать: стихов уж не пишу;
Что тем перед тобой и пред собой грешу,
Оставля общее с тобою упражненье,
В котором находя приятно утешенье,
Испытывали мы способности свои:
Кропали кое-что и вместе то читали,
И мнения свои друг другу сообщали;
Потом давали мы другим на строгий суд —
И часто похвалой был награжден наш труд.
Коль можно то почесть, как ты сказал, виною,
Так я в том виноват лишь только пред тобою,
Что упражняться в том, что любишь ты, престал,
И три года к тебе стихами не писал.
А впрочем, знаешь ты, что я не стихотворец,
И на пример сказать: что значит одноворец
Между больших бояр, так я между Пиит.
Однако мне мой друг стихи писать велит,
Я их к нему пишу, долг службы исполняя,
От критики твоей цены им ожидая.
Ты пишешь, что у нас в степи утех здесь нет:
На то я искренне скажу тебе в ответ,
Что радости нет быть соседом Кабардинцев,
Татар, Калмык, Черкес, Чеченцев, Абазинцев,

У коих головы обриты до гола.
Их лица дикия покрыла тускла мгла,
У них крутые лбы, у них глаза кровавы,
Их лица вывеска, что их суровы нравы:
Но служба, где их долг, где честь велят им быть,
Там без роптания должны мы всё сносить!
Обязанностей сих прямое исполнение
Отраду нам дает, и в грусти утешенье;
На скучну жизнь везде лишь жалуется тот
Кто в праздности свой век без должности живет.
Но чтоб от цели мне своей не удалиться,
В Кавказский край опять я должен обратиться.
Сей край обширностью, мой друг! как не велик;
Но в качестве своем не столько пуст и дик,
Не столь имеет он вид мрачный и суровый,
Как многи думают; напротив, край здоровый,
Довольно населен Российскими людьми:
Обилен хлебом он, обилен овощьми,
Зверьми и птицами и всем, что в жизни нужно;
В нём можно жить всегда приятно и не скучно.
Когда бываешь ты в театрах иль в домах,
В воксале, на пиру при дружеских столах,
В большом собрании иль в пестром маскараде,
На садке Дицовой или в другом параде —
Не думаешь ли ты среди веселий тех,
Что мы здесь лишены подобных сих утех?
У нас здесь также есть приятные собранья:
Бывает маскарад, весёлые гулянья,
Которы заменить нам могут ваш воксал;
Недавно фейерверк в честь дамы здесь блистал —
Достойна жертва той, которой посвященна,
Любовью чистою супружней возженна!
Но как мне виды те Природы описать,
К которым жаден ты — позволь мне так сказать!
Которые к себе все чувства привлекают,
И сердце веселят и мысли восхищают?
Вот что встречает здесь обворожённный взор:
Там представляются хребты Кавказских гор,
Взимающих чело за облака густыя;
От снега вечного и льду они седяя!

Их отрасль лучшая, Эльбрус двуглавной там.
Картину подает прекрасную глазам,
И белой верх его лучами позлащает.
Тут черных гор ряды, поближе к нам в виду,
Являют новую приятность, красоту;
Лиются между них ревущи водопады:
Тут камни дикия, развалин тут громады,
Меж коими стада, от зноя удалясь,
Оставляя корм в полях, лежат в полдневный час;
Пасущий их Черкес в свою свирель играет,
И эхо дику песнь в пещерах повторяет.
Везде стремительно бьют свежие ключи;
Над ними зыблются вокруг солнечны лучи.
Здесь попечительность всещедрая Природы
Из недр земных дает целебны воды,
Там наподобие Шампанского вина,
Кипит ключ кислых вод, всех вкус к себе маня,
И пьющие из них все пользу ощущают;
Тут тёплых вод ключи премногих излечают.
Вот часть приятностей, что всякий здесь найдет!
Но для меня, мой друг! – здесь Катинька живет;
Сего довольно мне — я всё позабываю,
Хоть более писать об ней и не дерзаю;
Не может стих простой ей дани принести –
Будь щастлив и здоров, мой милый друг, прости!

Георгиевск, 19 сент. 1795

И хотя мы с осторожностью относимся к некоторым доказательствам авторства стихов, приведенным Мануйловым, все же сегодня признается тот факт, что Аркадий Алексеевич Столыпин стал родоначальником кавказской темы в русской литературе. В стихотворении, обнаруженном Мануйловым, Аркадий Алексеевич в духе своего времени поэтически нарисовал величественный Кавказский пейзаж, тот самый, которому позже М.Ю. Лермонтов отдал дань в романе «Герой нашего времени»: «А там дальше громоздятся горы, все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двухглавым Эльборусом. Весело жить в такой земле!»

В Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова, в маленьком домике на бывшей окраине Пятигорска, можно увидеть стол и кресло М.Ю. Лермонтова, которые проделали долгий путь во времени и пространстве, прежде чем стали музейными экспонатами. Петербург – Ново-Столыпино – Пятигорск... В 1912 году Евгения Акимовна Шан-Гирей, правнучка кавказского помещика А.Е. Столыпина, передала их в Пятигорский Лермонтовский музей.

Мы рассказали лишь о некоторых родственниках М.Ю. Лермонтова, чья жизнь и судьба были связаны с Кавказом. В процессе работы обнаружились и некоторые неточности предыдущих исследователей. Сделанные однажды, они с годами обрастали новыми, превращая биографии наших героев в легенды. Некоторые из них мы исправили, а другие еще ждут своих исследователей.

Примечания:

1. Цит. по кн. : Невский архив: ист.-краевед. сб. СПб. : Лики России, 2003. Вып. IV. С. 436.
2. Недумов, С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь : Кн. изд-во, 1974. С. 283.
3. Твалчрелидзе, А. Ставропольская губерния. Ставрополь, 1897. С. 143.
4. Бутков, П.Г. Материалы для новой истории Кавказа: с 1772 по 1803 г. СПб., 1869. Ч.2. С. 170.
5. Михайлов, Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. 1910. С. 146.
6. Цит. по кн. : Недумов, С.И. Лермонтовский Пятигорск: Ставрополь : Кн. изд-во, 1974. С. 285-286 (Далее Недумов).
7. Пыляев, М.И. Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1996. С. 119-120.
8. Письма М.М. Сперанского А.А. Столыпину. 3, 10 июля 1817 года // Русский архив. 1870. № 6. С. 1137.
9. РГАЛИ. Ф. 195 (кн. Вяземских), оп. 1, д. 5933, л. 192; (Вырыпаев, 47) опубли. в кн.: Захаров, В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.: Русская панорама, 2003. С. 46; Также: Гос. музей-заповедник М.Ю. Лермонтова (Пятигорск) // Архив С.И. Недумова. Папка IV. Тетр. VII.
10. Висковатый, П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество: прил. к факсим. изд. М.: Книга, 1989. N 39. С. 50.
11. Русская старина. 1885. Т. XLVIII. С. 276.
12. Пыляев, М.И. Старая Москва. М.: Московский рабочий. С. 119.
13. Там же. С. 277.
14. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 623.
15. Висковатый, П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество. М., 1891. С. 25.
16. Мануйлов, В.А., Недумов, С.И. Друг Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей // Михаил Юрьевич Лермонтов: сб. статей и материалов. Ставрополь : Кн. изд-во. С. 252-254.
17. Недумов. С. 284.
18. Там же.
19. Воспоминания Е.А. Шан-Гирей.
20. Отечественные записки. 1825. август. С. 260-279.
21. Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. М. : Изобразительное искусство, 1980. С. 17, 233.
22. Шан-Гирей, А.П. М.Ю. Лермонтов: воспоминания // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1989. С. 52.
23. Там же. С. 43.
24. ГМЗЛ. Архив С.И. Недумова.
25. ГАСК. Ф. 444, оп.1, ед. хр. 3446. С. 2.
26. ГАСК. Ф. 68, оп.1, ед. хр. 637, л. 12.
27. ГАСК. Ф. 444, оп.1, ед. хр. 3141, лл. 64-74.

28. Лермонтовский текст. Исследования 1900-2004 гг. Антология. Ставрополь : изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2004. С. 560-579.

29. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1989. С. 33.

30. Лермонтовский текст..., С. 572.

31. Мануйлов, В.А. К истории Кавказской темы в русской литературе // Вестник Ленинградского университета. 1962. № 2. Вып. № 1. С. 161-165.

Сокращения:

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края, г. Ставрополь.

ГМЗЛ – Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, г. Пятигорск.

РГАЛИ – Российский Государственный архив литературы и искусства, г. Москва.

Император Андроник Комнин – предок князей Андронниковых: к 100-летию представителя этого рода Ираклия Луарсабовича Андроникова

Левагина Светлана Николаевна

(г. Ярославль)

Всегда интересно, из каких глубин идут те или иные черты характера и внешности человека талантливого. Самый популярный и уважаемый в нашей стране лермонтовед Ираклий Андроников появился на свет в 1908 году в Петербурге. Его мать, Екатерина Яковлевна, была дочерью директора и владельца (с 1883 года) «Гимназии и реального училища» Якова Григорьевича Гуревича¹ – приват-доцента всеобщей истории в Санкт-Петербургском университете. Кроме того, он издавал (с 1890 года) педагогический журнал "Русская школа", преподавал на Бестужевских курсах и был автором многих научных трудов по всеобщей истории и педагогике. В его доме бывали² Салтыков-Щедрин, Полонский и адвокат Кони, а с ним вместе студент юридического факультета Луарсаб Николаевич Андроникашвили, который стал мужем Екатерины.

После университета и учебы за рубежом Луарсабу предлагали работу в Петербурге и Москве, он же вернулся в Грузию, где занялся политической адвокатурой. О его ораторском искусстве ходили легенды. Молодой адвокат защищал рабочих в знаменитом деле батумской демонстрации 1902 года, участников ростовского восстания в 1906 году, сыграл заметную роль в оправдании матросов Черноморского флота, выступивших с политическими требованиями, – и все это бескорыстно, затрачивая собственные средства на поездки и подготовку документов.

Эти подробности из жизни своего отца Ираклий Луарсабович в анкетах обнародовать мог вполне, но была и такая информация, которая разглашению не подлежала. Дело в том, что древо знаменитого грузинского рода Андронниковых³ (Андроникашвили) восходит к Андронику Комнину (Комнену), византийскому императору (1183-1185 гг.). Род этот показан в списке кахетинских князей, приложенном к трактату, заключенному 24 июля 1783 года с грузинским царем Ираклием II.⁴

Личность Андроника Комнина, последнего императора из рода Комнинов, словно создана каким-нибудь знаменитым романистом. Он был внуком василевса (императора) Алексея I Комнина (василевс: 1081-1118 гг.), прославленного героя "Алексиады", написанной его дочерью Анной Комниной,⁵ и "Исторических записок" Никифора Вриенния.⁶ Императором Андроник стал не сразу. Правил другой внук

Алексея I Комнина – Мануил (1143-1180), двоюродный брат Андроника. Он был женат вторым браком на Марии Антиохийской, которая считалась самой красивой женщиной христианского Востока – красивее Афродиты, и стремился к укреплению империи в духе того времени – военной силой, политическим давлением, интригами, подкупом. Братья были ровесниками (оба родились в 1120 году), вместе росли и воспитывались, дружили, но это не избавляло от соперничества. Большей популярностью пользовался как раз Андроник.

Шарль Диль в "Византийских портретах" приводит удивительную характеристику Андроника: *"Высокий ростом (говорят, в нем было более шести футов), геркулесовской силы и несравненного изящества, он обладал, по выражению одного современника "красотой, действительно, казавшейся достойной трона". Историк Никита,⁷ хорошо его знавший, в одном месте несколькими легкими и красивыми штрихами обрисовывает нам его, и он выступает перед нами в этом наброске в своем длинном фиолетовом плаще, с остроконечной серой шляпой на голове, поглаживая свою черную завитую бороду обычным для него в минуты волнения или гнева движением. Крепкого телосложения, удивительно сильный во всех телесных упражнениях, поддерживающий рассчитанным воздержанием полное равновесие сил и здоровья, а также могучую грацию форм, не поддающийся никакой болезни, он был превосходным наездником, законодателем мод. На войне он совершал подвиги, достойные рыцаря. Кинуться одному на врагов, взяв у первого встречного солдата щит и копье, отправиться в самый центр неприятельского стана, чтобы вызвать неприятельского вождя, выбить его из седла одним ударом копья и возвратиться здоровым и невредимым в ряды византийцев, все это было для него простой игрой. <...>*

В этом теле атлета и воина скрывался перворазрядный ум. <...> С очень обширным и разносторонним образованием он соединял природное красноречие, и речь его обладала неотразимой силой убедительности. Он был веселого нрава, остроумен, любил высмеивать, не щадя при этом никого и не умея сдерживаться, когда подвертывалось острое словцо. <...>...Его смелой откровенности столько же боялись при дворе, сколько прославляли ее. Не теряя самообладания, он ловко выпутывался из самых опасных положений; удивительный актер, он умел играть всякие роли, и проливать слезы, когда угодно; поэтому современники любили также называть его «изменчивым хамелеоном, многообразным Протеем». Наконец, когда он этого хотел, он умел быть очень обольстительным».⁸

Андроник знал несколько языков, был автором, как эпиграмм, так и философских сочинений, не боялся ни бога, ни чёрта и стремился лишь к власти и наслаждениям. "На войне он был кумиром солдат, в городе – образцом знатной молодежи".⁹ Молодежь восхищалась и его смелостью в отношении императора Мануила, что вынудило последнего отослать Андроника в 1152 году воевать с сельджуками в Киликию. Это произошло после того, как Андроник демонстративно вступил в связь с двоюродной племянницей Евдокией, которая была родной сестрой официальной любовницы Мануила Феодоры, и со смехом говорил во всеуслышание: «Полагается подданным следовать примеру своего господина, и произведения, выделяемые в одной и той же мастерской, должны одинаково нравиться».¹⁰ А в ответ на осуждение невозмутимо добавлял: "Он в полных ладах (Андроник выражался грубее) с дочерью своего брата; я же только с дочерью моего кузена".¹¹ При этом, хотя Евдокия была вдовой, сам Андроник – женат и счастлив в браке. Впрочем, женщины прощали нашему герою всё.

Кампанию в Киликии Андроник провалил, демонстрируя личную храбрость, но завязав подозрительные отношения с конийским султаном и королем Иерусалима. Отправленный после этого на границу с Венгрией, и там поинтересовался у венгерского короля, не поможет ли он ему захватить трон в Константинополе. Шпионы донесли об этом Мануилу, и тот вернул строптивного кузена в военный лагерь в Македонии, где находился и сам со своей любовницей и ее сестрой. Любовная связь возобновилась. Брат Евдокии Иоанн и её зять Иоанн Кантакузин решили убить наглого любовника и подослали убийц к ее шатру. Евдокия предложила Андронику переодеться в женское платье, чтобы спастись. Но Андроник отстранил Евдокию, распорол мечом боковую стенку шатра и огромным прыжком перескочил через веревки и небольшую стену, к которой была прислонена палатка, к крайнему удивлению поджидавших его людей.

Не добившись удачи, родственники донесли Мануилу, что Андроник готовит на него покушение. Вот это был точный ход: Андроник был немедленно арестован, закован в кандалы, отвезен в Константинополь и посажен в тюремную башню, где в ужасных условиях, провел девять лет, до 1164 года. Побег его достоин пера автора «Графа Монте-Кристо». Он заметил старый, заброшенный водопровод, проходивший под его башней. Сделав отверстие в полу своей тюрьмы, узник спустился в водопровод, тщательно скрыв проход, каким он в него проник. При смене караула, стража пленника не обнаружила, в камере же всё было нетронуто: двери, крыша, окна за частой железной решеткой. Спешно приказали запереть все городские ворота, обыскали стоящие в порту корабли и дома знакомых, арестовали жену Андроника как вероятную соучастницу его бегства, посадив её в опустевшую камеру. «Они и не подозревали, что Андроник был в их руках», говорит летописец.¹² А беглец, не теряя невозмутимого хладнокровия, дождался ночи и воспользовался неожиданным приключением, чтобы помириться с женой, которая приняла его сначала за привидение. От этого примирения девять месяцев спустя родился их сын Иоанн. Так Андроник провел неделю, днем прячась в своем подземелье, а ночью поднимаясь наверх к жене, – спокойно дожидаясь, пока ослабнет надзор. Вскоре ему удалось покинуть тюрьму, бежать из крепости и добраться до Малой Азии. Но декабрьские холода 1158 года заставили беглеца просить приюта у местных крестьян, которые и сдали его властям. Еще шесть лет тюрьмы в два раза более тяжелых цепях дали ему повод изобразить смертельную болезнь, «умирающему» разрешили иметь слугу, приносящему из дома вино. Слуге удалось сделать из воска слепки с ключей от башни, старший сын Андроника Мануил сделал по ним ключи, а жена Андроника передала в амфорах для вина большой пук веревок. Однажды во время ужина стражи слуга отомкнул замки тюрьмы, и Андроник оказался в заросшем травой внутреннем дворе дворца, террасы которого высоко поднимались над Мраморным морем и были безлюдны, не забыв тщательно запереть за собой дверь, и притаился в траве. В полночь Андроник привязал веревку за один из наружных зубцов стены и бесшумно спустился на морской берег. Там его ждала лодка, но неожиданно появилась береговая охрана, и Андроник, изобразив бежавшего от своего господина раба (ведь он был в кандалах), на ломаном греческом языке попросил у стражников помощи, в ответ те со смехом вручили «раба» его «хозяину» – тому, кто ожидал Андроника в лодке. Лодка переплыла через Босфор, а там с оседланными лошадьми ждал сын Мануил. Далее – путь к Черному морю, где знакомый правитель дал денег и проводников к русскому князю Ярославу Осмомыслу¹³ в Галич. «Андроник сблизился с русским князем во время службы на венгерских рубежах. <...> В те годы Мануил наладил отношения с Киевской Русью, тогда как Русь Галицкая ориентировалась на Венгрию».¹⁴

У самой границы с Валахией Андроника узнали валахские пастухи и выдали людям императора. Андроник и тут не пришел в отчаяние. Он притворился, что его схватили страшные колики, и беспрестанно просил стражу позволить ему слезть с лошади и отойти в кусты. Стражникам надоело сопровождать его к кустам, и к вечеру Андронику удалось незаметно отползти от дороги в чащу леса. Когда время отсутствия пленника затянулось, стражники подошли к скорчившейся в кустах фигуре и обнаружили там вместо пленника его шляпу, надетую на сук, задрапированный плащом. Догнать беглеца не удалось, и вскоре он, наконец, прибыл в Галич к князю Ярославу.

Ярослав был совершенно очарован своим гостем, сделал его своим товарищем и постоянным советником, в то время, как Андроник «скомплектовал в многонациональном Галиче отряд из живших там греков, чтобы участвовать в войне, которую Венгрия начинала против Византии. Венгерский король Геза пригласил Андроника к себе на службу».¹⁵ Всё это напугало императора Мануила, и он послал гонца к Андронику с требованием вернуться, в связи с его полным оправданием. Если кузен не вернется, "Мануил будет вынужден казнить его жену и сыновей"¹⁶. И Андроник возвращается в Константинополь, участвует даже во главе данного Мануилом отряда в штурме венгерской крепости Землин. Однако следующий военный поход – в Киликийскую Армению – Андроник провалил и скрылся в Антиохии у крестоносцев, где вел жизнь знатного рыцаря, объявив всем, что без памяти влюблен в прекрасную Филиппу, княжну Антиохийскую, родную сестру Марии, супруги византийского императора. Андроник приводил к дому княжны наряженных амурами белокурых мальчиков и музыкантов, сочинял стихи. Мануил был в ярости: к сестрам-любовницам добавить еще жен-сестер, имея угрозу латинской военной силы, – это было уже слишком. На требования из Константинополя отказать Андронику Филиппа заявила, что любит его, но Андронику она уже надоела (или он побоялся мести Мануила своим близким), и странствующий рыцарь отбыл в Иерусалим.

В Иерусалиме король Амори дал ему в кормление город Бейрут. А за предшественника Амори, иерусалимского короля Балдуина III, в 1162 году была выдана двенадцатилетняя племянница Мануила Феодора. С ней, ныне двадцатилетней вдовствующей королевой, у Андроника разгорелся роман. Феодора привезла Андронику в Бейрут перехваченный её рыцарями тайный приказ Мануила об ослеплении Андроника, *"дабы наказать за бунт и безнравственное отношение к своей семье"*,¹⁷ и влюблённые бежали сначала в Дамаск, к атабеку Нур ад-Дину, затем к халифу багдадскому, где Феодора родила Андронику сына. Они скитались по всему азиатскому побережью со своими двумя детьми Алексеем и Ириной и зачатый в тюрьме сыном Андроника Иоанном, скрываясь от наёмных убийц. В 1170 году Андроник отправился на север и в Эрзеруме получил приглашение от грузинского царя Георгия, отца будущей царицы Тамары. Грузинская летопись рассказывает, что царя Георгия посетил *"Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила, обладателя всего Запада и царя греческого, сопровождаемый своей женой ослепительной красоты, своими сыновьями и сыновьями сестры своей... За такую милость Георгий оказал принцу прием, достойный его высокого рода, дал ему столько городов и крепостей, сколько ему нужно было, и назначил ему пребывание возле своей столицы...Находясь в Грузии, Андроник принял участие в военных делах, но затем искал гостеприимства у султана Кылыч-Арслана II"*.¹⁸

Итак, будущая царица Тамара играла в детстве с сыновьями Андроника. Более того, в грузинской летописи под 1187 годом сказано, что Алексей, сын Андроника от Феодоры Иерусалимской, – близкий родственник Тамары, а в Трапезундской летописи 1204 года Тамара названа теткой другого Алексея, внука

Андроника. Вот откуда прочитываются византийские корни грузинского княжеского рода Андрониковых, хотя точные родственные связи Андроника с грузинским царским домом скрыты, видимо, намеренно.

Далее Андроник оказался в одном из сельджукских эмиратов на границе с Византией, эмир подарил ему приморскую крепость, откуда царственный беглец совершал набеги на византийскую территорию. Но Мануилу удалось, руками правителя Трапезундской провинции Никифора Палеолога, захватить Феодору и детей Андроника. Он заставил кузена вернуться в Константинополь, угрожая смертью любимых людей. Андроник, в цепях и власянице, громко покался, Мануил официально простил его и отправил в небольшой город на побережье, где мятежный родственник прожил с Феодорой и детьми почти пять лет, занимаясь изящной словесностью, философией и поджидая своего часа. Мануил тем временем потерпел сокрушительное поражение от сельджуков, потерял позиции в Италии и, в поисках союзников, осуществил помолвку своего одиннадцатилетнего сына Алексея с восьмилетней дочерью французского короля Людовика VII. Невеста прибыла в Константинополь, была окрещена в православии Анной и считалась императрицей-наследницей. Неожиданно Мануил скончался – и наступил звездный час Андроника, ибо престол занял двенадцатилетний Алексей, и начались волнения, обычные при слабой власти. Вступив со своими сторонниками в столицу, Андроник обратился к народу с речью, полной пафоса и слез. Он клялся всеми святыми, что власть ему не нужна и у него лишь одно желание – оградить императора от вредного влияния его распутной матери-регентши и ее фаворита протосеваста Алексея, которых он просит добровольно отказаться от власти. После чего последнему были выколоты глаза, а Марию Антиохийскую, мать императора, Андроник обвинил через послушный ему суд в шпионаже в пользу франков и казнил, заставив подписать приказ о ее казни мальчика-императора. Андроник стал его официальным опекуном и правителем Византии. Он стремился завоевать любовь народа: «отменил непосильные налоги, разогнал мздоимцев и жестоко покарал ненавидимых чиновников. До сих пор некоторые историки характеризуют его как демократически настроенного монарха, «крестьянского царя». В то же время Андроник подавлял сопротивление в провинциях».¹⁹

Через несколько месяцев послушный совет империи обратился к Андронику с нижайшей просьбой короноваться. Народ на улицах требовал того же. Андроник великолепно сыграл свое нежелание быть императором, отбивался от старавшихся надеть на него тиару и пурпурную мантию и, обливаясь слезами, в конце концов «покорился воле народа» и поклялся, что всходит на трон лишь для того, чтобы помогать юному Алексею. Через месяц Алексей был задушен в своих покоях. Его труп бросили к ногам Андроника, тот оттолкнул его ногой со словами: «Твой отец был клятвопреступником, а мать – шлюхой», – и велел кинуть тело в Босфор. После этого он женился на невесте покойного Анне Французской, которой еще не было одиннадцати лет. Так в возрасте шестидесяти трех лет Андроник Комнин стал византийским императором.

Чудовищная жестокость – спутница неограниченной власти – проснулась в нем. Ее увеличивал страх быть сверженным. В столице и во всей империи была установлена система шпионства, доносов, террора. Представители аристократии, даже родственники, уничтожались им с особой жестокостью. Подавляя восстания в провинции, залил кровью Руссу и Никею, запретив хоронить повешенных. Он развлекался придумыванием пыток: так, однажды, чтобы наказать несчастного, который дурно отзывался об императоре, велел надеть его на длинный вертел, поджарить на медленном огне и подать к столу жене казненного.

Разумные реформы Андроника потерялись среди преступлений и казней. Покровительство литераторам, любовь к архитектуре и искусствам выродились в оргии среди стаи куртизанок: так, его постоянная любовница красавица Марантика была флейтисткой, а в одном из построенных им зданий в целом ряде чрезвычайно интересных фресок были изображены главные эпизоды из приключений его прошлой жизни. Вся столица знала, что от его насильственных притязаний не были избавлены и знатные женщины, на что намекали рога убитых им оленей, прибитые, по его приказу, под портиками форума. Теряя популярность среди своих подданных, Андроник, наряду с усилением своей личной охраны, сделал ставку на византийский национализм, объявив победы норманнов и венгров над византийцами, восстания в Болгарии и Сербии – следствием внутренних измен, и только противодействие сына Мануила не дало развернуться новой волне массовых казней.

И вот натянутая тетива лопнула: в отсутствие Андроника (он находился с женой и любовницей на одной из своих дач) в столице началось восстание, стихийно выдвинувшее в качестве вожака случайно подвернувшегося Исаака Ангела. Спешно вернувшийся во дворец, Андроник застал уже неконтролируемую революцию и официально коронованного патриархом Исаака Ангела в качестве императора. Толпа брала приступом дворец, и не оставалось другого выхода, кроме бегства. Поспешно сбросив с себя императорскую одежду и пурпурные туфли, сняв даже крест, для маскировки под варвара, он скрылся из дворца вместе с женой и любовницей, добрался до маленькой морской пристани у восточного конца Босфора, высокомерно потребовал корабль, который ему предоставили, – и отбыл, по версии Никиты Хониата, в Галич, к Ярославу Осмомыслу, но не исключено, что и в Грузию. Однако внезапно налетевшим порывом ветра корабль был вновь прибит к берегу, и удача изменила Андронику окончательно. Арестовавшие его преследователи не были тронуты ни знаменитым красноречием, ни слезами и мольбами жены и Марантики, и сверженный император был доставлен в Константинополь. Его отдали на растерзание черни, и ужасная казнь, благодаря его могучему здоровью, длилась не один день. В результате от него остался обрубок с выколотыми глазами и выдранными волосами, подвешенный вниз головой. Говорят, что Андроник повторял уже в агонии: «Для чего же вы бьете лежачего?» и «Господи, помилуй». Потом труп императора был брошен на ипподроме, и началась охота за его сторонниками и родственниками. Сдержанному, умному Мануилу выкололи глаза, от чего он скончался; однако дети Мануила Алексей и Давид, маленькие внуки Андроника (старшему было всего четыре года), избежали предназначенного им убийства: их кто-то тайно вывез в Грузию. Они выросли при дворе молодой царицы Тамары и стали настоящими грузинскими витязями. С помощью Тамары они основали на отвоеванных ею землях Трапезундскую империю, назвав себя и свой последующий род «Великими Комнинами».²⁰ Вот корень рода И.Л. Андроникова.

К счастью для почитателей Ираклия Луарсабовича Андроникова, потомками наследуются не пороки, а таланты и энергетика. И в Ярославском крае есть тому замечательный пример. Угличский чудотворец Кассиан был в миру князем Константином из рода Комнинов. Он попал на Русь в свите византийской невесты Ивана III Софьи Палеолог и не стал участвовать в грязных интригах двора, а постригся в монахи и основал в семи километрах от Мышкина Учемскую Кассианову пустынь. И авторитет его святости с XV века дошел до наших дней, почитание не прерывалось даже в годы гонений на церковь.

Примечания:

1. Энциклопедический словарь: репр. воспр. изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. – М.: ТЕРРА, 1890. Т. 18: Гравилат – Давенант. 1991. С. 911.
2. Гейзер, М. Ираклий Андроников и «неизвестный» Лермонтов / Матвей Гейзер // www.alefpress.com
3. Пишется с двойным «н», в фамилии И.Л. Андроникова одно "н" утрачено. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона дает написание с одним «н» – Андрониковы.
4. Любимов, С.В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем / Гос. публ. ист. б-ка России. М.: ФАИР – ПРЕСС, 2004. С. 63.
5. Комнина, Анна. Алексиада. М.: Наука, 1965.
6. Вриенний, Никифор. Исторические записки (976 – 1087). М.: Посев, 1997. 205 с.
7. Никита Хониат (Акоминат) – византийский писатель второй пол. XII – нач. XIII вв.
8. Диль, Ш. Византийские портреты. Вып. 2. / пер. М. Безобразовой ; под ред. и с предисл. П. Безобразова. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1914. С. 100-102.
9. Там же. С. 101.
10. Диль, Ш. Указ. соч., С. 106.
11. Там же.
12. Там же. С. 110.
13. Ярослав Владимирович (Осмомысл) – князь Галицкий, год смерти – 1187. Отец Ефросиньи Ярославны – героини "Слова о полку Игореве". В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона (СПб, 1904. Т. 82. С. 831) Андроник назван приходившимся "по матери, кажется, двоюродным братом Я".
14. Можейко, И.В. 1185 год. Восток – Запад. / И.В. Можейко. М.: Наука, 1989. С. 260.
15. Там же. С. 261.
16. Там же.
17. Можейко, И.В. Указ. соч., С. 263.
18. Там же. С. 264.
19. Можейко, И.В. Указ. соч., С. 270.
20. По грузинским преданиям, на которые указывает Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона (Т. 2, С. 770), сын императора Адриана Алексей также спасся в Грузии и оставил сына Адриана, которого и называют родоначальником князей Адриановых. Однако историки прослеживают среди спасшихся только внуков Адриана.

***Григоров Александр Александрович (1904-1989) –
краевед, генеалог, историк военно-морского флота,
Почетный гражданин города Костромы***

Дружнева Наталья Алексеевна

(г. Кострома)

Александр Александрович Григоров родился 19 (6) марта 1904 года в усадьбе Александровское-Пеньки близ села Спас-Заборье Кинешемского уезда Костромской губернии. О своей семье Григоров писал, что она «была старая дворянская, незнатная и небогатая, имевшая древнюю родословную — «столбовая» дворянская семья», корни которой уходили в Новгород 16 века.

На Костромской земле Григоровы поселились после Отечественной войны 1812 года. Одним из выдающихся представителей семьи Григоровых, оставивших глубокий след в костромской истории, был прадед Александра Александровича – Александр Николаевич Григоров, основавший в 1857 году Григоровскую женскую гимназию в Костроме, ставшую первым всесословным женским учебным заведением такого уровня в России. Большие суммы пожертвовал он на восстановление после пожара 1847 года Богоявленского монастыря и костромского городского театра.

Отец Александра Александровича, Александр Митрофанович Григоров (1867-1915) окончил с золотой медалью в Москве лицей цесаревича Николая («Катковский лицей») и поступил в Горный институт, но, не доучившись, бросил его и поступил в Алексеевское военное училище, по окончании которого определился на службу в лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк в чине поручика. Этот полк был расквартирован в Варшаве и входил в состав 3-й гвардейской пехотной дивизии, в которую входили лейб-гвардии Волынский, лейб-гвардии Литовский и лейб-гвардии Кексгольмский полки. Во время службы в Варшаве, отец Александра Александровича познакомился со своей будущей женой Верой Александровной Матвеевой.

Мать Александра Александровича, Вера Александровна, родилась в Варшаве 13 января 1870 года, в семье начальника артиллерии варшавской крепости полковника Александра Лукича Матвеева. Родители Александра Александровича венчались 7 мая 1899 года в церкви лейб-гвардии Литовского полка.

В 1895 году скончался дед Александра Александровича – Митрофан Александрович. В 1899 году отец Александра Александровича – Александр Митрофанович вышел в отставку и занялся ведением хозяйства в усадьбе Александровское, одновременно участвуя в общественной жизни Кинешемского уезда и Костромской губернии. Был гласным уездного и губернского земств, попечителем многих учебных заведений, в том числе и Григоровской женской гимназии. В 1904-1906 гг. являлся председателем Кинешемской уездной земской управы.

В семье старших Григоровых было четверо детей – Людмила (1900-1938), Митрофан (1902-1937), Александр (1904-1989), Иван (1914-1942). Жила в семье воспитанница матери, взятая из костромского приюта незаконнорожденная дочь костромского дворянина А.И. Бирюкова Наталья Александровна Крутикова.

По мере взросления детей, после основательного домашнего воспитания и образования их отдавали на обучение в различные учебные заведения. Сестру Людмилу очень рано отдали в Московскую женскую классическую гимназию С.Н. Фишер. Александра и Митрофана родители предполагали

определить в Московский лицей цесаревича Николая («Катковский лицей»), где преподавались латинский и греческий языки. Для подготовки детей по этим предметам в дом был приглашен студент Варшавского университета Казимир Станиславович Сенкевич.

В связи с денежными затруднениями намерения родителей Григорова изменились. Обучение двоих сыновей в Московском лицее легло бы непосильным бременем на плечи семьи. В распоряжении же костромского дворянства имелся значительный капитал, оставленный в 1834 году капитан-лейтенантом Дурново В.А. на воспитание и обучение нуждающихся дворянских детей Костромской губернии. На проценты от этого капитала ежегодно обучалось 6 человек в 1-м Московском кадетском корпусе и Морском кадетском корпусе Санкт-Петербурга. Таким образом, родители Александра Александровича приняли решение отдать детей на обучение на стипендию В.А. Дурново в 1-й Московский кадетский корпус.

Летом 1914 года началась Первая мировая война, и отец Григорова Александр Митрофанович был призван на фронт. Он был направлен командиром 15 роты 148 пехотного Каспийского полка 37 дивизии и погиб в боях с немцами у Днестра 22 мая 1915 года.

Весной 1916 года Александр Александрович стал кадетом 1-го Московского кадетского корпуса, его брат Митрофан – 3-го кадетского корпуса. Среди воспитанников 1-го Московского кадетского корпуса были члены таких известных фамилий, как маршал Тухачевский, сын владельца Пресненской мануфактуры Владимир Прохоров, сын промышленника Рябушинского, сын генерала Лукомского Сергей. В кадетском корпусе А.А. Григоров пережил и Февральскую, и Октябрьскую революции, выдержал вместе с другими кадетами несколько дней осады красногвардейцев, а после капитуляции корпуса вместе с братом Митрофаном вернулся в родную усадьбу Александровское.

В июле 1918 года усадьба, принадлежавшая Григоровым, была национализирована, и семья приняла решение переехать на Украину, в имение соседей по усадьбе Александровское и будущих родственников Хомутовых Требиновка. К тому времени в этом имении собралось много родственных семей Григоровых и Хомутовых. Много лет спустя А.А. Григоров писал, что «жизнь в Требиновке была какая-то беззаботная и напоминала пир во время чумы». Но лихолетье гражданской войны докатилось и до этого укромного уголка, и перед всеми обитателями, в том числе и перед Александром Григоровым, встал моральный выбор. Можно было эмигрировать в Польшу и далее на запад, семья же Григоровых вернулась на родину. Они обосновались в приходском селе Спас-Заборье, на погосте которого было похоронено не одно поколение Григоровых. Александру Александровичу удалось устроиться рабочим химического завода «Шугаиха», затем агентом по переписи «объектов сельхозобложения», а позднее – бухгалтером на Александровскую картонную фабрику (бывшая Галашина).

В 1924 году Александр Александрович женился на давней своей знакомой Марии Григорьевне Хомутовой, а обвенчался с ней позднее, в мае 1925 года в Костроме, в церкви Бориса и Глеба. Семья Хомутовых жила в соседней усадьбе Соколово Кинешемского уезда. Хомутовы – древний дворянский род, по преданиям ведущий свое начало еще от некоего Невера, жившего до крещения Руси в Новгороде. Мария Григорьевна Хомутова родилась 4 апреля (20 марта) 1904 года. Этот брак длился всю жизнь и был прерван только смертью супруги 19 марта 1986 года.

В январе 1926 года молодая семья переехала в Кострому, и А.А. Григоров устроился на работу в «Сыросоюз» (союз молочных, маслодельных и сыроваренных артелей). Мария Григорьевна была

домохозяйкой. Весной того же года у них родилась первая дочь Любовь. В конце 1926 года «Сыросоюз» был ликвидирован, и А.А. Григоров перешел на работу в губернский лесной отдел (Гублесотдел). С этого времени долгие годы (с 1926 по 1940 гг.) его жизнь была связана с лесным ведомством. В сентябре 1927 года он переехал на новое место службы и жительства в Потрусовское лесничество Кологривского уезда.

Усадьба лесничества располагалась в урочище Липовка. Годы, проведенные там, сам Александр Александрович считал самыми счастливыми в своей жизни. Здесь же, в Липовке, у них родился в 1928 году сын Саша, трагически погибший на глазах матери в августе 1932 года. В эти годы Александр Александрович окончил Лесной техникум при Наркомате земледелия и работал в разных леспромхозах Костромской, Вологодской, Рязанской областей, в Мордовии.

Впервые А.А. Григоров был арестован осенью 1930 года на станции Нея Ивановской (ныне Костромской) области. Его обвинили в принадлежности к «Группе 19», действовавшей по заданию «Промпартии», якобы ведущей антисоветскую пропаганду в Ярославле, Кинешме и Костроме, и поместили в печально известную ярославскую тюрьму «Коровники». Через полгода в марте 1931 года он был освобожден.

После освобождения Александр Александрович вместе с семьей несколько раз менял место жительства. В 1933 году он переехал в Монзенский леспромхоз Вологодской области. В 1934 году в семье Григоровых родилась дочь Галина.

В 1935 году А.А. Григоров был переведен в крупнейший на Европейской территории СССР Темниковский леспромхоз недалеко от станции Потьма в Мордовской АССР. В 1937 году все руководство леспромхоза было арестовано, а сам леспромхоз передан в ведение ГУЛАГа. А.А. Григорову поручили произвести передачу этого огромного предприятия. В конце 1938 года он, по приглашению директора Октябрьского леспромхоза, перешел на работу в г. Кадом Рязанской области.

Во второй раз его арестовали 9 июня 1940 года в г. Кадоме Рязанской области. Александр Александрович отказался подписать все предъявленные ему обвинения в членстве в террористической организации, вредительстве, шпионаже, антисоветской агитации и т. д., и на суде был приговорен к 10 годам заключения по 58-й статье. Спустя три месяца после его ареста была арестована и Мария Григорьевна.

Свой срок Григоров отбывал на строительстве 2-й очереди Беломорканала, затем на строительстве железной дороги Котлас-Воркута, на строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ) от станции Пивань на Амуре до порта Ванино в Советской Гавани, в Комсомольске-на-Амуре.

В 1950 году, по окончании срока заключения, Григоров был отправлен в ссылку в Красноярский край. В начале 1951 года Александру Александровичу и Марии Григорьевне удалось получить разрешение отбывать ссылку вместе в Казахстане. В 1956 году они были полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления. В 1959 году супруги Григоровы вместе со старшей дочерью Любовью вернулись на свою историческую родину – в Кострому.

Следует сказать немного о судьбе дочерей Александра Александровича, Любви и Галины. После ареста родителей их увез к себе в Москву старый друг семьи Хомутовых, крупный ученый-физик, член-корреспондент Академии наук СССР Александр Саввич Предводителей, где они прожили до начала войны. Так как они не были удочерены официально, им не разрешили ехать в эвакуацию вместе с семьей Предводителя. И в судьбу детей вмешался родной брат Марии Григорьевны Иван Григорьевич Хомутов.

Будучи бездетным во втором браке, он удочерил обеих девочек и увез их в Новосибирск. Он решил воспитать детей по-своему – запретил упоминать родителей как «врагов народа». Старшая Люба, которой к тому времени исполнилось 16 лет, не пожелала отречься от отца с матерью и ушла от Хомутовых, младшая же Галина обрела своих настоящих родителей уже в зрелом возрасте в середине 1970-х годов.

До самого своего выхода на пенсию в 1964 году, А.А. Григоров работал простым бухгалтером на Костромском хладокомбинате, и, выйдя на «заслуженный отдых», наконец-то, смог заняться любимым делом, к которому стремился всю свою жизнь, – начал изучать сначала историю своей семьи и родственных им семей, а затем и всего Костромского дворянства. И еще одна неосуществленная юношеская мечта смогла воплотиться в жизнь. В детстве он часто слушал рассказы своего дяди контр-адмирала Николая Митрофановича Григорова о море, и сам мечтал когда-нибудь отправиться в плавание. А на склоне лет он стал одним из авторитетнейших знатоков истории Российского военно-морского флота, отдав этому занятию много времени и сил.

В конце 1960-х гг. Александр Александрович познакомился с внучкой драматурга А.Н. Островского Марией Михайловной Шателен, которая предложила ему поработать над книгой по истории усадьбы Щельково, в которой многие годы жил и писал Александр Николаевич Островский. Она же добилась для него официального разрешения для работы в Государственном архиве Костромской области, в читальный зал которого до этого ему путь был закрыт. По существующим в то время порядкам, исследователи имели доступ к документам только при наличии ходатайства от направившей их организации, а пенсионер Григоров такой бумаги не имел и иметь не мог. С той поры А.А. Григорова и сотрудников Государственного архива Костромской области долгие годы связывали не только деловые отношения, но и человеческая привязанность, глубокое уважение.

Александр Александрович был не только постоянным исследователем в читальном зале архива, но и на два месяца в году (как это разрешало пенсионное законодательство того времени) становился штатным сотрудником архива. Он занимался описанием старинных документов, так как очень хорошо читал скоропись 17-18 веков. К нему обращались за консультациями научные сотрудники архива, он выступал с лекциями по истории костромских дворянских семей (Лермонтовых, Катениных и др.) и по истории Российского военно-морского флота.

В мае 1989 года Александру Александровичу Григорову по ходатайству Костромского отделения Всероссийского фонда культуры было присвоено звание Почетного гражданина города Костромы.

Скончался А.А. Григоров 8 октября 1989 года и был похоронен на Заволжском кладбище Костромы. В память о нем с 1991 года ежегодно, в первую декаду октября, в Государственном архиве Костромской области проходят Григоровские чтения.

Документы своего личного фонда Александр Александрович начал сдавать в Государственный архив Костромской области сам с конца 1970-х гг. Во время пожара, случившегося в областном госархиве в 1982 году, эти документы значительно пострадали, поэтому Александру Александровичу пришлось по мере сил восстанавливать утраченное. Этот пожар переживался им как личная трагедия. Часть личного фонда поступила на государственное хранение уже после смерти Григорова от его внучки Галины Николаевны Масловой.

Научно-техническое описание личного фонда А. Григорова продолжалось с 1993 по 2003 годы. Всего в описи насчитывается 2392 дела. Условно все документы фонда можно поделить на две большие группы:

1. документы по истории костромского и российского дворянства ;
2. документы по истории Российской армии и военно-морского флота.

Документы по истории дворянства формировались следующим образом: Александр Александрович по самым различным источникам находил сведения о представителях той или иной фамилии, составлял на каждого из них персональную карточку с указанием: имени, отчества, фамилии, названия родовой усадьбы, количества душ, занимаемых должностей – для мужчин, фамилии мужа – для женщин, наличия детей, источника сведений (как правило, архивных шифров) и других сведений. Объем приводимых сведений мог быть самым разнообразным – от указания только имени до развернутого повествования о жизни конкретного человека. Для себя он называл эту работу — «разработкой фондов».

Таким образом, он «разработал» фонды Государственного архива Костромской области – фонд 121 «Костромское губернское дворянское депутатское собрание», фонд 122 «Костромской губернский предводитель дворянства», фонд 116 «Костромская палата гражданского суда» и другие. Черновые выписки из документов этих фондов составили сравнительно большой раздел описи. Впоследствии на основании этих персональных карточек он составлял поколенные росписи и схемы родословных дворянских родов Костромской губернии. Поскольку, полнота сведений была неоднородной, на представителей одних фамилий приходится всего несколько карточек (Абашидзе, Гейдены, Копыловы, Шидловские и др.), о других же написаны полноценные научные исследования («Сага о Бутаковых», «Родословие Лермонтовых», «В самом северном уезде...» о Невельских).

Для пополнения сведений Григоров исследовал не только самые разнообразные архивные (занимался в Государственном архиве Костромской области, архивах Москвы, Ленинграда, писал запросы в Калужский, Рязанский Тульский и архивы других областей), но и печатные источники («Бархатная книга», «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В.В. Голубцова, аннотированный указатель «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под руководством П.А. Зайончковского). В сферу его интересов входила мемуарная литература, изданная русскими эмигрантами за границей.

Еще одним крайне ценным источником была для Александра Александровича переписка с генеалогами, краеведами (Ю.Б. Шмаровым, И.В. Сахаровым, В.А. Казачковым, С.А. Сапожниковым, В.П. Хохловым) и просто с потомками тех людей, родословные которых он составлял. Эта переписка на протяжении десятков лет была очень интенсивной, и в месяц он иногда получал до 40 писем от различных адресатов. Эти документы составили очень большой раздел описи. К сожалению, не вся переписка попала на хранение в Костромской архив, часть ее осталась на хранении у Г.Н. Масловой.

Особый интерес Григорова-генеалога вызывал род Лермонтовых. Как известно, отец Михаила Юрьевича, Юрий Петрович Лермонтов владел землями в Костромской губернии. А.А. Григоров составил полную поколенную роспись рода Лермонтовых в нескольких вариантах, Алфавитный указатель земельных владений Лермонтовых в Костромской губернии с указанием сведений о владельцах, датах продаж, количестве душ.

Им был составлен «Лермонтовский некрополь», в котором собраны сведения о захоронениях Лермонтовых на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге, Новодевичьем и Смоленском кладбищах в Москве, Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре, Свято-Троицком кладбище в старом Петергофе, в Сергиевой Пустыне, в Московском Алексеевском женском монастыре, на Иноверческом

кладбище, на кладбище Чухломского Авраамиевого монастыря и села Велика Пустынь Чухломского уезда Костромской губернии.

Всего в фонде Григорова хранится 78 единиц хранения по истории рода Лермонтовых.

Александр Александрович состоял в переписке с составителем Лермонтовской энциклопедии Серафимой Алексеевной Панфиловой, совместно с которой составил полную поколенную роспись и схему родословной рода, включенные в энциклопедию. Эта сторона деятельности Александра Александровича Григорова достойна отдельного сообщения.

***Бывал ли Лермонтов в Ярославском крае:
размышления ярославского писателя, краеведа и библиотекаря
Бориса Павловича Комарова***

**Блохина Ирина Витальевна
Калинина Елена Анатольевна**
(г. Ярославль)

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья...*

(Из стихотворения «Пророк» М.Ю. Лермонтова)

Борис Павлович Комаров – известный ярославский краевед, писатель был верен нашей библиотечной профессии с 1946 по 1983 годы. Сначала как заведующий районной библиотекой в Брейтове, а с 1968 по 1983 гг. – директор фундаментальной библиотеки Яролавского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского.

Одним из вопросов, часто поднимаемых Борисом Комаровым, был вопрос о языке взаимопонимания, так необходимом человечеству во все времена и эпохи.

«Классическая литература – универсальный язык, основанный на абсолютных ценностях», – говорят Петр Вайль и Александр Генис в предисловии к своей книге «Родная речь: уроки изящной словесности», вышедшей в этом году в издательстве «КоЛибри». Данное издание призвано возродить интерес к русской классической литературе у человека, когда-то окончившего среднюю общеобразовательную школу. Две главы посвящены М.Ю. Лермонтову. Беседуя с читателями у книжной выставки «Лермонтов и современность» в октябре этого года в библиотеке имени Ф.М. Достоевского, мы обратили внимание на слова Вайля и Гениса: «Особенности судьбы Лермонтова и его гения были таковы, что Лермонтов преждевременно обрел разорванное, хаотическое сознание человека нового мира – мира будущих тысячелетий и веков. Это сознание уже с первых лет сочинительства входило в конфликт с послушно принятой стихотворной гармонией. Лермонтов всю жизнь старался писать прозу, может быть, с Лермонтова эта проза и началась».

На седьмых Лермонтовских чтениях, в октябре 2007 года, почетный гость из Японии Асута Ямадзи заметил, что самый известный русский классик в Японии – Достоевский.

Самые сильные впечатления от произведений Лермонтова Достоевский пережил в 1840 году. Герой «Штосса» (1841), последнего прозаического произведения Лермонтова, – Лугин – предшественник «мечтателей» Достоевского в «Хозяйке» (1847), «Петербургской летописи» (1847), «Белых ночах» (1848).

В своем выступлении на третьих Лермонтовских чтении мы затрагивали тему богоборчества в творчестве Лермонтова и Достоевского. Мотивы «Демона» подготовили почву для бунтарей, таких, как Раскольников и Иван Карамазов. Дьявольские двойники Николая Ставрогина («Бесы») и Андрея Версилова («Подросток») соотносятся с прозаическим чертом из «Сказки для детей» Лермонтова. Приемы психологического анализа, разработанные в «Герое нашего времени» – предтеча «подпольной» психологии героев Достоевского.

«В подготовительных материалах к «Подростку» Достоевский противопоставляет «подпольного человека», осознавшего свою «уродливость», «герою мелкого самолюбия» – Печорину...». Лермонтов и Достоевский были любимыми писателями Бориса Павловича Комарова – героя нашего рассказа.

С семьей Бориса Павловича Комарова, исследователя жизни Андрея Михайловича Достоевского, мы познакомились в 2006 году – год 500-летия рода Достоевских. Ираида Ивановна Комарова – супруга Бориса Павловича, заслуженный учитель России, обратила наше внимание на биографическую книгу своего мужа «Жизнь дается не дважды» и особенно на предисловие к ней Виктора Флегонтовича Московкина. Виктор Московкин отмечает: «Статья Бориса Комарова «Был ли Лермонтов в Брейтове?» очень понравилась читателям».

Мы установили, что статья была опубликована в 4 номере ярославского краеведческого сборника «Стрелка» в 1961 году.

Напомним ее содержание: «Мы плыли на пароходе по Рыбинскому морю, как раз под нами находился Борисоглеб – в прошлом крупное торговое село. Когда-то оно было «даровано» графу Мусину–Пушкину, сын которого Алексей Иванович нашел впоследствии в Ярославле знаменитое «Слово о полку Игореве».

Неожиданно с вопросом ко мне обратилась пожилая попутчица:

– А вы знаете, молодой человек, что в наших местах бывал Лермонтов? Когда я была молодой, то жила на попечении экономки барского дома Анны Викентьевны Волчок, которая, как она рассказывала, сменила другую экономку. А та прожила в графском имении 95 лет.

Я прикинул в уме прожитые двумя экономками годы. Они восходили к 30-40 годам девятнадцатого столетия. Тогда я стал внимательно слушать рассказ старушки.

– Граф [Владимир Алексеевич Мусин–Пушкин – прим. И.Б., Е.К.] поздно женился на молоденькой красивой Эмили [Эмили Карловне Мусиной – Пушкиной, урожденной Шернваль, – прим. авт.]. Первое время они часто отлучались в Москву. Но графу было неприятно, когда молодые люди на приемах увивались за его женой. Он стал оставлять ее в Борисоглебе. Сам Лермонтов писал ей стихи и навещал ее проездом из Москвы в Петербург. Тихвинский тракт шел около Борисоглеба.

Говорят, в имении был камердинер графа, высокий черноусый красавец Артамон. Кто из них первый посягнул на неверность, бог знает, но Артамон сошелся с графиней. Однажды граф куда-то поехал, но внезапно вернулся. Артамон находился в спальне жены. Дюжие молодцы выволокли камердинера во двор и, по указанию графа, задушили. Утром Артамона нашли повешенного в лесу. Тут его похоронили.

Так закончила свой рассказ старушка. Об Артамоновой могиле я и сам слышал не раз, будучи еще мальчишкой. Все мы боялись этого места.

Как-то пригласил меня к себе местный любитель старины пенсионер А.Т. Горбунцов. У него был дневник отца, в котором и была запись «Артамонова могила». Почти все сходилось с рассказом старушки.

Только автор сам слышал эту историю от экономки Волчок. И еще он указывал, что видел где-то портрет Эмилии.

Я долго искал этот портрет. В одной деревне жила женщина, некогда прислужившая в графском доме. Мне указали на заколоченную избушку умершей и назвали соседку, что ухаживала перед смертью за больной. Она сказала, что ей за хлопоты были подарены «два платья и еще картина с дамочкой».

И вот передо мной акварельный портрет женщины – красавицы, написанный кистью неизвестного мастера. Изящную голову женщины обрамляют роскошные белокурые волосы. Огромные голубые глаза, отливающие лазурью, смотрят прямо и с лукавством. На губах играет чуть заметная улыбка. Тонкая шея, великолепный бюст и часть талии дают полное представление о молодой красавице.

Внизу под портретом с буквой «ять» лермонтовское стихотворение. Только оно начинается так:

Наша Эмилия
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

Недавно в «Стрелке» я прочитал об учителе М.Ю. Лермонтова А.З. Зиновьеве, и у меня возникло другое предположение, подтвердившее в какой-то степени первое.

В Брейтове жил либеральный помещик Зиновьев, которому на центральной площади села был поставлен памятник (остатки его сохранились до сих пор) за то, что он за три года до реформы 1861 года освободил крестьян от крепостного права.

Сопоставив эти факты, я пришел к выводу, что Лермонтов действительно посещал наши края, останавливался в имении Зиновьевых и, очевидно, бывал у Мусиных-Пушкиных»».

Таково содержание статьи Бориса Павловича Комарова.

Ираида Ивановна Комарова вспоминает, что в начале 1960-х годов в их семье установилось тесное общение по телефону и через переписку с Ираклием Луарсабовичем Андрониковым. В одном из писем И.Л. Андроников сообщил, что случайно прочитал статью Бориса Павловича в журнале «Библиотекарь» и заинтересовался портретом Эмилии, прося разрешения приехать в Брейтово. По неизвестным причинам поездка так и не была совершена. По воспоминаниям Ираиды Ивановны портрет Эмилии, висевший на стене в большой комнате, привлекал внимание всех посетителей их дома. Гости вслух читали написанные внизу строки:

Наша Эмилия
Белее чем лилия...

Дальнейшая судьба этого портрета неизвестна, либо он был передан кому-то на хранение или затерялся при переезде Комаровых из Брейтова в Ярославль в конце 1960-х годов. Может быть, что-то могли бы рассказать об этом сотрудники Брейтовской районной библиотеки, для которых по сей день дорого имя Бориса Павловича Комарова – ветерана библиотеки.

Ветеран нашей библиотеки, Романенко Аза Александровна, с трепетом и любовью вспоминает лекции Ираклия Андроникова по творчеству Лермонтова в Ленинградском библиотечном институте, студенткой которого она была с 1952 по 1956 годы. «Это был живой театр одного человека – кудесника», – говорит Аза Александровна. 31 января 2009 года в нашей библиотеке состоится вечер–портрет, посвященный 75-летию со дня рождения Азы Александровны Романенко, и одной из страниц вечера будет творчество Ираклия Андроникова.

Можно представить, каким бы почетным гостем был Ираклий Луарсабович на всех Лермонтовских чтениях.

Напомним, что о жене графа В.А. Мусина-Пушкина (1798 – 1854) – Эмилии Карловне (1810 – 1846), портрет которой так хотелось увидеть Андроникову в доме Комаровых в 1960–е годы, на первых Лермонтовских чтениях в 2000 году очень ярко рассказал Евгений Ермолин.

Жаль, что Ираклий Луарсабович не успел ознакомиться с замечательным изданием «Ярославль Многоликий». На первой странице обложки журнала «Ярославль Многоликий» – портрет Эмилии Карловны Мусиной-Пушкиной из коллекции Ярославского художественного музея. Акварель не подписана. О датировке можно судить по водяному знаку «J Watman 1845», который определяет нижнюю дату создания портрета. Если портрет является оригиналом, то его верхняя датировка – 1846 год, год смерти Эмилии. При сравнении технико-технологических особенностей данного портрета со стилем известных акварелистов того времени не удалось найти общих признаков ни с одним из них. Поэтому остается еще вопрос об авторе портрета. В Ярославский художественный музей портрет поступил в 1927 году из ярославского имения «Андреевское», когда-то принадлежавшего Наталии Алексеевне Мусиной-Пушкиной (в замужестве Волконской).

Творчество Ираклия Луарсабовича Андроникова (28.09.1998, Санкт-Петербург – 11.06.1990, Москва), столетие которого мы отмечаем в этом году, по сей день учит бескорыстно, самозабвенно и страстно любить высокие ценности нашей культуры.

Писатель Даниил Гранин, тоже отмечающий в этом году замечательный юбилей, – президент общества друзей Российской Национальной Библиотеки, в одном из интервью заметил: «Единственное, что освещает человеческую жизнь, – это любовь».

Этой любовью мы все сегодня преисполнены. Свое выступление хочется закончить строками из стихотворения Дж. Байрона «Прости», в переводе М.Ю. Лермонтова. Эти строки были одними из любимых у Федора Михайловича Достоевского:

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!

Пусть любовь к классической литературе делает нас добрее и придает высокое качество нашей жизни.

Литература:

1. Андроников, И. Все живо / И.Л. Андроников. М. : Сов. писатель, 1990. 496 с.
2. Вайль, П. , Генис, А. Родная речь : уроки изящной словесности /В. Вайль ; А. Генис. М : Колибри, 2008. 256 с.

3. Лермонтовская энциклопедия / В.А. Мануйлов, гл. ред. ; Ин-т русской лит. АН СССР (Пушкинский Дом) ; науч.-ред.совет изд-ва «Сов. энцикл.». М.: Сов. энцикл., 1981. С. 143- 144, 324.
4. Московкин, В. Об авторе книги Б. Комарове / В.Ф. Московкин // Комаров, Б. Жизнь дается не дважды: повесть / Б.П. Комаров. Ярославль, 1973. С. 3-4.
5. Гусева, Т.И. Служивший отчизне и любимому делу / Т.И. Гусева, Г.Н. Бакланова ; Брейтовская центральная библиотека Ярославская область // Новая библиотека. 2006. № 8. С. 17-20.
6. Комаров, Б. Бывал ли М.Ю. Лермонтов в Брейтове? / Б.П. Комаров // Стрелка. 1961. № 4.
7. Ермолин, Е.А. У ног красавицы. Михаил Лермонтов и Эмилия Мусина-Пушкина / Е.А. Ермолин // Лермонтов и Ярославская земля : материалы первых краеведческих чтений / Центральная городская библиотека имени М.Ю. Лермонтова. Ярославль, 2000. С. 41-47.
8. Калинина, Е.А. Лермонтов – поэт сверхчеловечества: опыт современного прочтения работы Д. Мережковского // Мир Лермонтова: материалы третьих Лермонтовских чтений / Центральная городская библиотека имени М.Ю. Лермонтова. Ярославль, 2003. С. 11 – 16.
9. Колосова, А. Усадьба Валуево и ее владельцы // Наука и жизнь. 2008. № 9. С. 110-116.
10. Алексеев, Н.М. Мусины-Пушкины на Мологской земле // Мусины-Пушкины в истории России. «Рыбинское подворье», 1998. С. 172 – 180.
11. [Портрет Э. К. Мусиной-Пушкиной] // Ярославль Многоликий: журн. секции искусства Верхн.-Волж. регион. отд.-ние РАЕН. 2002. № 3. 1-я стр. обл.
12. Кравченко, Т.И. Не только дать детям жизнь. Комарова Ираида Ивановна // Ветераны и молодежь. 2008. № 17-18. (август). С. 2.

***М.М. Уманская и ее монография
«Лермонтов и романтизм его времени»***

Скафтымова Людмила Александровна
(г. Санкт-Петербург)

Маргарита Михайловна Уманская – известный литературовед, ученый, педагог, критик, журналист. Ее творческая деятельность совпала с самым сложным, противоречивым периодом в истории России – 1930-1970-ми годами XX века, когда творческая интеллигенция обязана была идти заранее заказанным и указанным путем, а оригинальность мышления не только не поощрялась, но преследовалась. Умение мыслить самостоятельно, не повторяя устоявшихся норм, великолепное владение пером, широкий культурный кругозор Уманская унаследовала от своего великого учителя – Александра Павловича Скафтымова.

Маргарита Михайловна родилась 30 ноября 1913 года в маленьком городке Владимирской области – Варнавине. Ее отец Федор (Теодор) Карлович Дотцауэр происходил из обрусевших немцев (его предки были вывезены Петром Первым из Германии в Россию). Мать – Мария Николаевна Архангельская – была одной из первых русских женщин, получивших высшее образование, окончила в Петербурге Высшие Бестужевские курсы (ныне Петербургский университет) и преподавала математику. Федор Карлович рано

ушел из жизни (у него был туберкулез), и заботу о девочке принял на себя ее отчим – Михаил Павлович Черногубов, дворянин по происхождению, многие годы работавший директором Реального училища в Саратове. Впоследствии он усыновил ее.

Жизненный путь Уманской отнюдь не был «зеленой улицей». С детства она мечтала заниматься литературой, но ей было отказано в приеме на филологический факультет, видимо, по причине немецкой национальности отца и дворянского происхождения ее отчима. Пришлось поначалу поступить в Лесомелиоративный институт. В годы войны от депортации вместе с другими немцами Поволжья ее буквально спас А.П. Скафтымов (в то время Маргарита Михайловна была его гражданской женой).

Окончив филологический факультет Саратовского педагогического института, она поступает в аспирантуру и начинает педагогическую деятельность в этом вузе, продолжавшуюся почти тридцать лет. Судя по воспоминаниям студентов (а я общалась со многими из них), Уманская была блестящим лектором. Ее лекции отличались особым артистизмом, любовь к «героям» этих лекций, их творчеству была столь велика, что, рассказывая о смерти Пушкина, Лермонтова, она каждый раз переживала ее как уход чрезвычайно близких ей людей, и в глазах молодого лектора стояли слезы.

В нашем доме всегда были свежие цветы, количество которых увеличивалось в конце учебного года, когда студенты защищали свои дипломные работы. Так было и в солнечном Саратове, и в холодном Ярославле, куда она переехала в шестидесятые годы. Ректором Ярославского педагогического института назначили П.Н. Пилатова, возглавлявшего до этого Саратовский педагогический институт. Он и пригласил Уманскую на работу в качестве заведующей кафедрой литературы в старинный северный волжский город.

В Ярославле, как и в Саратове, ученый продолжает не только активную педагогическую, но и просветительскую деятельность, выступая с публичными лекциями по линии общества «Знание» (тогда это была достаточно мощная и действенная просветительская организация). Как и в Саратове, она сотрудничает с областными газетами, театрами: в Саратове с ТЮЗом, который возглавлял талантливый Ю.П. Киселев, имя которого сейчас носит театр и одна из улиц города; в Ярославле – со старейшим русским театром имени Ф.Г. Волкова. В газетах часто появляются ее рецензии на кинопремьеры и спектакли театров.

В ее комнате – сначала в общежитии Ярославского государственного педагогического института на Которосльной набережной, а потом в небольшой квартирке на улице Чкалова, часто можно было встретить сотрудников возглавляемой ею кафедры, и не только их. Об этих замечательных людях, работавших в то время на кафедре литературы, хочется сказать особо. К сожалению, большинства их них уже нет в живых. Это были настоящие русские интеллигенты, влюбленные в свой предмет, энтузиасты своего дела. Герман Петрович Верховский, Андрей Александрович Семенов, Андрей Петрович Астафьев и его дочь Надежда Андреевна, ныне здравствующие Нина Ивановна Печенина, Ольга Аверьяновна Демиховская – к ним Маргарита Михайловна относилась не просто как к коллегам, а как к близким, дорогим людям, разделяя их семейные и бытовые невзгоды. Мне кажется, что и кафедралы так же относились к своей заведующей. В Петербурге мы часто общались с Н.А. Астафьевой (вплоть до ее недавней кончины), вместе ездили на могилу моей матери, похороненной на Южном кладбище Петербурга.

В ее доме я познакомилась и с В.А. Мануйловым, А.И. Груздевым, Б.Т. Удодовым, а также с Ритой Ваняшовой – она тогда была студенткой этого вуза. Частыми гостями, особенно в период жизни

Маргариты Михайловны в институтском общежитии, были актеры Волковского театра. Эта невероятно обаятельная, жизнелюбивая, остроумная женщина всегда была душой компании.

Научные интересы Уманской были связаны с отечественной литературой XIX века. Ее первая монография, посвященная А.Н. Островскому и русской исторической драматургии, вышла в начале 1960-х годов. Но, думается, самым главным «героем» ее раздумий был М.Ю. Лермонтов, творчество и личность которого были ей чрезвычайно близки. Меня часто спрашивают студенты, откуда я знаю так много стихотворений наизусть (я музыковед по профессии). И я объясняю им, что поэзия «вошла в меня» с раннего детства, и этим я обязана матери, которая часто читала мне стихи (всегда наизусть), и некоторые из них производили такое сильное впечатление, что невозможно было их забыть. Так произошло с лермонтовским стихотворением «Воздушный корабль» («По синим волнам океана»). Мне было 5-6 лет, когда я услышала его в ее исполнении и почему-то заплакала. Так я узнала о Лермонтове.

Многолетние размышления об этом гениальном художнике нашли наиболее полное отражение в ее книге «Лермонтов и романтизм его времени».¹ Ей предшествовал целый ряд статей, касающихся разных сторон его творчества.² Но и после выхода монографии Маргарита Михайловна продолжает работать над этой темой. Через несколько лет появляется новое масштабное (более 400 страниц) исследование «Этюды о Лермонтове», которое ученый не успела опубликовать – в то время это было очень сложно, так как существовали только единичные государственные издания.

В предисловии к монографии «Лермонтов и романтизм его времени» автор отмечает, что стремилась «сосредоточить главное внимание на таких наименее изученных вопросах теории и истории романтизма, как его исторические истоки, искусство человековедения, эволюция лермонтовского романтизма».³ Основной темой, объединяющей все главы книги, дающей ей внутреннее единство является тема творческих связей и взаимодействия романтизма и реализма в русской литературе 20-30-х годов XIX века и, прежде всего, в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Заметим, что проблема романтизма и реализма чрезвычайно актуальна не только для литературоведения, но и для современного музыкознания. Но здесь она разработана в значительно меньшей степени, чем в литературоведческой науке, а точнее, практически не исследована. Во всяком случае, не существует специальной фундаментальной работы, посвященной целиком этой проблематике, а в нескольких статьях, написанных маститыми учеными-музыковедами, нет единого мнения. Так, недавно в личном архиве известного исследователя русской музыки, профессора Петербургской консерватории (последние годы жизни она провела в Ярославле) Е.М. Орловой была обнаружена ее неопубликованная статья «Романтизм в русской музыке 60-70-х годов XIX столетия». Судя по цитированным в ней источникам, она была написана в конце 1960-х и напрямую корреспондирует с напечатанной в сборнике «Вопросы теории и эстетики музыки» в 1965 г. статьей известного московского музыковеда М.Г. Арановского «Романтизм и русская музыка XIX века».⁴

Здесь ученый выступает против прямого перенесения методологии литературоведения на музыкальное искусство, особенно в трактовке таких понятий, как *романтизм* и *реализм*. «Из его интерпретации важнейших особенностей творчества Глинки, Чайковского и «кучкистов» следует вывод, что в России имел место *национальный вариант романтизма* [выделено Г. Некрасовой] – как сугубо индивидуальное преломление идей современного европейского искусства».⁵

Первым публичным откликом на публикацию Арановского стала появившаяся спустя 15 лет статья А.И. Кандинского «О реализме и романтизме в русской музыке второй половины XIX века».⁶ Автор известных работ о Римском-Корсакове и Рахманинове, создатель учебников по русской музыке возражал младшему коллеге по одному из принципиально важных положений: по его убеждению, своеобразие русской музыкальной классики определяется не столько тем, что она являет собой особенный, индивидуальный вариант общеевропейского романтизма, сколько связано со сложно синтетическим взаимодействием реалистических и романтических тенденций, проистекающих из особенностей культурно-исторического развития страны.

Понимание Е.М. Орловой романтизма и реализма ближе к позиции Кандинского. Вместе с тем, в ее работе ощутимо стремление не ограничивать трактовку этих важнейших категорий рамками какой-либо одной дефиниции. Отсюда характерная для этого исследования терминологическая вариантность характеристик: «Романтизм – внутри реализма как его психологический аспект», «Романтизм в его особой стилевой ветви романтико-психологического реализма» и другие.

Мы не случайно обращаемся к основополагающим музыковедческим работам, связанным с проблемой романтизма и реализма, их взаимодействием. Во-первых, становится ясным, сколь важна эта проблематика для современной музыковедческой науки (а не только для литературоведения); во-вторых, становится очевидной близость многих положений, имеющих место в работах ведущих музыковедов (А.И. Кандинский, Е.М. Орлова) концепции романтизма, заложенной в литературоведческом исследовании М.М. Уманской. Не случайно в своей, ставшей классической, работе «Лекции по истории русской музыки» Орлова ссылается на эту ее книгу.⁷

В своей монографии Уманская опирается на работы отечественных литературоведов, занимавшихся изучением романтического творчества Лермонтова, и, соответственно, разрабатывавших концепцию русского романтизма 20-30-х годов XIX века – А. Соколова, К. Григорьяна, В. Архипова, В. Мануйлова, Б. Удодова, У. Фохта и др., в то же время, создавая свою собственную. В первой главе своей книги – «Спорные вопросы теории романтизма» автор анализирует эти труды, сравнивает основные выводы своих коллег. Для большинства этих работ характерна концепция, связывающая происхождение русского романтизма с западноевропейским, в которой не учитывается **национальное своеобразие** романтического движения в России, не позволяющее встать на путь прямых аналогий и сближений романтизма русского и западноевропейского. Она сравнивает романтические поэмы Байрона – светила, силу притяжения которого испытывали все остальные малые планеты, их героев с таковыми Пушкина и Лермонтова. «Байронический культ гордого и одинокого героя-индивидуалиста (...), с его всепоглощающей любовью к одной избраннице и ненавистью ко всему человечеству», по мысли Уманской, «оказался неприемлемым для русского романтизма и вызвал полемику Пушкина с Байроном в «Кавказском пленнике» и «Цыганах»: разочарованный Пленник уступает в благородстве и самоотвержении девушке-черкешенке, а «гордый человек» Алеко снижен и развенчан Пушкиным не только в этическом, но и эстетическом плане».⁸

Во второй главе рассматривается проблема синтеза романтизма и реализма. Здесь автор ставит перед собой достаточно сложные задачи: проследить в историко-теоретическом аспекте развитие русской литературы 20-30-х годов XIX века из «акта сознания» личности в «акт сознания» общества (В. Белинский), возникновение в ней под влиянием новых идей времени новых форм; рассмотреть процесс перестройки

всей поэтической системы, в том числе композиционно-жанровых форм и принципов повествования. Творческие связи и взаимопроникновение романтизма и реализма, преодоление романтического субъективизма, наследование реализмом художественных открытий романтизма рассматриваются на материале творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Подробному анализу подвергается стихотворение Лермонтова «Не верь себе», получившее неоднозначное толкование у литературоведов и вызвавшее полемику между ними. Уманская утверждает, что «сложность прочтения «Не верь себе» объяснима тем, что мысль Лермонтова уходит **в глубину, в подтекст** [выделено М.У. - Л.С.], оставляя впечатление недоговоренности, недосказанности, а может быть, и известной несогласованности и двойственности эмоционально-эстетических оценок автором образа молодого мечтателя».⁹ Полемизируя с другими исследователями, автор монографии отвечает на вопросы: «Осуждает, Лермонтов поэта-романтика или сочувствует ему? Откуда этот, очень личный тон стихотворения, звучавшего как приглушенной трезвой аналитической мыслью крик души поэта? На что обращена горькая, без улыбки, ирония Лермонтова: на молодого ли мечтателя, так плохо знающего жизнь, или на несогласованность суровых жизненных истин с высокой мечтой и романтическим идеалом? На «возвышающий обман» искусства или «тьму низких истин» печальной действительности, глубоко трагичной в своей будничной повседневности?».¹⁰

В следующей главе («Концепция характера в романтизме») наше внимание привлёк раздел, посвященный «музыке стиха» Лермонтова, а также его связи с романтическим портретом А. Орловского, О. Кипренского, К. Брюллова и, в то же время, его отличию от словесного портрета Лермонтова. Говоря о музыкальности стиха поэта, Уманская обращается к XV-й строфе «Демона», а именно, к речи Демона, где он стремится усыпить земную скорбь и боль Тамары, перенести ее из мира тревог и утрат в беспечальный заоблачный мир. Демон навеивает Тамаре «золотые сны», и это предопределяет, по мнению исследователя, выпадение этого раздела («На воздушном океане») из основного ритма поэмы.

Еще одна из проблем, поставленных в исследовании – тема рока, фатализма в поэзии и прозе 20-30-х гг. Нас она заинтересовала в силу того, что она занимает значительное место и в музыке. Вспомним произведения П.И. Чайковского, его последние три симфонии, программную симфонию «Манфред», одночастные симфонические поэмы «Фатум», «Ромео и Джульетта» (где рок предстает в виде темы вражды Монтекки и Капулетти). Человек и рок – основная тема этого великого оперного и симфонического драматурга. Волновала она и западноевропейских романтиков – Г. Берлиоза, Ф. Листа, Р. Вагнера.

Проблему роковой фатальности Уманская рассматривает на примере романа Лермонтова «Герой нашего времени», выявляя три разновидности, три типа фатализма, представленных в нем – это «не мудрствующий лукаво и опирающийся на народную мудрость» фатализм Максима Максимовича, который верит, что с человеком случается то, что «на роду написано». Мистическим фаталистом является азартный игрок Вулич, считающий, что человеку «заранее назначена роковая минута» и поэтому он не может сам распоряжаться своей жизнью. Оригинально трактуется своеобразный фатализм Печорина, который понимает свою внутреннюю несвободу, власть эгоистических чувств и страстей, которые независимо от его воли, фатально превращают его в «орудие казни» и разрушителя чужих стремлений и надежд.

Образу Печорина отводится одно из главных мест. В короткой статье невозможно проследить все грани его характеристики, всю сложность и противоречивость этого образа, которые филигранно и

многосторонне «высвечиваются» в монографии. «В перспективе лермонтовского творчества, – пишет ее автор, – Печорин завершал собой тип страдающего индивидуалиста, человека рока, который проходит через все ранние поэмы кавказского цикла, незаконченный роман «Вадим», философскую драму «Маскарад», поэму «Демон». При всем своеобразии сюжета, исторической эпохи, местного национального колорита и даже социальной природы героя, Лермонтов – философ и мыслитель – стремится постичь и раскрыть прежде всего общечеловеческую сущность своих героев, всех этих «детей рока», отмеченных каиновой печатью проклятья и отверженья, проносящихся по жизни подобно кровавому метеору или «стреле громовой».¹¹ Действительно, ведь и Измаил-Бей, и Демон, и Печорин не только жертвы рока, но и его слепые, бессознательные орудия, неподвластные людскому суду, не ищущие оправдания и не ждущие участия или снисхождения к себе.

Пристальному осмыслению подвергается и ранняя пушкинская поэма «Цыганы», прослеживается «развенчивание» своего героя Пушкиным, так как он совершает преступление не только против нравственности, но и против красоты. Вместе с любовью и красотой Алеко убивает и поэзию. Видимо поэтому там, где возникает его образ, поэзию вытесняет проза, а музыкальную интонацию – обыденная, разговорная.

Уманская рассматривает эту поэму как начало художественных открытий и свершений Пушкина-реалиста, где «поэт впервые приходит к тому слиянию и единству этической и эстетических оценок, которое свойственно было романтизму в целом с его поэтизацией сильной, исключительной личности».¹² «Впервые в истории романтической поэмы, – отмечает исследователь, – герой теряет ореол силы и исключительности, свое превосходство над окружающими в плане **эстетическом** [разр. М.У. - Л.С.]. Оскорбление нравственности и красоты гуманист Пушкин не должен, не может оставить безнаказанным. Алеко теряет право быть гордым и прекрасным, «высокий» романтический герой низведен до обыденного, в сущности, жалок и антипоэтичен».¹³

Масштабы статьи не позволяют остановиться на всех аспектах этого фундаментального исследования, осветить все его разделы, да мы и не ставили перед собой такой глобальной задачи. Проблемы, затронутые здесь, как уже говорилось, оказались чрезвычайно актуальными для современного музыкознания. Основной пафос исследования М.М. Уманской – романтизм и реализм не отдельно существующие направления, а взаимодействующие и взаимосуществующие. Этот вывод, почти без оговорок, можно отнести и к процессам, происходившим в отечественной музыкальной культуре.

Примечания:

1. Уманская, М.М. Лермонтов и романтизм его времени / М.М. Уманская ; Мин-во просвещения РСФСР, ЯГПИ им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 1971. 304 с.

2. Уманская, М.М. М.Ю. Лермонтов и проблема романтизма в русской литературе 20-30-х годов XIX века // Филологические науки. 1965. № 2 ; Романтизм и реализм в литературе 20-30-х годов XIX века: (вопросы метода и стиля) // Проблемы русской литературы. Вып. 1. Ярославль, 1966 ; «Роман судьбы» или «роман воли»? : (проблема фатализма в «Герое нашего времени») // Русская литература. 1967. №1 ; Романтическое начало в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Проблемы изучения художественного произведения: (методология, поэтика, методика). Ч.1. М., 1968 и др.

3. Уманская, М.М. Указ. монография. Предисловие.

4. Арановский, М.Г. Романтизм и русская музыка XIX века // Вопросы теории и эстетики музыки. М., 1965.
5. Некрасова, Г.А. О некоторых методологических аспектах опубликованных и рукописных работ Е.М. Орловой // Musicus. 2008. №3 (12). СПб. С. 8.
6. Кандинский, А.И. О реализме и романтизме в русской музыке второй половины XIX века // Вопросы методологии советского музыкознания. М., 1981.
7. Орлова, Е.М. Лекции по истории русской музыки. Л., 1974. С. 216.
8. Уманская, М.М. Указ монография. С.17.
9. Там же. С. 34.
10. Там же.
11. Там же. С. 171.
12. Там же. С. 201.
13. Там же.

*Учитель, перед именем твоим...
Страницы жизни профессора Иванова Анатолия Николаевича*

Баранов Владимир Николаевич

(г. Ярославль)

С Анатолием Николаевичем Ивановым я познакомился в октябре 1958 года. Я – студент-первокурсник, он – тогда еще доцент, ведущий курс геологии на естественно-географическом факультете Ярославского педагогического института имени К.Д. Ушинского. В кабинете геологии мое внимание привлекла одна ископаемая ракушка со странным, как мне показалось, названием *Cadoceras elatmae* Nik (кадацерас елатьма). Мне, приехавшему в Ярославль из Елатьмы Рязанской области, выросшему в этом районном центре, такое наименование показалось особенно интригующим. По окончании лекции я подошел к Анатолию Николаевичу и спросил, какая же связь между названием ископаемой ракушки и небольшим городком на реке Оке. Он мне пояснил, что в окрестностях Елатьмы, в высоком берегу Оки, имеются выходы на дневную поверхность глинистых слоев морского образования, содержащие в себе ископаемую фауну, указывающую на их юрский возраст. Анатолий Николаевич посоветовал мне обратить на это особое внимание, чему я и последовал, стал серьезно заниматься предложенной темой. В июле 1959 года он организовал мне командировку в родную Елатьму через студенческое научное общество нашего института на сборы юрской фауны для продолжения научной работы по теме «Юрские отложения Рязанской области».

Вопросами палеонтологии, геологии, палеогеографии я увлекся основательно. Большую часть свободного от учебы времени проводил в кабинете геологии. Таким образом, я оказался невольным свидетелем того, как часто к Анатолию Николаевичу приходили друзья, коллеги, бывшие выпускники факультета. Закончив учебу и отработав год в ярославской школе учителем биологии, я вновь вернулся в геологический кабинет, но уже в качестве ассистента кафедры физической географии. С еще большим интересом я стал воспринимать гостей Анатолия Николаевича и все более убеждался, что он буквально притягивает к себе наиболее интересных, одаренных, реально мыслящих людей. В качестве примера

можно назвать Николая Васильевича Чижикова, преподавателя Ростовского сельскохозяйственного техникума, истинного патриота земли Ростовской. Он не только ратовал за ростовский лук и ростовские луга, но и был первооткрывателем очень важного геологического обнажения, явившегося своеобразной страницей в истории геологического развития земли Ярославской в ледниковую эпоху четвертичного периода. Мало кто знает, что наш земляк стал героем художественного произведения – прототипом агронома Николая Семеновича Зябликова в повести известного советского писателя Ефима Дороша «Дождь пополам с солнцем». Об этом догадываешься с первых же строк: «Агроном по образованию, великий знаток растений и почв, до последнего времени преподававший в здешнем сельскохозяйственном техникуме, Николай Семенович недавно вышел на пенсию. Теперь он свободен отдался давней, главенствующей страсти – краеведению, которое вбирает в себя и растения с почвами, и местные обычаи, историю, геологию...».

Благодаря своему Учителю я познакомился и с другими замечательными людьми – архитектором Иваном Борисовичем Пуришевым, писателем Константином Яковлевым, художником Картовичем.

Родился Анатолий Николаевич Иванов (1910-1991) в Орловской губернии, в селе Бересток Севского уезда. В его автобиографии значится, что родился он «в семье потомственных учителей». Это не совсем так. Отец его был священником. В те годы (1920-1930) самыми лучшими учителями в сельской глубинке были священнослужители. И по сути дела, сын не погрешил против истины, представив своего отца педагогом. В годы воинствующего атеизма Анатолий Николаевич вынужден был скрывать свое истинное происхождение, что и позволило ему по окончании школы поступить в Московский педагогический институт на биологическое отделение, где кафедру геологии возглавляла профессор Вера Александровна Варсановьева. Она быстро заметила пытливого юношу и в дальнейшем содействовала развитию научных интересов талантливого студента, а затем и аспиранта. В 1939 году на заседании Ученого совета геологического факультета Ленинградского государственного университета Анатолий Николаевич блестяще защитил кандидатскую диссертацию, после чего ему поступило предложение от академика АН СССР А.А. Борисяка, работать в качестве старшего научного сотрудника в Палеонтологическом институте Академии наук СССР.

Однако проработать в ПИНе ему довелось всего лишь один год. Причина банальная – отсутствие жилплощади и постоянной московской прописки. А он уже женатый человек, у него растет сын.

В 1940 году по конкурсу, в звании доцента, Анатолий Николаевич был избран заведующим кафедрой геологии Ярославского педагогического института. Ярославль им выбран не случайно. Он отлично знал, что в Верхнем Поволжье находятся классические обнажения мезозойских и, в первую очередь, юрских слоев. Он знал, что работами Г.Е. Щуровского, С.Н. Никитина, А. П. Иванова, Н.Т. Зонова изучение Ярославской юры только начато, позднеюрские и раннемеловые слои требуют дальнейшего, более внимательного, более полного изучения.

Покидая Москву, столь близкий ему Палеонтологический институт АН СССР, Иванов понимал, что он теряет, но иного выхода не находил. Мотивы переезда в Ярославль объясняются в письме Анатолия Николаевича тогдашнему руководителю Палеонтологического института академику АН СССР А. А. Борисяку.¹

«Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Мне не пришлось оставить Вам заявление из-за отъезда в Рязанскую область. Я посылаю его сейчас.

Мне было очень тяжело вести разговор с Вами об истории с Ярославским пединститутом, зная Ваше внимание ко мне, желание сохранить меня в ПИНе и вообще те трудности, в которых Вы создали и продолжаете укреплять ПИН.

Думайте, что хотите, только не думайте одного – что у меня нет настоящей страсти к науке. Но что же тогда уход в Ярославль самоубийство? На мой взгляд (может быть, взгляд мечтателя) нет. Я считаю, что наука будет поднята на должную высоту у нас в стране в том случае, если мы не будем культивировать ее только в столице. Каждый более или менее крупный город должен быть самостоятельным научным центром, как это есть в той же Германии.

Намеренье, уйти в Ярославль, было связано с надеждой сохранить самую тесную связь с ПИНом, с надеждой на его помощь и содействие, в частности, в направлении снабжения литературой и печатаньем работ в изданиях Ак. Наук, т. е. с надеждой продолжить там научную работу.

Сейчас в Москве я работаю очень плохо, т. к. бытовая неустроенность, военные занятия и т. д. настолько мешают, что я не могу отдаться своему делу так, как это нужно для творческой работы.

Многого там нет, что есть в Москве, но там может быть несколько вечеров, дней, может, недель, которые дороже месяцев прозябания.

Вот вкратце, почему я подался в Ярославль.

Я посылаю Вам заявление с заверением о желании продолжать работу в ПИНе. Но если все же мне не удастся остаться в Москве, прошу учесть то, что было сказано в этом кратком письме.

Ваш А. Иванов»

Вскоре началась война, внесшая свои коррективы в судьбы многих людей. После войны из эвакуации в Москву возвращается Палеонтологический институт, и тут же А. Н. Иванов получает приглашение академика Борисяка следующего содержания:

«Дорогой Анатолий Николаевич!

На днях Палеонтологический институт переезжает в Москву. Очень хотелось бы иметь Вас опять нашим сотрудником. Смогли ли бы Вы работать в Палеонтологическом институте на тех же условиях, как это было до войны? Или других?

В случае Вашего положительного ответа начну соответствующие хлопоты.

Как живете, над чем работаете?

С приветом

А. Борисяк.

Москва, 2, Дурновский пер., 1^б, кв. 1»

К этому времени Анатолий Николаевич уже, как говорится, пустил «глубокие корни» на Ярославской земле. Продолжая свои палеонтологические исследования, он большое внимание уделяет вопросам истории науки, краеведческой тематике. Например, труды А.Н. Иванова по памятникам природы области получили высокую оценку Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны природы, присудившего ему в 1983 году первую премию, памятную медаль и диплом.

Более половины опубликованных работ А. Н. Иванова принадлежат истории науки, которой он занимался со студенческих лет. Среди них статьи о М.В. Ломоносове и его предшественнике В.Н. Татищеве, который стоял у колыбели отечественной палеонтологии. Очерки и главы, написанные А.Н. Ивановым, вошли в такие известные издания, как «Люди русской науки», «История естествознания в

России», «История биологии». При подготовке материала для написания этих работ, Анатолию Николаевичу пришлось очень много трудиться в различных архивах. Благодаря архивным исследованиям к работам А.Н. Иванова по истории науки тесно примыкают книги и статьи по истории педагогики и краеведению. Его труды о ярославском периоде жизни и деятельности великого русского педагога К.Д. Ушинского, имя которого носит Ярославский педагогический институт (ныне университет), в 1964 году удостоены Академией педагогических наук РСФСР премии имени Ушинского. Позднее ему была вручена и медаль Ушинского.

Архивные поиски документов об Ушинском «свели» Анатолия Николаевича с еще одним очень интересным педагогом – Алексеем Зиновьевичем Зиновьевым. Собранный материал позволил А.Н. Иванову подготовить и издать небольшую книжку – «Учитель Лермонтова».² В ней всего 135 страниц и формат почти карманный, но содержание богатое. Прочитав эту книгу, мы как бы наяву знакомимся с человеком большой культуры, широкого кругозора, исключительно талантливым педагогом. А.З. Зиновьев не классик педагогики, это не Коменский, Ушинский или Макаренко. Для получения общего представления о Зиновьеве процитируем первые строчки книги А.Н. Иванова: «Среди деятелей культуры первой половины XIX века в Ярославском крае заметное место принадлежит ... Алексею Зиновьевичу Зиновьеву. Свыше 16 лет он был профессором словесности в Ярославском лицее. Многие его ученики стали учителями школ Ярославской губернии, на других он оказал влияние как педагог-энтузиаст и автор педагогических сочинений. А.З. Зиновьев выступал в местной печати, «был одним из зачинателей краеведения в Ярославле».

Педагогическая деятельность Зиновьева в Ярославле началась 30 января 1830 года. В 1846 году в связи с преобразованием лицея А.З. Зиновьев увольняется и вновь оказывается в Москве. В 1847 году он поступил инспектором и профессором русской словесности в Лазаревский институт восточных языков. Здесь он прослужил до 1858 года. Оставив службу в институте, А.З. Зиновьев не прекратил педагогической деятельности. Он бесплатно давал уроки русского языка в малолетнем отделении воспитательного дома и уроки латинского языка в Мариинско-Ермолинском училище. Анализируя педагогическую деятельность А.З. Зиновьева, отметим тот факт, что начальный и заключительный этапы этой деятельности были связаны с учениками детского возраста, и одним из его учеников оказался Миша Лермонтов. Известно, что воспитанием Михаила Лермонтова занималась его бабушка Е.А. Арсеньева. Поначалу это были учителя из Франции, Германии, Англии. Они, в основном, учили мальчика иностранным языкам. Но для развития общего кругозора этого было, конечно, мало. Бабушка будущего поэта Е.А. Арсеньева, решив готовить любимого внука в Благородный пансион при Московском университете, не случайно остановила свой выбор на А.З. Зиновьеве. Она, безусловно, знала, по отзывам своих московских друзей, кого следует пригласить в учителя своему внуку.

Обучение тринадцатилетнего мальчика Зиновьев начал с того, что познакомился с общими познаниями подопечного, на этой базе организовал домашние занятия и в течение года подготовил Лермонтова к поступлению в старшее отделение среднего класса, т. е. в 4-ый класс. А.З. Зиновьев давал будущему поэту уроки по русскому языку, латинскому, истории и географии. Большое внимание А.З. Зиновьев уделял латинскому языку. Он нужен был и для учения в пансионе и, затем, в университете. По окончании 4-го класса (при переходе в 5-й класс) в декабре 1828 года Лермонтов получил награду – книгу и картину.

В 5 и 6 классах А.З. Зиновьев уже не преподавал, но наблюдения его за учением юноши продолжались. Вот как оценивает роль А.З. Зиновьева в воспитании и обучении Михаила Юрьевича Лермонтова автор книги «Учитель Лермонтова» Анатолий Николаевич Иванов. «В своих воспоминаниях о занятиях с Лермонтовым А.З. Зиновьев назвал себя русским наставником будущего поэта. Он действительно был первым русским учителем поэта. С осени 1827 года готовил его к поступлению в университетский Благородный пансион, а с 1 сентября 1828 года по 1830 год наблюдал за его учением в пансионе. Домашние уроки Лермонтову давали и другие русские учителя, в частности, А.Ф. Мерзляков и учитель рисования А.С. Солоницкий. Но за учение Лермонтова отвечал А.З. Зиновьев, и ему было поручено приглашать необходимых преподавателей...».

Всем хорошо известна литературная серия «Жизнь замечательных людей», знакомившая читателя с деятельностью выдающихся людей. В эту серию вошли биографии людей разных стран. Лев Николаевич Толстой, Назым Хикмет, Карл Маркс, Рабиндранат Тагор и другие. Теперь представьте себе, дорогие читатели, подобную серию, но уже регионального масштаба. Регионом может служить Европейская Россия, а конкретнее – Ярославский край. Кому бы посвящались эти издания? Несомненно, это наши знаменитые земляки Л.Н. Трефолов, Ф.И. Толбухин, П.И. Батов. И менее известные ярославцы: член-корреспондент Академии наук СССР А.А. Сауков – геохимик, открывший ряд месторождений редких металлов, Ю.А. Билибин – ученый-геолог, открывший ряд золотоносных месторождений, М.А. Рыкачев – известный климатолог и воздухоплаватель, А.З. Зиновьев – педагог, первый учитель великого поэта М.Ю. Лермонтова, выдающийся физиолог А.А. Ухтомский...

Заметим, что конкретно жизнь и деятельность Ухтомского изучала преподаватель Ярославского пединститута А.В. Шлюпикова, академика М. А. Рыкачева – И.Я. Поташов, но в процессе своей работы они часто обращались с различными вопросами к А.Н. Иванову. Сам же Анатолий Николаевич считал за честь увековечить имя достойного человека в памяти народной. Благодаря его стараниям мы имеем в Ярославле улицы имени Саукова, имени Рыкачева. Многие свои начинания и планы А.Н. Иванов осуществить просто не успел.

23 марта 2010 года исполнится 100 лет со дня рождения А.Н. Иванова. Светлой памяти этого талантливого разностороннего человека, ученого, профессора Анатолия Николаевича Иванова и посвящается эта работа.

Примечания:

1. Письма из архива Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.
2. Иванов, А. Н. Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966. 135 с.

Литераторы, прошедшие лагерь в Коми АССР

Попов Анатолий Александрович

(г. Сыктывкар)

*История не терпит суесловья,
трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.*

Я. Смеляков

Собрание материалов о репрессированных литераторах* объединяет в себе имена тех, кто имел отношение к Коми краю не по своей воле, а по воле рока, точнее, Власти. Дополняют этот список литераторы – уроженцы Коми края, тоже очутившиеся в объятиях ГУЛАГа.

В настоящее время в этом списке более 350-ти имён. В первую очередь, это имена уже достаточно известные всей стране, имена, создавшие себя талантом поэтов и прозаиков, драматургов и критиков: Семён Гехт, Ярослав Смеляков, Анатолий Маленький, Моисей Тейф, Самуил Галкин.

Вторая группа (разумеется, распределение авторов по группам чисто условное) – это те, кто обратился к Слову в лагере, кого Слово спасало, кому Слово помогало. Это Арсений Титов, Елена Маркова, Лариса Высоцкая.

Третья группа – это коми литераторы, то есть, те, кто родился на этой земле, и которых кидало не только по лагерям на территории Коми АССР. В качестве примера приведу Питирима Сорокина, всемирно известного социолога, уроженца Коми земли, высланного из Советской России в 1922 году в числе виднейших учёных и писателей – в то время высылка считалась исключительной мерой наказания в отличие от расстрела, который предлагалось именовать высшей мерой наказания.

Четвёртая группа – имена, которые остались только именами, ибо пока никакими сведениями о них не располагаю: это список оптимизма и надежды. В этот список включены имена, которые пришли из рассказов, писем – и не всегда находится подтверждение. Несколько достаточно примечательных примеров такого заблуждения.

Создатель музея ГУЛАГа в Абези, что недалеко от Инты (когда-то эта станция была столицей Севжелдорлага), Виктор Ложкин прислал мне списки тех, кто отбывал срок в Абези. В список литераторов и историков был включён Игорь Михайлович Рейснер, брат Ларисы Рейснер. Я начал поиски. Только в 2004 году мне удалось выяснить, что Игорь Рейснер никогда не бывал в Абези, более того, ему не пришлось отбывать срок в лагере: все гонения на него сошлись в исключении на некоторое время из партии и увольнении с работы, тоже на непродолжительный период.

Фамилия жены великого Менделеева Анны Ивановны Менделеевой тоже оказалась в списках, присланных из Абези. Это имя для меня было вообще священным, ибо первое своё образование, химическое, я получил в Ленинградском химико-технологическом техникуме имени Менделеева. Анна Ивановна, художник и ученица И.Е. Репина, подарила техникуму портрет Дмитрия Ивановича. Однажды в каком-то выступлении я поторопился указать на жестокость ГУЛАГа – вот, мол, женщине за 80 – а не пощадили! Год назад мне стало неуютно в музее-квартире Д.И. Менделеева, когда мне пояснили, что

Анна Ивановна никогда не была репрессирована и не могла умереть в Абези, а похоронена в Ленинграде рядом с супругом. Думаю, самое правильное в поведении исследователя – не стыдиться признавать свои ошибки, что я всегда и делаю безропотно.

Пятая группа – это украинский список – имена, пришедшие ко мне из киевского журнала «Зона». Редакция журнала помогла не только получить все номера журнала, таковых более двадцати, но и в чём-то содействовала пополнению сведений – даже возникла переписка с некоторыми из авторов.

Шестая группа – литературоведы. Здесь хотелось бы отметить Дрибинского Артура Моисеевича, который переписывался с А.А. Ахматовой. На письме, присланном ей из Воркуты, Анна Андреевна сделала пометку: «Надо ответить» – письмо хранится в фонде Ахматовой в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Седьмая группа – это литературные загадки. Здесь и авторы одного стихотворения, с которым они «пришли» в мои списки. Например, Генриетта Карловна Дерман, великий библиотекарь, первый директор библиотечного института в Москве, похороненная в Воркуте. Умерла через несколько дней после освобождения, отбыв в воркутинских лагерях 15 лет. Это и Наталья Николаевна Успенская, женщина в чём-то авантюрная, трагической судьбы. Жена одного из руководителей нескольких крупных лагерей, Дмитрия Успенского, личного друга Ягоды. Успенские своего первенца назвали в честь друга Генрихом. Когда Успенский возглавлял строительство железной дороги на Воркуту, Наталья Николаевна уже отбывала срок в Сивой Маске, что под Воркутой. В лагере у неё родился сын, который прошёл путём матери, прошёл по лагерям почти десять лет, став вором в законе. И вот что удивительно: после отбытия срока Успенский работал на одной из шахт Воркуты, был добрым, влюблённым в литературу, сам писал стихи. У него хранилась тетрадь со стихами матери. Он покончил жизнь самоубийством, и после его смерти загадочно пропали и тетрадь со стихами его матери, и его собственные стихи. Мы дружили, с ним было интересно. Он понимал, что нужно рассказать о своей жизни, о матери, но всё время откладывал этот разговор, объясняя тем, что мы ещё не готовы его слушать, а значит и понять. А потом случилась трагедия. Вскоре умерла после тяжёлой болезни и его супруга. Дочь пыталась помочь мне в поисках рукописей, но безрезультатно.

Пожалуй, самая захватывающая группа – это те, с кем мне удавалось пообщаться, с которыми была и есть переписка. Это такой сундук знаний! Они щедро делятся своим опытом. Они терпеливо разъясняют и помогают, их не раздражают постоянные мои уточняющие вопросы – они служат своему времени ради того, чтобы это помнили! Чтобы такое не повторилось! Это Рифат Хабибулович Гизатулин из Москвы, Елена Владимировна Маркова из Москвы, Павел Алексеевич Почиталин из Рязанской области, Рафаил Соломонович Клейн из Сыктывкара, Виктор Яковлевич Рубанович из Нижнего Новгорода, Леонид Иванович Рябченко из Полтавской области, Владимира Иеронимовна Уборевич-Боровская.

Дарили мне почтовое внимание и личное общение ушедшие из жизни ленинградский поэт Игорь Леонидович Михайлов, Елена Яковлевна Рабинович из Днепропетровска, Иван Никифорович Сулимов из Одессы, Константин Валерианович Флуг из Волгограда.

Так постепенно продвигается вперед работа по сбору материалов о репрессированных литераторах. В досье по каждому из имён фиксируется информация: лагерная справка, две фотографии (лагерная и гражданская), библиография, сведения о личном архиве, отдельные публикации произведений автора.

Поиск – это всегда захватывающее действие, азартное, приводящее порой к открытиям, всегда радующее результатом. Несколько имен из этого собрания.

СМЕЛЯКОВ ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

1913 – 1972

Буквально недавно закончил чтение воспоминаний Руфи Тамариной «Такая планида, или Зарубка на «Щепке». (Томск, 2002). Про Смелякова автор пишет: «О Ярославе нельзя рассказывать кстати и между прочим – слишком крупное он явление и как поэт, и как личность», «несправедливо забытый сегодня, точнее – полузабытый – прекрасный поэт Ярослав Смеляков».

Поэзия Смелякова ворвалась в меня студенческой песней «Если я заболею, я к врачам обращаться не стану...». Затем резанула по сердцу несправедливостью в стихах, посвящённых Наталье Николаевне Пушкиной, «Натали» – стихами резкими в упреках, но это его право иметь свое мнение. Тем не менее, он затем написал другое стихотворение – «Извинение перед Натали»: извинение свелось к тому, что он подтвердил свои обвинения – достаточно прочесть последние четыре строчки этого стихотворения. А потом пришёл 1989 год, «Мемориал», внимание к лагерной теме. Мне, прожившему 45 лет в Воркуте, знакомому с эшелонами и этапами с 8-летнего возраста (лежал в лагерной больнице в Печоре, на Дальний Восток семья ехала в вагоне, прицепленном к этапному эшелону), сама судьба велела не проходить мимо этой темы. И Ярослав Смеляков раскрылся как узник Особого лагеря № 1 в Инте:

До Двадцатого до съезда
жили мы по простоте –
безо всякого отъезда
в дальнем городе Инте.

Это начало стихотворения «Воробышек»: неприхотливое повествование о том, как узнику в камеру залетел воробей, стал товарищем по несчастью, собеседником, а главное, стал надеждой на жизнь. И поэтому стихотворение Смеляков заканчивает словами человека, помнящего добро:

Я с тех пор снимаю кепку
перед каждым воробьём!

До Инты у Смелякова были и финская война, и плен, после которого он стал поднадзорен, чтобы быть арестованным в 1951 году: «Снова чёрная дыра, вокруг концентрируется в нечеловеческое усилие...», – так написал Евгений Евтушенко в статье «Смеляков – классик советской поэзии» об этом аресте. Эта «чёрная дыра» – Минлаг.

Первый его арест произошел в 1934 году: 4 года лагерей. Только после его смерти было опубликовано его стихотворение «Три витязя» – памятник его друзьям, Борису Корнилову, расстрелянному в 1938 году, и Павлу Васильеву, расстрелянному в 1937 году. Это памятник и ему, Ярославу Смелякову:

Вот так втроём, мы отслужили слову,
И искупили хоть бы часть греха –
три мальчика,
три козыря бубновых,
три витязя русского стиха.

ГРУБИЯН МАТВЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

1909 – 1972

Это имя ворвалось в мою поисковую коллекцию внезапно, сразу там прижилось и полюбилось. Во многом я обязан получением сведений об этом замечательном поэте его дочери Лоре Певзнер, с которой познакомили нас заочно, и теперь между Сыктывкаром и Иерусалимом достаточно прочная почтовая связь.

12 июня 2009 года будет достойно отмечено столетие со дня рождения этого поэта. процитирую Михаила Ардова: «Он поэт, еврейский поэт, пишущий на идиш. Его зовут Матвей Грубиян. Он только что освободился с того самого лагеря, где сидит Лев Николаевич [Гумилев], и вот он приехал к Анне Андреевне с приветом от сына и со своими рассказами о жизни. Слёзы текут по его лицу, слёзы на глазах у всех нас, сидящих за тем памятным мне обедом...».

Матвей Грубиян – фамилия вежливая, запоминающаяся, повседневная. Печататься начал с 1930 года. В 1941 году ушёл на фронт. С 1946 года работал в Антифашистском комитете. Арестован в 1949 году. Лагерь: в том числе и Воркутлаг. Освободился в 1956 году.

В лагере писал стихи. заключенные сделали ему палку, полую внутри – туда прятали исписанными стихами листочки. Переводили стихи Грубияна на русский язык многие, в том числе Евтушенко, Семенин, Озеров, отмечая музыкальность стиха.

Памяти Переца Маркиша

(пер. М. Павловой)

Я прихожу к порогу твоему
не плакать, что уста поэта немые,
что ты ушёл безвременно во тьму –
я прихожу читать твои поэмы.
Нет слёз в моих глазах –
они сухи,
но влажными
все эти книги стали.
Я на окно кладу твои стихи,
чтоб на ветру скорее просыхали.

И насколько схожи по замыслу и душевной боли стихи в переводе Л. Школьника:

Перец Маркиш

Камень на шее – дьявольский гнёт.
Поезда след простыл.
Кто же от боли тебя спасёт?
Я – не в силах. Прости.
Читаю поэмы твои и слёз
Уже не осталось, друг.
И книги, что я тебе принёс, -
Они отсырели вдруг.

Кто вырвет тебя
У стилой земли,
Ярчайший из наших звёзд?
К огню придвигаю книги твои,
чтоб высушить их от слёз...

1957.

СМИРНОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

1898 – 1976

Год рождения – 1898, Плёс, ныне Ивановской области. Печататься начал с 16 лет. Работал в газете «Известия» и журнале «Новый мир». Арестован в 1934 году. Осуждён на 4 года за КРД (контрреволюционную троцкистскую деятельность) и отправлен в Сиблаг, откуда, в сентябре 1936 года, в Воркуту. Освободился в 1939 г. Всю войну – на фронте.

Николай Павлович был признан одним из первых исследователей творчества И.А. Бунина. Неоднократно переиздавался его сборник повестей и рассказов «Золотой Плёс». К 110-летию со дня рождения выпущены два сборника поэзии и прозы.

Сведений о лагерном периоде его жизни пока не обнаружил. Архивное личное дело уничтожено, а несколько строк учётной карточки в архиве фиксирует только даты: рождения, ареста, суда, этапов, освобождения. Например, в карточке не значится, в каких лагерных пунктах и кем работал зека Смирнов Н.П. Плёсский государственный историко-архитектурный музей-заповедник откликнулся и прислал более подробную биографическую информацию. Попытки поисков в архивах Кемерово и Новосибирска пока не дали результатов.

ТИТОВ АРСЕНИЙ ПЕТРОВИЧ

1924 – 2006

Это человек, вошедший в поэзию в лагерях Воркуты. Возможно, он писал стихи и до осуждения, например, на фронте. Арсений Петрович прислал свои стихи в Воркуту, в редакцию газеты «Геолог Севера». Редактор газеты познакомил меня с этим посланием и дал адрес Титова в Братске. Была переписка, были две моих публикации о Титове.

Биографические сведения из письма 2007 года вдовы поэта В.В. Штраус: «...В мае 1943 года призван в армию, воюет, но в апреле 1944 года арестован и осуждён. Срок на Воркуте. Освободился в 1952 году. Находясь в лагере, он имел возможность много читать. Туда завезли трофейную литературу наших классиков дореволюционного издания: Бунина, Достоевского, Мережковского, Толстого и др. Когда мы здесь, на воле, поносили Бунина, «как отщепенца» за его Нобелевскую премию, Арсений Петрович свободно перечитывал «Окаянные дни», «Тёмные аллеи», «Бесы» Достоевского и др.».

Коллекция материалов по А.П. Титову достаточно полная, помимо переписки с ним, есть и сборник стихов, есть автографы, присланные автором, есть фотографии, переписка с семьёй и готовность этой семьи откликнуться. Вот одно из стихотворений Арсения Петровича, в котором он упоминает создателя первой «человечьей душегубки» И.Д. Берга, следователя НКВД, расстрелянного в 1938 году.

Всегда творились дикие поступки,
Но самый гнусный – в наш двадцатый век.
Создатель первой человеческой душегубки
Был наш, простой советский человек.
История – работа мясорубки,
Не вся, конечно, но большой кусок...
Вот Пикассо – он рисовал голубку,
А Берг спокойно нам стрелял в висок.
Целенаправленно и долго убивали
Врагов народа, гадов-кулаков,
А теоретики их зверства прикрывали
Набором догматических основ.
Страна жила одной большой бедою,
Внушали всем: «Смотри, не дремлет враг!»
Мы были прокляты и Богом, и судьбою,
И нас жевал безжалостно ГУЛАГ.

1947.

СОКОЛОВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ

1927 – 1982

ВАЛЕНТИН З\К – так подписывал часто свои стихи этот замечательный поэт. Начало биографии у него простое: учёба в школе, призыв в армию. На политзанятиях отобрали листки со стихами. Это был конец 1947 года. Военный трибунал Московского гарнизона взвесил содержание стихов по политической статье на 10 лет и отправил Соколова на Воркуту. Но и в Воркуте стихи не кончились – они наполнились такой яростной мощью, что в итоге это составило более 30 лет лагерей.

Мне в поисках по Валентину Петровичу очень повезло дважды. Удалось ознакомиться с личным делом бывшего заключённого Сорокина и окунуться в мир его поэзии: в лагерном деле были подшиты стихи, изъятые при обыске, а также стихи, переписанные аккуратным почерком, видимо, для начальства, кем-то из оперативников. Обнаруженные в архиве стихи я сразу же переслал литературоведу Александре Яковлевне Истогиной. Александра Яковлевна, прикованная к постели тяжелейшим недугом, подготовила и издала три поэтических сборника Валентина Соколова. А потом была книга о творчестве Анатолия Жигулина и издания стихов других лагерных поэтов.

Финал стихотворения «Матери»:

Я должен свой крест до конца пронести
Бродягой, рабом, гражданином.
А ты меня, мама, пойми и прости,
Прости неудачного сына.

1955.

3-е лаготделение, каторжный Речлаг на Воркуте

* * *

И я бродил по тюрьмам по советским,
Дав волю сердцу, песням и слезам...
Я в мир смотрел с недоумением детским,
Не веря даже собственным глазам.
На нарах лёжа, думая, вздыхая,
Я доходил, до точки доплывал...
И в дикой роже злого вертухая
Страну свою со страхом узнавал.
Сквозь длинный ряд чекистских кабинетов,
Сквозь оскорблений непрерывный ряд
Я шёл к тебе, моя страна Советов,
Перед которой не был виноват.
Я виноват был в очень странном смысле:
В тюрьму попал за пару дерзких слов,
За пару дерзких откровенных мыслей,
За лозунг против правящих ослов.
Я виноват был в том, что правду-матку
Не мог скрывать, не мог в душе таить...
В тюрьму попал за ненависть к порядку –
К порядку, не дававшему мне жить...

1955.

Коллекция материалов по Валентину Соколову тоже достаточно полная. Первый срок Соколов получал вместе со своими друзьями Борисом Левятовым (срок в Инте) и Юрием Фидельгольцем (срок в Магадане).

Юрий Львович Фидельголец клятвенно обещал мне написать воспоминания о своих друзьях и в прозе, и в стихах (он тоже – поэт).

ГРОНСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

1894 – 1985

Человек прожил долгую жизнь. Его имя в самых верхах литературной власти: подготовка к Первому съезду советских писателей поручена, в том числе, и ему: он связующее звено между М. Горьким и И. Сталиным. Он вхож и значителен. В 1928-1934 гг. – главный редактор газеты «Известия», в 1931-1937 гг. – главный редактор журнала «Новый мир».

А до этого он – участник революционного движения и Первой мировой войны. Арестован в 1938 году. Срок 15 лет. В 1939 г. попал на Воркуту. В 1948 г. там же переведён в особый лагерь № 6 – «Речлаг». Освобождён в 1953 г. и сослан навечно в ссылку.

Иван Михайлович написал воспоминания, в том числе, выполняя обещание, данное Воркутинскому краеведческому музею:

«На Воркуте я пробыл 14 лет в качестве заключённого. Никаких материалов при себе держать я не мог. Всё у меня отбирали (письма, фото, вырезки из газет, рукописи и даже книги). Единственное, что я могу Вам обещать – это свои воспоминания. Но их ещё надо написать».

Опубликованы также письма Гронского Сталину во время подготовки к Первому съезду писателей, воспоминания о взаимоотношениях между М. Горьким и И. Сталиным, переписка с А.А. Ахматовой.

ГРИН НИНА НИКОЛАЕВНА

1896 – 1970

Она была женой светлого писателя Александра Грина. Она всю жизнь посвятила служению памяти о нём. И десятилетний срок в Печлаге не помешал этому служению: в лагере она написала воспоминания об А. Грине. Сумела переслать рукопись брату, который уже прошёл лагерный срок и, получив такую опасную посылку, испугался и сжёг рукопись. Долго скрывал от сестры.

Нина Николаевна восстановила рукопись, всё ещё находясь в лагере. После освобождения воевала сразу на двух фронтах: за собственную реабилитацию и за А. Грина. Всюду бои были нтяжёлыми – победа всюду была за ней, но какой ценой! Когда читаешь её воспоминания, где имена названы рядом с деяниями, где и подлость, и гражданское мужество имеют своих родителей, хочется поклониться этой мужественной женщине.

Ей мстили. Даже, когда умерла в 1970 году, не позволили похоронить рядом с мужем, как она завещала. Лишь через некоторое время, её соратники, ночью, тайком, выполнили последнюю волю Нины Николаевны: перезахоронили возле могилы А. Грина. Время было уже другое и никаких последствий для соратников Нины Николаевны это перезахоронение не принесло.

Поиск материалов по Н.Н. Грин познакомил меня с одним из тех перезахоронителей. Он подарил мне книгу о Н. Грин, написанную соучастницей того события Ю. Первой. Затем были и книга об А. Грине в серии «ЖЗЛ», и музей А. Грина в Кирове.

ТЕЙФ МОИСЕЙ СОЛОМОНОВИЧ

1904 – 1966

Поэт. Печататься начал в 1924 году. Переводчик с русского языка. Арестован в 1937 году. Освободился в 1941. Участник Великой Отечественной войны. Второй арест в 1951 году. Освобожден и реабилитирован в 1956 году. Член Союза писателей СССР с 1934 года. Второй срок пришёлся на Воркуту, на особый лагерь «Речлаг». Поиск материалов привёл к знакомству с дочерью поэта, Леей Дар, проживающей ныне в Иерусалиме. Это облегчило поиски и пополнение коллекции.

КОРЫТНАЯ СТЕЛЛА СЕМЁНОВНА

1924 – 1969

Осуждена Особым совещанием при МГБ СССР по статье 58-10 часть 1 на 10 лет лагерей. Срок на Воркуте. 31 августа 1953 года отправлена на доследование в Москву, где её сразу же освободили, дали квартиру. Она помогала советами сокамерницам, ходатайствовала за них перед теми, кто её так быстро отпустил из ГУЛАГа. Её отец, Семён Корытный, был расстрелян в 1937 году. Работал он вторым секретарём Московского горкома ВКПб. Первым секретарём был Никита Сергеевич Хрущёв.

У Стеллы Корытной сразу несколько загадок. Из рассказов других зечек следовало, что она, как и многие другие заключённые, писала в лагере стихи, причём, признавалась наиболее одарённой.

Вторая загадка: Стелла Корытная «встречалась» мне и в воспоминаниях Улановских, и в романе Екатерины Матвеевой «История одной зечки и других з/к з/к, а также некоторых вольняшек» (М.: ТОО «Шик», 1993). В официальной лагерной переписке заключённые во множественном числе обозначались – «з/к з/к».

Основное действие этого романа происходит в женском лагере на Воркуте в 1952-1954 годах. Попытка назвать настоящее имя автора пока не увенчалась успехом: бывшие зечки не помнят зечки Матвеевой, архивы тоже отрицают её существование. Издательство исчезло. Я собираюсь побывать в родных местах автора романа, в Малаховке, и тогда досье Стеллы Корытной пополнится и фотографиями, и библиографией литературоведческих статей, а список прозаиков – именем той, которая ныне в поиске как Матвеева.

Стелла Корытная впоследствии вышла замуж за звукооператора Якова Харона, узника сибирских лагерей. Его имя у меня в коллекции материалов по книгам, написанным в лагере. Он – один из соавторов книги «Злые песни Гийома». Представьте двух зеков, которые в лагерных условиях пишут сонеты от имени несуществовавшего поэта XVI века Гийома дю Вентре.

В 1969 году Стелла Корытная трагически ушла из жизни.

ШТИЛЬМАРК РОБЕРТ АЛЕКСАНДРОВИЧ

1909 – 1985

Это, пожалуй, самая детективная история. В 1958 году из печати вышло первое издание романа «Наследник из Калькутты». Автор – Роберт Александрович Штильмарк, был арестован в 1945 году на фронте и этапирован на Север, впоследствии попал на строительство так называемой «мёртвой дороги» Салехард–Норильск. В лагере властной и заметной фигурой был нарядчик Василий Василевский, полуграмотный и деспотичный. Он возомнил, что сможет добиться освобождения, если будет помилован Вождём: нужно только написать и послать ему книгу, причём, такой роман, который сразу даст повод освободить его, Василевского, а может, даже и приласкать. Но кто напишет? И его выбор пал на Штильмарка.

Условия были совершенно «творческие»: Штильмарк под Игаркой, в лесу, в шалаше или в землянке, лишённый возможности что-то приобрести для романа от чтения нужных книг, не имея даже географических карт, должен был написать авантюрный роман. Опытный зек Василевский предусмотрительно, чтобы ему срок не добавили, поставил два условия: действие в романе происходит вдали от России и лет 200-300 тому назад. По крайней мере, не нужно будет нести ответственность за отсутствие в романе диктатуры пролетариата и роли ВКПб.

Штильмарк согласился. И родился в тайге этот изумительный роман. Рукопись, по мере написания, передавалась Василевскому, который уже подобрал бригаду переписчиков и переплётчиков. Получилось три толстенных тома плюс атлас морских сражений. На титуле красовалось имя автора, то есть, Василия Василевского. Кто-то из его дальновидных собутыльников отсоветовал посылать товарищу (гражданину) Сталину этот роман. Мотивировка была безупречной:

– Вот вызовут тебя, полуграмотного зека, к гражданину Сталину, и начнёт он интересоваться, как ты писал его. А ты что ответишь? Ведь у тебя в речи из каждых двух слов полтора матерных! И загремишь ты по полной и окончательно.

Греметь Василевскому не хотелось, и он собственноручно вписал в соавторы Роберта Штильмарка.

Послали все четыре тома на имя Сталина в Москву. Наверное, переписчики делали копии с рукописи, ибо отдельные главы романа гуляли по 501-стройке – так официально именовалось строительство «мёртвой дороги». Я спрашивал об этом романе последнего начальника политотдела 501-й

стройки Льва Ивановича Любаева. Он помнил эту историю. Сказал, что некоторые главы тоже читал. Написано интересно.

Но... умер Сталин. Посылка не успела лечь на его стол. Тогда Штильмарк написал сыну Феликсу, чтобы тот отыскал в кабинетах МВД рукопись: жалко было бы дать пропасть такому труду! Все четыре тома отыскились в Культурно-воспитательном отделе ГУЛАГа. Возвращая рукопись Феликсу Штильмарку, там сказали:

– Берегите их. Изумительная вещь – мы прочитали!

Сразу же встал вопрос об издании романа. Нужны были именитые рецензенты, но каждый из именитых, увидев четыре фолианта, отмахивался. С чьей-то помощью уговорили С.С. Смирнова, который оставил для чтения один том, сказав, что через месяц можно зайти за ним. Однако, через пару дней он разыскал Роберта Александровича (уже освободившегося) и срочно попросил принести остальные тома: мол, дети уже прочитали, требуют продолжение, а я ещё не собрался.

В 1958 году вышли два издания романа «Наследник из Калькутты» с двумя авторами на обложке: В. Василевский и Р. Штильмарк. Потом был суд, оставивший в числе авторов только Роберта Александровича. В 1959 году в Алма-Ате вышло третье издание романа, уже имея в числе авторов лишь Р. Штильмарка.

А рукописные тома пропали. Вот как мне пояснил эту пропажу в письме Феликс Робертович в 2002 году: «Тех трёх толстых синих томов и атласа морских сражений, которые я когда-то извлёк из КВО ГУЛАГа, у нас нет – Василий Павлович Василевский буквально украл их из отцовского дома в Купавне, когда уезжал на Украину».

Вы знаете, есть какое-то особенное очарование от общения с подобными, рукописными книгами. Питерский художник Николай Стрижак, изготовивший для моей библиотеки несколько экслибрисов, показывал мне книгу, изданную в единственном экземпляре – солидный том по истории танковых войск в Великой Отечественной войне. Книга легла на стол Сталину, который должен был решить судьбу издания. Сталин читал с карандашом в руках. Книгу оформлял художник А. Кравченко, который был вызван к Сталину. Рецензия Сталина свелась к следующему:

– Книга хорошая. Достойно показан подвиг танкистов в войне. Но в книге много внимания уделяется товарищу Сталину. Создаётся впечатление, что не танкисты, а лично товарищ Сталин совершил все эти подвиги. Такого быть не должно.

И вернул книгу художнику. Кравченко впоследствии подарил её своему другу Николаю Георгиевичу Стрижаку. И опять неизвестность. После смерти Н. Стрижака весь его архив (а там столько рукописных книг с иллюстрациями художника!!!) приобрёл питерский библиофил, который клялся и божился мне, что такой книги в доставшемся ему архиве не было.

А как же «Наследник из Калькутты»? Я думаю, что пока мы не прошли по следу этой рукописи, надежда на встречу с ней остаётся. Тем более, что любезное приглашение поработать в семейном архиве Штильмарков от Феликса Робертовича я получил.

ПОПОВ ОЛЕГ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ

1914 – 2000

В своем повествовании о судьбах людских я коснулся и судеб книг. Расскажу, как я искал роман Сергея Николаевича Сергеева-Ценского «Мишель Лермонтов» (роман в 3-х частях, рис. Т. Мавриной, М.:

Моск. т-во писателей, 1933, 348 с). Прочитав в 1980-е гг. критический отзыв о книге, загорелся желанием самому познакомиться с романом – коль критикуют, уже интересно!

Первое, что я уяснил: в собрании сочинений Сергеева-Ценского этого романа нет. Дальнейшие поиски привели к тому, что особо и не скрывалось: три пьесы Сергей Николаевич объединил в роман, и его также активно поругали, как и за отдельно изданные пьесы. Но как найти? Где 1933 год и где я сейчас?! Как утолить жажду прочтения? Прошло несколько лет поисков: конечно, из Воркуты искать гораздо труднее.

Однажды пришли мы вместе с другом в гости. Я давно знал хозяйку дома, но в квартире ни разу не был: обычная двухкомнатная квартира в деревянном доме. Друг отправился на кухню, помогать хозяйке, ну а книголюба понятно, что интересуется... Но книжных полок – не было, вообще книг не было! Только на шифоньере лежало нечто: единственная книга, нашедшая приют в этом доме, растрепанная, все листочки в отдельности, обложка сама по себе. Взял в руки, открыл книгу... Это был «Мишель Лермонтов»!.. Какое тут застолье! Позвал хозяйку: мне срочно нужно домой, но обязательно с этой книгой. Друг, не без труда, уговорил хозяйку подарить мне книгу.

Через месяц я улетел на очередной Пушкинский праздник поэзии. Промежуточная остановка перед Михайловским – Ленинград, а это обещает бродяжничество по букинистическим магазинам. На витрине увидел: «Мишель Лермонтов». То же самое издание, но не растрепанное и без приключений. Я храню в библиотеке обе книги.

Думаю, что книга не переиздавалась только потому, что очень уж «неправильно» заканчивается она. Сергеев-Ценский пишет, что после выстрела Мартынов отбросил пистолет и на коленях пополз к упавшему Лермонтову с криком:

– Мишель, дорогой, прости!

Наша зоркая цензура увидела в этом отступление от канонического, утверждённого Властью, варианта дуэли. А я верю Сергееву–Ценскому. И Мартынов, и Лермонтов – каждый со своим грузом достоинств и недостатков. Лермонтов язвителен, Мартынов вспыльчив. Ссора началась под звуки фортепианных аккордов, и на повышенный возглас Лермонтова пришлось окончание аккорда: тишина усилила воздействие фразы Лермонтова. А ведь они дружили, их что-то объединяло. Дружили же и А. Грибоедов с А. Якубовичем, но тоже сразились в поединке, в котором Якубович был спокоен и хладнокровен: он не мог позволить себе убить друга, но и не мог не отомстить за, якобы, обиду. Выстрелом он повредил Грибоедову палец на руке, что для прекрасного музыканта стало трагедией.

Мартынов и на дуэли не отошёл ещё от обиды. Думаю, что психологические портреты дуэлянтов в этом произведении – самое объективное приближение к действительности.

Десять лет назад в сборнике «Новости разведки и контрразведки»! (№ 3-4, 1998. С. 30-32) была опубликована статья А. Коваленко, заведующей мемориальным отделом Музея Лермонтова в Пятигорске, и А. Витковского, сотрудника московского журнала «Служба безопасности». Статья «Предателю – благодарная Россия» знакомила с биографией О.П. Попова, чей лагерный срок пришёлся на Воркуту. Письмо мое Витковскому осталось безответным, я просил в содействии получению адреса однофамильца. И поиск был отложен, разумеется, включая и другие причины к этому. Потом была встреча с А.С. Клейном, бывшим лагерником, который рассказал мне о судьбе своего лагерного друга. И здесь в мои поиски вторглось Его Величество Совпадение!

Сопоставьте:

ПОПОВ Олег Пантелеймонович. Пятигорск. Оккупация. Его стихи опубликованы в оккупационной газете «Пятигорское эхо». Арест. Срок. Воркута.

ФЕСЕНКО Федор Степанович. Пятигорск. Публикация стихов в оккупационной газете «Пятигорское эхо». Арест. Срок на Воркуте.

Правда, после Воркуты у Попова была Ярославская область, а у Фесенко – Сургут.

Так как рассказано мне было о Сургуте, то и письма пошли туда: на адрес, который стоял на конвертах давней переписки Клейна и Фесенко, а также библиофилу из Сургута. Я получил из Сургута и адрес вдовы Фесенко, и пересказ разговора с дочерью, которая архив отца перевезла в Железноводск.

Пока это всё искалось, я познакомился с книгой Э. Максимовой «По следам загубленных судеб» (М.: Известия, 2007, С. 29-33). Открыл наугад. Со страницы, которая «наугад», на меня смотрели фото человека и надпись «НН после воркутинских шахт». Разумеется, сразу стал читать очерк, в котором имя героя было скрыто буквами «НН». Читал и не мог избавиться от ощущения, что историю эту я уже когда-то прочитывал. Показал супруге фото:

– Так мы же разговаривали уже об этом человеке. Забыла фамилию, но он был у меня читателем в библиотеке Железнодорожного района. Там же преподавал в школе. Я даже однажды была у него в гостях.

Та статья, из 1998 года, вновь не вспомнилась. Я отправил письмо бывшему воркутинскому журналисту, ветерану газеты «Известия», Юрию Гринько. Сначала позвонил он мне, потом позвонила автор очерка Элла Максимова. Круг сужался, ибо к этому моменту я уже знал, что разговариваю об однофамильце. Я даже уже планировал, как в 2009 году буду добираться из Ярославля в Семибратово, ибо на ежегодной встрече библиофилов в Кирове было решено принять приглашение Всемирного Союза экслибристов, съезд которого пройдет в мае 2009 года в Ярославле.

И вдруг пришло письмо-приглашение на Лермонтовские чтения. Я очень благодарен ярославским библиотекарям за это приглашение, ибо надеюсь, что пополнится моя подборка по репрессированным литераторам в результате этой поездки. Думаю, есть возможность обогатить и ярославское досье на О.П. Попова воркутинскими сведениями.

Справка из Книги Памяти Ставропольского края:

«Попов Олег Пантелеймонович, родился в 1914 году в Смоленске, русский, образование незаконченное высшее. Учитель средней школы в совхозе №12. Проживал: Благодарненский район. Арестован 19 марта 1947 года. Приговорён: Военным трибуналом войск МВД Ставропольского края 23 июня 1947 года. Приговор: к 20 годам лагерей с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества».

Справка из Воркутинского архива:

«Попов Олег Пантелеймонович, 1914 г.р., по национальности русский, уроженец г. Ставрополь, по профессии учитель, незаконченное высшее образование, работал при школе Ставропольского Зерносовхоза учителем, осуждён Военным трибуналом войск МВД Ставропольского края в г. Ставрополе 23 июня 1947 года по ст. 58-1а УК РСФСР на 20 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Начало срока с 19 марта 1947 года, конец срока 19 марта 1967 года. Прибыл 24 ноября 1947 года из Кирова. Освобождён из мест лишения свободы 16 февраля 1956 года на основании п.2 и 6 Указа ПВС СССР

от 17 сентября 1956 года «Об амнистии» с применением зачётов рабочих дней. Архивное личное дело на хранении имеется».

Такова, не совсем краткая, попытка рассказать о коллекции материалов по теме «Репрессированные литераторы». Как и в любом поиске, здесь есть свои победы и свои поражения. Например, в прошлом году мне удалось разыскать лагерное дело коми писателя, поэта, драматурга Виктора Алексеевича Савина, которое было признано утерянным. В Сыктывкаре есть улица его имени, театр его имени, памятник, гимн Республики написан на слова В. Савина, а вот биографии его до сих пор нет, и даже закрыли музей его имени в столице Коми. Поэтому такие поиски и исследования будоражат и приносят несомненную пользу. Сейчас в Сыктывкаре снимается телефильм о Викторе Савине, основой которого служит найденное лагерное дело. Ибо до сих пор не было понятно, почему его не освободили после окончания срока, а отправили умирать в сибирский лагерь. Оказалось, это решение одного человека, начальника оперчекистского отдела Воркутлага, который на принятом уже решении о подготовке зека к освобождению написал: «Освобождению не подлежит как коми националист». И увезли его по этапу умирать в Сибирь.

В процессе исследовательской работы появилась необходимость собирать и систематизировать материалы и по другим темам:

- ГУЛАГ в советской художественной литературе до 1953 года.
- Литературное творчество в советских лагерях.
- Литературное творчество в нацистских лагерях.
- Книга и библиотеки в ГУЛАГе.

Работа продолжается.

Примечания:

*Личная коллекция автора статьи, несколько лет занимающегося исследованием жизни и творчества репрессированных литераторов.

Сведения об авторах

Баранов Владимир Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, заведующий геологическим музеем имени профессора А.Н. Иванова ЯГПУ (г. Ярославль).

Блохина Ирина Витальевна, заведующая библиотекой-филиалом № 13 имени Ф.М. Достоевского муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля». Лауреат городской премии за достижения в области развития библиотечного дела (2008). Специализируется на изучении жизни и деятельности представителей рода Достоевских (г. Ярославль).

Виноградов Виталий Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани, Чечено-Ингушской АССР, член Президиума Общественной Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа, академик-руководитель Международной Академии наук, академик Международной Академии информатизации, член Союза журналистов России (г. Армавир Краснодарского края).

Дружнева Наталья Алексеевна, заместитель директора Государственного архива Костромской области по основной деятельности (г. Кострома).

Калинина Елена Анатольевна, заведующая отделом читальных залов библиотеки-филиала № 13 имени Ф.М. Достоевского муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля». Специализируется на изучении жизни и деятельности представителей рода Достоевских (г. Ярославль).

Коваленко Александра Николаевна, заведующая мемориальным отделом Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в г. Пятигорске. Автор статей и книг по лермонтоведению и краеведению (г. Пятигорск).

Левагина Светлана Николаевна, ведущий методист Областной юношеской библиотеки имени А.А. Суркова города Ярославля.

Люфт Елена Гейнриховна, студентка 3 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир Краснодарского края).

Попов Анатолий Александрович, член Всероссийской организации библиофилов, Сыктывкарского общества «Мемориал». Сорок пять лет проживания в Воркуте определили темы исследований и собирательства по истории Воркуты времен ГУЛАГа и репрессированных литераторах (г. Сыктывкар).

Рассказова Лариса Викторовна, кандидат культурологии, главный хранитель Объединения литературно-мемориальных музеев Пензенской области (г. Пенза).

Русанов Алексей Владимирович, историк, главный хранитель Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина (г. Воронеж).

Скафтымова Людмила Александровна, доктор искусствоведения, профессор государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова (г. Санкт-Петербург).

Харчева Инна Юрьевна, редактор Государственного бюджетного учреждения культуры «Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова» (г. Пенза).

Черноусова Инга Геннадьевна, студентка 4 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир Краснодарского края)

Шихваргер Ирина Хоновна, методист Центральной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля». Дважды лауреат областной премии имени Н.А. Некрасова (1994, 2001), лауреат городской премии за достижения в области развития библиотечного дела (2009) (г. Ярославль).

Ямадзи Асуга, доктор филологии, научный сотрудник Хоккайдского университета (Япония).

**Кто близ небес,
тот не сражен земным...**

Материалы восьмых Лермонтовских чтений

20-21 октября 2008 года

Материалы сборника издаются в авторской редакции

Тираж 300 экз.

Центральная библиотека имени М.Ю. Лермонтова

муниципального учреждения культуры

«Централизованная библиотечная система

города Ярославля»

150049 г. Ярославль, проспект Толбухина, 11

Тел./факс: (4852) 21-07-34

Отдел краеведения: 45-77-86

e-mail: foton@clib.yar.ru

www.clib.yar.ru